

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Елизаров В.В. ПОЛИТИКА ПОВЫШЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОЖИДАНИЯ, РЕЗУЛЬТАТЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ	9
Иванов С.Ф. ЭВОЛЮЦИЯ БРАКА В ЕВРОПЕ: ДОЛГОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	38
Архангельский В.Н. РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ	52
Денисенко М.Б. ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ	80
Данилова И.А. РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ	118
Козлов В.А., Герасимова В.Ю. ОТНОШЕНИЕ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ К МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ	148
Синица А.Л. УХОД ЗА ДЕТЬМИ И ИХ ВОСПИТАНИЕ КАК ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	180
Мкртчян Н.В. ПРОБЛЕМЫ УЧЕТА НАСЕЛЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП В ХОДЕ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 2010 Г.: ПРИЧИНЫ ОТКЛОНЕНИЙ ПОЛУЧЕННЫХ ДАННЫХ ОТ ОЖИДАЕМЫХ	197

Васин С.А., Козлов В.А. ОСНОВНЫЕ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ СРЕДСТВ К СУЩЕСТВОВАНИЮ СОГЛАСНО ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ – 2010	215
Винник М.В. СЕЗОННОСТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ (НА ПРИМЕРЕ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ ПОКРОВСКОГО ПРИХОДА Г. БАРНАУЛ, 1877 – 1886 ГГ.)	251
Максудов С. ГЕОГРАФИЯ ПОТЕРЬ ОТ ГОЛОДА 1932 – 1934 ГОДОВ НА УКРАИНЕ	268
Дмитриев Р.В. ФАКТОРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ ИНДИИ	279

ПРЕДИСЛОВИЕ

Серия «Демографические исследования» издается в Центре по изучению народонаселения фактически 18 лет¹. С 2006 г. выпуски этой серии носили исключительно тематический характер. Так были изданы сборники по проблемам миграции, исторической демографии, смертности, региональной демографии, расселению населения, смертности и заболеваемости от СПИД, региональной демографической политике и др. Предлагаемый вниманию читателя очередной, двадцать второй, выпуск серии «Демографические исследования» в отличие от предыдущих десяти выпусков не является тематическим. В нем представлены результаты исследований демографов по совершенно разным проблемам народонаселения. Но, взяв статьи сборника в их совокупности, можно еще раз увидеть, насколько многогранно влияние демографических процессов на все стороны развития человеческого общества. А это влияние по-прежнему часто исключается из исследовательских предпосылок в экономических науках и социологии, недооценивается при принятии политических решений.

Сборник открывает статья В.В. Елизарова, в которой автор дает оценку результативности проводимой в Российской Федерации политики стимулирования рождаемости. Согласно мнению известного ученого, у нас нет оснований полагать, что положительные демографические тенденции сохраняются. Факторы, которые вызвали подъем рождаемости в 2006 - 2012 гг., прежде всего увеличение численности населения в репродуктивных возрастах, себя исчерпали. Автор считает, что вклад мер демографической политики в этот рост был более чем скромным. Несмотря на кажущуюся масштабность той государственной помощи, которая сегодня предоставляется семьям с детьми, ее явно недостаточно как для более полной реализации сложившихся установок на рождение второго и последующих детей, так и для стимулирования рождаемости, изменения системы ценностей, повышения престижа семьи с несколькими детьми. По мнению В.В.

¹ До 2006 г. она издавалась под названием «Население и кризисы» под редакцией Б.С.Хорева.

Елизарова, для улучшения демографической ситуации требуется существенное перераспределение ресурсов в пользу социальной сферы.

В статье С.Ф. Иванова прослеживается эволюция брачности на европейском континенте за последние столетия. Автор показывает, что большинство людей по-прежнему вступают в брак: универсальной является тенденция к откладыванию вступления в брачный союз, а не к отказу от брака. Тенденции брачности в различных странах свидетельствуют о расширении многообразия форм и глубоких изменениях в институте брака во многих частях мира. Очень интересным, особенно для развития демографической теории, представляется заключение автора о том, что регионально-культурные типы брачного поведения значительно различаются и пока трудно определить, сближаются ли они.

Региональная демографическая проблематика затрагивается в трех статьях сборника. И.А. Данилова дает общую характеристику различий между субъектами Российской Федерации в показателях воспроизводства и миграции населения. На основе проведенного анализа автор приходит к заключению, что для повышения результативности современной демографической политики систему ее целей и задач следует тесно увязать с особенностями развития населения отдельных групп регионов. В.Н. Архангельский по результатам социологического опроса в Тульской области рассмотрел основные черты репродуктивного поведения молодежи. Обследование показало, что большая часть молодежи собирается иметь более одного ребенка. Тем не менее, из-за высокой доли тех, кто ориентирован на однодетную семью, среднее ожидаемое число детей не превышает отметку 2 ребенка. В своей статье М.Б. Денисенко на примере анализа демографических процессов в Костромской области показывает необходимость переноса исследовательского акцента с уровня области на уровень муниципальных районов. Подобный шаг повысит степень обоснованности политических решений в области управления социальными процессами, как на уровне региона, так и страны в целом.

В следующем блоке статей затрагиваются вопросы взаимосвязи демографических изменений и социальных процессов. В.А. Козлов и В.Ю. Герасимова остановили свое внимание на проблеме взаимоотношений поколений в условия демографического старения. На основе данных Европейского социального обследования им удалось показать, что регулярное общение представителей различных поколений между собой способно не только улучшить их взаимоотношения (в данном случае это показано на примере отношения пожилых к молодежи), но и в целом поднять уровень субъективного счастья пожилых. А.Н. Сеница проанализировал эволюцию отношений между рождаемостью и общественной оценкой женского труда по уходу за детьми. Низкая общественная оценка такого труда создает много социально-экономических проблем, в том числе является одним из препятствий для повышения рождаемости.

В двух статьях сборника обсуждаются результаты всероссийской переписи населения 2010 года. Н.В. Мкртчян в своем критическом анализе переписных материалов пришел к заключению, что постоянное (юридическое) население России преувеличено, а наличное (фактическое) преуменьшено. Проблемы учета населения, по его оценкам, наиболее ярко проявились в отдельных возрастных группах (дети до 6 лет, молодежь от 17 до 22 лет, старшие возраста) и регионах страны (особенно в Дагестане, Москве и Карачаево-Черкесии). С.А. Васин и В.А. Козлов проанализировали распределение населения по 12-ти выделенным в переписи источникам средств к существованию. Особый интерес для экономико-демографических исследований представляет анализ распространенности источников по возрастно-половым характеристикам населения.

Вопросы исторической демографии затронуты в статьях известного ученого С. Максудова, долгое время работавшего в Гарвардском университете, и М.В. Винник, аспирантки института демографии НИУ ВШЭ. С. Максудов остановился на вопросе о распределении потерь от голода 1930-х гг. по территории Украины. М.В. Винник на основе персональных данных метрического учета проанализировала особенности сезонных колебаний в

демографических процессах на территории Покровского прихода г. Барнаул в последней четверти XIX века.

Завершает сборник статья Р.В. Дмитриева, в которой рассматриваются демографические аспекты увеличения численности городов в Индии и процессы формирования крупнейших агломераций на территории этой страны.

Несомненно, отдельные статьи сборника найдут своего читателя. Но вместе с тем его выпуск заставляет вновь вернуться к большой для русскоязычных демографов теме - теме отсутствия периодического научного журнала по проблемам демографии. Парадоксально, но факт: в России при огромном общественном интересе к проблемам населения демографы ограничены в возможностях представления результатов своих исследований. Очевидно, что появление такого издания будет способствовать повышению демографической грамотности, как широкой общественности, интересующейся вопросами народонаселения, так и лиц, принимающих решения в области демографической и миграционной политики.

М.Б. Денисенко
НИУ ВШЭ – МГУ

Елизаров В.В.¹

**ПОЛИТИКА ПОВЫШЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ В
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОЖИДАНИЯ, РЕЗУЛЬТАТЫ,
ПЕРСПЕКТИВЫ²**

Низкая рождаемость – главная причина депопуляции.

Поддержка семей с детьми была и остается важным направлением демографической политики, в той ее части, которая направлена на увеличение рождаемости и укрепление семьи. Особенно в странах, где рождаемость уже давно не обеспечивает даже простое воспроизводство населения. В таких странах раньше или позже, но смертность неизбежно начнет превышать рождаемость. В странах с миграционным притоком, миграция может лишь частично компенсировать естественную убыль.

Все больше число стран с низкой рождаемостью начинают задумываться о последствиях депопуляции, рассматривая эту проблему как проблему национальной безопасности, а с учетом масштабов замещающей миграции - и как проблему сохранения национальной идентичности. Растет число стран, оценивающих уровень рождаемости как слишком низкий: с 16 в 1976 г. до 47 в 2009 г., а также стран, считающих необходимым стимулировать увеличение рождаемости: с 13 в 1976 г. до 43 в 2009 г. [32].

¹ Елизаров Валерий Владимирович – к.э.н., руководитель Центра по изучению проблем народонаселения, заведующий лабораторией народонаселения и демографии экономического факультета МГУ

² Статья подготовлена при поддержке РГНФ (грант №12-03-00555 «Детерминация демографического поведения и демографическая политика»).

Таблица 1

Оценки и политика правительств в области рождаемости

Оценки и политика	1976		1986		1996		2009	
	Число стран	Доля, %						
Считают уровень рождаемости:								
слишком низким	16	10,7	22	13,4	28	14,5	47	24,1
удовлетворительным	79	52,7	75	45,7	78	40,4	75	38,5
слишком высоким	55	36,7	67	40,9	87	45,1	73	37,4
Всего	150	100	164	100	193	100	195	100
Считают необходимым воздействие на рождаемость с целью:								
увеличить	13	8,7	19	11,6	27	14,0	43	22,0
сохранить	19	12,7	16	9,8	19	9,8	28	14,4
уменьшить	40	26,7	54	32,9	82	42,5	74	37,9
воздействие не планируется	78	52,0	75	45,7	65	33,7	50	25,6
Всего	150	100	164	100	193	100	195	100

Источник: [32]

В развитых странах коэффициент суммарной рождаемости опустился к концу первого десятилетия XXI века до уровня 1,6 рождения на женщину в среднем. Поэтому, если в 1976 году лишь 7 из 34 (менее 21%) развитых стран считали сложившийся уровень рождаемости слишком низким, то в 2009 году таких было уже 30 из 49 (более 61%). По ответам правительств на вопросник ООН из 30 развитых стран, которые оценивали в 2009 году сложившийся уровень рождаемости как слишком низкий, 27 (т.е. 9 из 10) признали необходимым проводить политику ее повышения [32].

Политика повышения рождаемости включает в себя: пособия при рождении детей, пособия семьям с детьми, материнские отпуска по беременности и родам, родительские отпуска по уходу за маленькими детьми, субсидируемые дошкольные учреждения, налоговые льготы, гибкие режимы рабочего времени для родителей, пропаганду равного участия супругов в домашней работе и воспитании детей [33].

Россия уже давно (со второй половины 1960-х годов) относится к числу стран с низкой рождаемостью, не обеспечивающей в перспективе воспроизводства населения. Нетто-коэффициент воспроизводства лишь в 1986-88 гг. достигал 1⁴.

По данным переписи 1989 г., среди всех семей с детьми до 18 лет семей с одним ребенком было чуть больше половины - 50,8%, а среднее число детей составило 1,63. Но по данным переписи 2002 г., семьи с одним ребенком составили уже 65,2%, а среднее число детей снизилось до 1,44.

Суммарный коэффициент рождаемости⁵, достигнув минимума в 1999 г. (1,157), рос на протяжении последних 10 лет, достигнув величины 1,6 в 2011 г.(оценка). Но это ниже, чем в странах Северной и Западной Европы, в 1,25 раза меньше, чем в США. Наиболее существенный прирост уровня рождаемости был в

⁴ Нетто-коэффициент равный 1 означает возможность замещения поколения женщин их дочерьми при длительном сохранении существующих уровней рождаемости и смертности. Величина коэффициента меньше 1 свидетельствует о суженном воспроизводстве.

⁵ Суммарный коэффициент рождаемости показывает гипотетическое среднее число детей на 1 женщину при сохранении показателей возрастной рождаемости года, для которого рассчитывается коэффициент.

2007-2008 гг., что, безусловно, связано с началом реализации в 2007 г. новых мер государственной помощи семьям с детьми.

Как развивалась политика поддержки семей с детьми?

Начало политики, направленной на повышение рождаемости (в масштабах СССР) восходит к 1936 г. Были запрещены аборт (запрет просуществовал до 1955 г.), установлены пособия на детей (начиная с 6-го), впервые введено взыскание алиментов [18].

Экономическая и моральная поддержка семьи и деторождения была усилена в 1944 гг. С целью поощрения многодетности введены пособия на детей: единовременные, начиная с 3-го, и ежемесячные, начиная с 4-го ребенка (со второго года жизни и до 5 лет), учреждены награды многодетным матерям. Одиноким матерям было установлено пособие на ребенка 50% минимальной заработной платы. Налог на бездетных (введенный в 1941 г.) был установлен в размере 6% (на мужчины от 20 до 50 лет, женщин от 20 до 45 лет). Была ужесточена процедура развода [27].

С 1 ноября 1974 г. были введены пособия малообеспеченным семьям с детьми, в размере 12 руб. на каждого ребенка до 8 лет [26].

30 лет назад Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22 января 1981 г. № 235 «*О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей*» был введен комплекс мер демографической политики с целью создания лучших условий для роста населения и воспитания подрастающих поколений. Были установлены **единовременные пособия** на 1-го (50 рублей) и 2-го (100 рублей), увеличены в 5 раз (с 20 до 100 руб.) пособия на 3-го ребенка. Введен **частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до 1 года** в размере 35 (50) руб., неоплачиваемый – до 2-х лет. **Молодые семьи получили право на кредиты** (через предприятия, при наличии 1-го ребенка, до 1,5 тыс. руб. на 8 лет (без %, после рождения 2-го ребенка погашалось 200 руб., 3-го - еще 300 руб.). Работавшие женщины–матери получили дополнительные дни к очередному отпуску. Были также предусмотрены меры по пропаганде семьи и семейных ценностей.

Все эти меры вводились поэтапно, по регионам страны в 1981-83 гг., а в РСФСР - в 1981-82 гг. (с 1 ноября 1981 г. - в районах Дальнего Востока, Сибири, в северных районах европейской части РСФСР; с 1 ноября 1982 г. - в остальных районах РСФСР).

В 1990 г. был продлен частично оплачиваемый отпуск по уходу за новорожденным до 1,5 лет (с сохранением прежнего размера оплаты) и до 3-х лет отпуск без содержания. Дородовой отпуск был увеличен с 56 до 70 дней. Появились региональные программы и отдельные меры по социальной защите семей с детьми (например, в Москве была принята целевая программа «Молодая семья», было введено пособие на детей, не посещающих детские сады).

С распадом СССР началось формирование собственно российской семейной политики. В условиях либерализации цен и высокой инфляции вводились новые пособия и компенсации для поддержки семей с детьми.

В принятой в 1993 г. Конституции РФ было зафиксировано, что *«В Российской Федерации ...обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, ...устанавливаются пособия и иные гарантии социальной защиты»* [10].

Система пособий, введенная федеральным законом «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» от 19 мая 1995 г. №81-ФЗ (с последующими изменениями) включала в себя: пособие по беременности и родам; единовременное пособие женщинам, ставшим на учет в медицинских учреждениях в ранние сроки беременности (до 12 недель); единовременное пособие при рождении ребенка; ежемесячное пособие на период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет; ежемесячное пособие на детей (увеличенные для одиноких матерей и некоторых других категорий семей) [30].

«Основные направления государственной семейной политики», принятые в 1996 г., предусматривали *«...дальнейшее развитие системы семейных пособий, охватывающей поддержкой все семьи с детьми; поэтапное увеличение доли расходов на семейные пособия, включая пособия по беременности и родам и по*

уходу за детьми в возрасте до полутора лет, в валовом внутреннем продукте до 2,2 процентов» [14]. По оценкам ЮНИСЕФ, сделанным в середине 90-х годов, России требовалось увеличить государственные расходы на детские пособия на сумму не менее 2 процентных пунктов от ВВП [20]. В 1991 г. этот показатель – доля расходов на семейные пособия – составлял в Российской Федерации около 2%, в 1994 г. – около 1% ВВП.

С 1995 г. по 2000 г. размеры материнских и семейных пособий устанавливались в процентном отношении к минимальному размеру оплаты труда (МРОТ), что по идее должно было компенсировать рост цен (инфляцию). В 1999 г. был начат переход к новой модели назначения и выплаты пособий – **по адресному принципу – только на детей в семьях с низкими доходами**. Был принят Федеральный закон [29] в соответствии с которым с августа 1999 г. было установлено право на ежемесячное пособие на ребенка только для семей со среднедушевым доходом, не превышающим 100 процентов величины прожиточного минимума в субъекте Российской Федерации. С 2001 года пособия семьям с детьми стали устанавливать в фиксированном размере. Начиная с 2001 г. средства на текущую выплату пособий стали выделяться субъектам РФ целевым назначением (в виде субвенций). Они включались в Фонд компенсаций, финансируемый из федерального бюджета. Размеры пособий периодически пересматривались в сторону увеличения [6].

Убыль населения России, продолжавшаяся с 1992 г., подтолкнула власти к разработке более комплексной стратегии. В 2001 г. была принята *«Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года»*, в которой были предусмотрены **меры по стимулированию рождаемости** (пособия, налоговые льготы, жилищные субсидии молодым семьям и т.п.) [11].

В числе приоритетов в области стимулирования рождаемости вошло:

- повышение материального благосостояния семьи и создание социально-экономических условий, благоприятных для рождения, содержания и воспитания нескольких детей;

- работа с достойной заработной платой, а также возможность обеспечить семью соответствующими жилищными условиями;
- обеспечение работникам, имеющим детей, условий, благоприятствующих сочетанию трудовой деятельности и выполнению семейных обязанностей.

Это предполагало:

- совершенствование системы выплаты пособий, гражданам, имеющим детей, в том числе - повышение размеров пособий и обеспечение их адресности,
- дифференцированный подход к определению размеров пособий и налоговых вычетов с учетом материальных условий семьи и ее социального положения,
- улучшение жилищных условий молодых семей в случае рождения ребенка, выделение на региональном уровне безвозмездных субсидий и использование механизма льготного кредитования в зависимости от числа детей в семье.

К сожалению, декларативный характер Концепции не был дополнен реальными планами мер по ее реализации. В тоже время механизм реализации предполагал разработку региональных концепций. И эта работа во многих регионах была проделана, что, однако, не позволило серьезно повлиять на улучшение демографической ситуации.

С 2005 г. основные виды деятельности, ответственность и финансирование социальной поддержки подавляющей части семей перенесены на регионы: *«Размер, порядок назначения и выплаты ежемесячного пособия на ребенка устанавливаются законами и иными нормативными правовыми актами субъекта РФ»* [31]. Это положение предопределило существенные различия между регионами в уровне поддержки семей с детьми.

Несмотря на принимаемые меры, в целом, в России на протяжении 2-й половины 1990-х годов и первой половины 2000-х происходило явное ослабление государственной поддержки семьи, доля расходов на семейные и материнские пособия упала к 2006 гг. до 0,2% от ВВП.

Перелом в отношении к демографической политике вообще и мерам поддержки семей с детьми, в частности, произошел после Президентского послания Федеральному Собранию 2006 года.

Одно из главных положений Послания-2006 - *«...никакая миграция не поможет решить демографических проблем, если мы не создадим условий для рождаемости в нашей стране, не разработаем свои программы поддержки семьи»* [4].

В Послании-2006 была предложена программа *«...стимулирования рождаемости, а именно: меры поддержки молодых семей, поддержки женщин, принимающих решение родить и поднять на ноги ребенка»*.

Было акцентировано внимание на том, что *«... сегодня мы должны стимулировать рождение хотя бы второго ребенка»*.

В Послании-2006 были предложены конкретные меры поддержки молодых семей и женщин, призванные обеспечить стимулирование рождения хотя бы второго ребенка: *увеличение размеров пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет, введение компенсации затрат на детское дошкольное воспитание, увеличение стоимости родовых сертификатов, материнский капитал*.

Все законы, необходимые для правового обеспечения новых мер политики, были приняты уже к концу 2006 года.

Реализованные в 2007-2011 г. дополнительные меры поддержки женщин-матерей и семей с детьми, были призваны остановить нарастание демографического кризиса, сформировать предпосылки для перехода к более активной демографической политике, создать семьям лучшие условия для рождения и воспитания детей, сохранения и укрепления их здоровья.

В 2007 г. были существенно увеличены пособия по уходу за ребенком до 1,5 лет (с 700 руб. до 1500-6000 руб.), впервые введены пособия по уходу за ребенком для неработающих женщин (1500 руб. при рождении 1-го ребенка, 3000 руб. при рождении 2-го и следующего). Работающим женщинам пособие впервые установлено в долях к зарплате – 40% зарплаты на момент ухода в отпуск по беременности и родам, но не менее, чем неработающим матерям. Была установлена и максимальная величина пособия – не

более 6000 руб. Несколько увеличился размер «родового сертификата», впервые введенного в 2006 г. – с 7 до 10 тыс. рублей, при этом, помимо стимулирования женских консультаций (3 тыс.) и роддомов (6 тыс.), введено стимулирование послеродового наблюдения за здоровьем ребенка в детской поликлинике (1 тыс. рублей) [5].

В 2007 г. были введены небольшие компенсационные выплаты родителям, дети которых посещают дошкольные учреждения, дифференцированные по очередности рождения ребенка (20% от платы на 1-го ребенка, 50% - на 2-го и 70% на 3-го и следующих). Расходы, связанные с предоставлением компенсации финансируют субъекты РФ, при этом обеспечивается софинансирование путем предоставления субсидий субъектам из бюджета РФ.

Для выхода страны из демографического кризиса в октябре 2007 г. Указом Президента была утверждена *«Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года»* [12]. Приоритеты демографической политики в области **стимулирования рождаемости** и укрепления семьи предусматривают создание социально-экономических условий, благоприятных для рождения, содержания и воспитания нескольких детей. Кроме мер поддержки семей с детьми решение задачи по повышению уровня рождаемости включает в себя реализацию комплекса мер по содействию занятости женщин, имеющих малолетних детей, в целях **обеспечения совмещения родительских и семейных обязанностей с профессиональной деятельностью**, в том числе: создание для женщин, выходящих из отпуска по уходу за ребенком, условий, **способствующих их возвращению к трудовой деятельности**, организацию системы повышения их квалификации и переобучения профессиям, востребованным на рынке труда; расширение использования **гибких форм занятости** (в том числе надомный труд, частичная занятость), позволяющих совмещать работу с выполнением семейных обязанностей. План мероприятий на первый этап реализации Концепции (на 2008 - 2010 гг.) предусматривал раздел *«Мероприятия, направленные на повышение рождаемости,*

поддержку семей, имеющих детей, обеспечение законных прав и интересов детей», включавший 22 мероприятия [15].

В 2008 г. с 10 до 11 тыс. рублей (на 1 тыс. рублей) вырос размер «родового сертификата». Была увеличена вдвое стоимость талона номер 3, предназначенного для стимулирования послеродового наблюдения за здоровьем ребенка в детской поликлинике. Обе части талона 3 (А и Б) – на первую и вторую половину первого года жизни ребенка - выросли с 500 руб. до 1 тыс. рублей).

Начавшийся в 2008 г. кризис побудил правительство включить в антикризисные меры и меры поддержки семей с детьми. Так было разрешено использовать материнский капитал в 2009 г., не дожидаясь 2010 г., на погашение ипотечных кредитов и погашение уже взятых ссуд на строительство или приобретение жилья. Кроме того было разрешено однократно использовать 12 тыс. рублей из средств материнского (семейного) капитала на текущие нужды.

Чтобы не допустить снижения в результате реальной покупательной способности социальных пособий и выплат, с 2008 года **законодательно введен порядок их индексации**. В 2008 г. все основные пособия и материнский капитал были увеличены на 10,5%, в 2009 г. – на 13%, в 2010 г. – на 10%, в 2011 г. – на 6,5%, в 2012 г. – на 6%. При этом размеры индексации были ниже фактического уровня инфляции.

Систему пособий дополняют **налоговые вычеты** – стандартные и социальные. На каждого ребенка, находящегося на обеспечении у налогоплательщиков, являющихся родителями, предоставляется *стандартный налоговый вычет* (в отношении доходов, облагаемых по налоговой ставке 13%). В 2002-2004 гг. размер вычета составлял 300 руб. за каждый месяц налогового периода, с 1 января 2005 г. увеличен вдвое – до 600 руб. В 2006-2008 гг. размер и условия вычета не менялись, и лишь с 1 января 2009 г. размер вычета был увеличен до 1000 руб. При этом вырос не только размер вычета, но и предельная сумма, с достижением которой право на вычет пропадает – сразу с 40 до 280 тыс. рублей (действует до настоящего времени). Это означает, что работники с

зарплатой, близкой к средней (до 23,3 тысяч рублей), могут воспользоваться льготой полностью в течение 12 месяцев. В 2011 г. размер налогового вычета на третьего и каждого последующего ребенка увеличен до 3000 руб., в 2012 г. увеличены до 1400 руб. вычеты на 1-го и 2-го ребенка.

В качестве продолжения действия антикризисных мер 2009 г. было разрешено тем семьям, где дети родились с 1 октября по 31 декабря 2009 г., использовать часть материнского капитала (12 тыс. руб.) вплоть до 31 марта 2010 г. Позднее было принято решение о продлении права на эту выплату на весь 2010 г. и далее на 2011-12 гг. При рождении еще одного ребенка можно получить выплату в 12 тыс. руб. повторно.

В Президентском Послании-2010 г. было заявлено: *«Мы взяли за демографическую проблему всерьёз и надолго, но должны понимать, что в ближайшие 15 лет будут сказываться последствия демографического спада 90-х годов, а число женщин так называемого репродуктивного возраста значительно сократится. И это серьёзная угроза, это вызов для всей нашей нации»* [17]. Ответом на этот вызов должна стать комплексная политика, направленная на поддержку семей с детьми, прежде всего молодых и многодетных, на стимулирование рождаемости. В Послании-2010 утверждалось *«...главный путь преодоления демографического кризиса – это радикальное увеличение количества семей с тремя и более детьми»*. Для этого многодетным семей должен быть создан режим наибольшего благоприятствования. Руководителям всех субъектов Федерации было предложено ввести региональный «материнский капитал», подумать и о других формах поддержки многодетных семей, включая предоставление при рождении третьего и последующего ребёнка бесплатных земельных участков под строительство жилого дома или дачи.

Намеченные правительством меры предусматривают повышение доступности и качества медицинской помощи матерям и детям, развитие программы родового сертификата, увеличение финансирования лечения бесплодия с применением ЭКО, в том числе технологий экстракорпорального оплодотворения,

модернизацию детских поликлиник и больниц и т.п. Объявленная в Послании-2010 программа мер по сути является логическим продолжением курса, на «стимулирование рождения хотя бы второго ребенка»

Результаты политики стимулирования рождаемости

В отчёте о деятельности Правительства РФ за 2011 г. утверждалось, что уже реализованные программы – программы поддержки семьи, охраны материнства и детства – доказали свою эффективность. *«За 2008–2011 годы в России родилось более 7 млн детей – один из самых высоких показателей за несколько последних десятилетий. ...**Всё больше российских семей принимают решение о рождении второго и даже третьего ребёнка. За последние пять лет количество «вторых рождений» у нас увеличилось на 45%, а третьих и последующих – на 62%.** За всем этим – вера людей в себя, в своих близких, в свою страну, в будущее своих семей, в дееспособность и ответственность своего государства»* [1].

Выступая на расширенном заседании Госсовета Д.А.Медведев подчеркнул: *«У нас есть и один очень весомый повод для гордости, я об этом не сказать просто не могу. В прошлом году в России впервые за многие годы не снизилась численность населения. **В нашей стране стало больше детей. ... Это прекрасный результат.** И, какие бы страшные сценарии нам ни рисовали, показатели рождаемости лучше всех говорят об общей обстановке в стране, об уровне благополучия общества, о самоощущении наших граждан – вот о чём они говорят: об их уверенности в завтрашнем дне.»* [2].

По мнению официальных лиц, рост числа рождений с 1479,6 тыс. в 2006 г. до 1796,6 тыс. в 2011 г. - на 317 тыс. человек или на 21,4%, обусловлен успехами демографической политики, прежде всего, «материнским капиталом» и «родовыми сертификатами».

Посмотрим на данные демографической статистики.

В 2006 г. в России родилось 1479,6 тыс. детей.

В 2007 г. в России родилось 1610,1 тыс. детей. Прирост числа рождений - 130,5 тыс. - наибольший после 1983 г. (в 1983 г.

он составил 150,3 тыс.). Темп прироста 8,82% - наибольший за период с 1954 г. (8,5%).

В 2008 г. в России родилось 1713,9 тыс. детей. Прирост числа рождений - 103,8тыс. по сравнению с 2007 г. или 6,45%.

В 2009 г. - 1761,7 тыс. - прирост на 47,8тыс. или 2,79%.

В 2010 г. - 1788,9 тыс. - прирост на 27,2 тыс. или 1,54%.

В 2011 г. - 1796,6 тыс.- прирост на 7,7 тыс. или 0,43% [8].

В 2012 г. - 1896,3 тыс.- прирост на 99,7 тыс. или 5,5% (!) [9]. После 4 лет замедления прироста рождений - неожиданный рост. Единственное возможное объяснение такого прироста, тот факт, что в прошлом году было заключено браков на 100 тыс. больше, чем в 2010 г. [8]. Большая часть их – первые браки молодых людей, родившихся в 80-е годы.

Число детей, родившихся в 2007-2011 г. оказалось самым высоким после 1991 г. (тогда родилось 1794,6 тыс. детей). Вследствие этого **прекращается сокращение числа детей**⁶. Число детей начинает расти, и это продолжится до тех пор, пока снизившееся число рождений не станет меньшим, чем численность детей, достигающих 18-летия.

Что привело к росту рождаемости? Успешная семейно-демографическая политика? Или здесь сработали и иные факторы? Тогда важно понимать, как они будут дальше влиять на рождаемость.

Один из факторов роста числа рождений - рост численности молодых матерей, родившихся в 80-е годы – годы относительно высокой рождаемости. Часть прироста обусловлена фактором благоприятной возрастной структуры в результате высокой рождаемости середины 1980-х годов. Последнее десятилетие наблюдался рост численности молодежи в возрасте 20-29 лет.

⁶ Число рождений в 90-е годы составило: 1992 г.-1587,6 тыс.чел.; 1993 -1379,0; 1994 - 1408,2; 1995 - 1363,8; 1996 - 1304,6 тыс.чел.

Таблица 2

Численность женщин в возрасте 20-29 лет.

Дата	Численность, тыс.чел.	Прирост за год
на 9.10.2002 г. (перепись)	10982	
на конец 2005 г.	11665	+683 тыс.
на конец 2006 г.	11851	+186 тыс.
на конец 2007 г.	12036	+185 тыс.
на конец 2008 г.	12134	+ 98 тыс.
на конец 2009 г.	12142	+ 8 тыс.
на конец 2010 г.	11960	- 182 тыс.

Потенциальное количество женихов и невест росло, это создавало благоприятный фон для создания новых семей и браков, а так же для увеличения рождения первых, а в перспективе и вторых детей.

Среднегодовая численность выросла с 11758 тыс.чел. в 2006 г. до 12138 тыс. в 2009 г. (+380 тыс.). В 2010 г. среднегодовое число женщин 20-29 лет составила 12051тыс.чел. На долю этой возрастной группы в 2007-2010 г. пришлось около 65% рождений. Только один этот фактор – рост численности женщин в возрастах с наивысшей рождаемостью обеспечил примерно 16-17 тыс. прироста в 2007 г. и около 12-13 тыс. прироста в 2008 г. около 5 тыс. в 2009 г. (в сумме около 35 тыс.).

По нашим расчетам к 2010 гг. численность женщин этой возрастной группы достигла максимума. После 2010 г. начнется быстрое сокращение численности - до 7,5 млн. к началу 2020 г. и до 6,7-6,8 млн. в 2023-2025 гг. С 2011 г. структурный фактор «работает в минус», т.е. будет способствовать постепенному снижению ежегодного числа рождений.

Другой фактор роста - в 2007-2010 гг. наблюдался заметный прирост повозрастной рождаемости в возрастах старше 25 лет.

Таблица 2

**Изменение коэффициентов повозрастной рождаемости в
возрастных группах от 20 до 44 лет за период (в %).**

годы	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	Суммарный коэффициент рождаемости
2006/ 2005	-1,2%	0,4%	2,9%	5,1%	3,3%	0,7%
2007/ 2006	2,0%	10,4%	16,5%	21,9%	22,6%	8,5%
2008/ 2007	2,6%	5,4%	10,8%	13,6%	21,1%	6,3%
2009/ 2008	0,6%	3,0%	5,6%	7,3%	13,0%	2,9%
2010/ 2009	-1,8%	2,7%	5,6%	8,3%	13,5%	1,9%
2011/ 2010	0,0%	0,6%	1,3%	5,0%	6,8%	1,0%

Примечание: выделены фоном максимальные значения приростов.

Изменилась традиционная модель рождаемости с максимумом рождений в возрастной группе 20-24 года, начиная с 2008 г. наибольшая рождаемость в группе 25-29 лет⁷. Продолжился наблюдаемый уже более 10 лет рост среднего возраста матери при рождении детей (1994 г. – 24,6 лет, 2000 г. – 25,8 лет, 2006 г. – 26,6 лет, 2007 г. – 27,0 лет, 2008 г. – 27,2 лет, 2009 г. – 27,4 лет, 2010 г. – 27,7 лет, 2011 – 27,8 лет).

Третий фактор роста – влияние новых мер политики, как экономических, так и пропагандистских.

Рождаемость в возрастах старше 25 лет, как правило, растет за счет увеличения рождений 2-х-3-х детей, в том числе под влиянием новых мер стимулирования рождаемости. Доля вторых и третьих рождений по сравнению с 2006 г. выросла, и существенно. Однако, на наш взгляд, не только материнский капитал, но и

⁷ В сельском населении максимальный уровень рождаемость сохраняется в группе 20-24 года.

пособия по уходу за детьми до 1,5 лет, также могли сыграть большую роль, особенно для безработных женщин и женщин, получающих низкую зарплату. Об это свидетельствует рост числа женщин, получающих такие пособия и рост бюджетных расходов на эти пособия (см. Табл.5).

И еще один важный, по нашему мнению, фактор, объясняющий рост числа рождений прежде всего за счет вторых и третьих рождений: в последние годы молодыми родителями становились представители поколения 80-х годов, в котором более половины детей не были единственными детьми в семье, они сами выросли в двухдетных, а часть и в многодетных семьях. Этому поколению, видимо, было проще откликнуться на меры стимулирования рождаемости.

Несмотря на рост рождаемости, по данным переписи 2010 г. семьи с одним ребенком составили 65,5% (в 2002 г. – 65,2%), доля семей с двумя детьми снизилась с 28,2 до 27,5%, а вот доля семей с 3 и более детьми увеличилась с 6,6% до 7,0% (в городских домохозяйствах увеличилась с 4,2% до 4,8%, в сельской местности сохранилась на уровне 13,1%) [13]. Среднее число детей в семьях, по нашей оценке осталось на уровне 2002 г. – 1,44.

Среднее число рожденных детей, в расчете на 1000 женщин возраста 15 лет и старше, сократилось с 1513 в 2002 г. до 1469 в 2010 г. Доля женщин, родивших 3 и более детей снизилась с 14,1% до 12,9% (у русских женщин – с 12,0% до 10,6%). У русских женщин среднее число детей (1405 на 1000 женщин) и доля родивших 3 и более детей (10,6%) были самыми низкими среди 22 наиболее многочисленных национальностей России (400 тыс.чел. и более). Самое высокое число рождений было отмечено у ингушей – 2257, у чеченцев – 2196, даргинцев – 1975 и аварцев - 1923, а из коренных малочисленных народов – у тувинцев-тоджинцев – 2405 (но их всего менее 2 тыс.) [9].

Перспективы рождаемости

Выступая 11 апреля 2012 г. в Государственной Думе с отчетом о деятельности Правительства РФ за 2011 г.В.В. Путин отметил: *«Мы должны понимать, что столкнёмся с серьёзным вызовом – с демографическим эхом 1990-х годов, когда страна*

*пережила самый жестокий, я бы не побоялся этого слова, самый жестокий демографический спад. Нам нужны новые решительные шаги по сбережению и развитию народа, однако если мы не восстановим традиционное отношение к базовым моральным ценностям, то никакие меры экономической и социальной политики не принесут устойчивого результата. **Крепкая благополучная многодетная семья** – вот вокруг чего следует объединить усилия государства, общества, религиозных организаций, отечественного просвещения и культуры.» [1].*

В последние годы несколько выросла рождаемость и заметно снизилась убыль населения, однако пока нет оснований полагать, что удастся и далее сохранять эти положительные тенденции и не только стабилизировать численность населения, но и увеличить его. Это будет сложно еще и потому, что возрастная и половая структура населения сильно деформированы, что сказывается и будет сказываться далее на воспроизводстве населения [3]. Возрастная структура населения России несет на себе отпечаток как трагических событий XX века (голод, война), так и существенных для судеб страны решений в социальной и экономической политике.

Главная причина сохранения крайне неровной возрастной структуры в нижней половине пирамиды - **демографическая волна**, волнообразное изменение числа родившихся (см. Рис.1).

Число рождений сократилось с 2,8 млн. чел. в 1960 г. до 1,8 млн. в 1968 г., затем выросло до 2,5 млн. в 1986-87 гг., упало до 1,2 млн. в 1999 г. и увеличилось до 1,8 млн. в 2010-2011 г. Мы видим, что максимум числа рождений только приблизился к минимуму второй половины 60-х годов.

Число рождений меняется волнообразно. Могут быть годы, когда без особых усилий государства число рождений растет, и годы спада, когда, что бы мы ни делали, снижения числа рождений не избежать.

Рис. 1. Число рождений в России, 1946-2012 гг.

Факторы, которые вызвали подъем рождаемости в 2006 - 2012 гг., себя практически исчерпали, и после 2012-2013 гг. неизбежно начнется следующая фаза падения рождаемости (числа рождений), вызванная, прежде всего неизбежным сокращением численности молодых женщин в наиболее активном репродуктивном возрасте (20-34 лет) – за последующие 15 лет более, чем на 6 млн. человек.

Таблица 4
Перспективная численность женщин репродуктивного
возраста в России по прогнозу Росстата (средний вариант;
тысяч человек, на начало года) [32]

Годы	Численность женщин в возрасте (лет)					
	20-24	25-29	30-34	20-29	20-34	15-49
2009	6210,6	5923,7	5401,6	12134,2	17535,9	38112,5
2010	6044,1	6098,8	5457,7	12142,8	17600,5	37563,0
2011	5833,0	6179,2	5560,1	12012,2	17572,3	36950,0
2012	5465,4	6316,4	5628,1	11781,8	17409,9	36380,7
2013	5026,7	6362,3	5776,8	11389,0	17165,7	35823,8
2014	4555,4	6265,2	5976,0	10820,6	16796,6	35374,1

Примечание: выделены фоном максимальные значения – «вершины» волн.

На Рис.2 (см. ниже) этот прогноз предстает более наглядно.

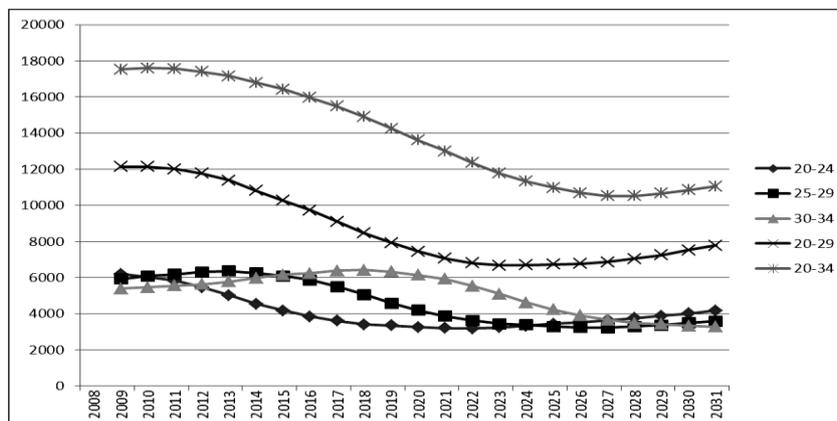

Рис.2. Динамика численности женщин основных репродуктивных возрастов

Сокращение численности женщин основных репродуктивных возрастов уже началось. В целом численность женщин 20-29 лет с максимально высокой рождаемостью - более 90 рождений на 1000 женщин в год – будет сокращаться вплоть до 2023-2024 гг. (на 5,4 млн. чел. или 55% от численности в 2010 г.). На эту группу возрастов приходится около 64-65% рождений в последние годы. По данным переписи 2010 г. 73% женщин родили первого ребенка в возрасте 20-29 лет. Неизбежное и существенное сокращение числа рождений предопределено. Если сейчас на возраста 20-29 приходится более 1 млн. рождений, то к 2023 г. оно сократится примерно на полмиллиона (!) – при сохранении сегодняшних уровней повозрастной рождаемости. И группа 30-34 лет (ее численность будет увеличиваться до 2018 г.) этот спад не компенсирует.

Что делать? Достаточно ли принятых и планируемых мер для поддержания достигнутого уровня рождаемости?

Развивая и совершенствуя демографическую политику на федеральном и региональном уровне, надо успеть подготовиться за 3-4 года к качественному улучшению политики за пределами 2014-

2015 г. Если мы это не сделаем, то нас будет ожидать еще один спад рождаемости, более глубокий, чем в конце 90-х. Так, число рождений может уменьшиться с 1,8 млн. в 2009-2011 гг. до 1 млн. и менее к 2025 г. Даже массовая двухдетность не остановит снижение числа рождений. Выход – в постепенной ориентации общественного мнения и формирование у молодых семей установок на рождение не только второго, но и третьего ребенка.

Концепцией демографической политики России на период до 2025 г. предусмотрено, что на третьем этапе (2016 - 2025 годы) *«В связи со значительным уменьшением к началу третьего этапа численности женщин репродуктивного возраста потребуются принять дополнительные меры, стимулирующие рождение в семьях второго и третьего ребенка».*

По расчетам Правительства за время реализации второго этапа Концепции демографической политики, рассчитанного на 2011–2015 годы, *в демографические проекты будет вложено порядка 1,5 трлн. рублей* [1]. Ожидаемый результат - *повышение по сравнению с 2006 г. уровня рождаемости на 25–30%*. Для достижения этого результата в Плане мероприятий по реализации в 2011-2015 гг. Концепции демографической политики выделен раздел *«Мероприятия по повышению уровня рождаемости»*, включающий 25 мероприятий [16].

Президентом России 7 мая 2012 г. подписан Указ «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации». Правительству РФ поставлена задача обеспечить *повышение к 2018 году суммарного коэффициента рождаемости до 1,753*, для чего поручено принять меры, направленные на *создание условий для совмещения женщинами обязанностей по воспитанию детей с трудовой занятостью*. Руководителям субъектов РФ рекомендовано установить нуждающимся в поддержке семьям *ежемесячную денежную выплату до достижения ребёнком возраста трёх лет*, назначаемую в случае рождения после 31 декабря 2012 г. третьего ребёнка или последующих детей (в размере определённого в субъекте РФ прожиточного минимума для детей). Субъектам РФ, в которых сложилась неблагоприятная демографическая ситуация и величина суммарного коэффициента

рождаемости ниже средней по России, из федерального бюджета будут выделены ассигнования на софинансирование до 90 % необходимых в 2013 году средств (с последующим уменьшением этой поддержки до 50 % к 2018 году) [25].

В утвержденной Указом Президента РФ 1 июня 2012 г. «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» отмечается, что *наметились позитивные тенденции увеличения рождаемости и снижения детской смертности, улучшения социально-экономического положения семей с детьми* [24]. При этом среди основных проблем в сфере детства выделены *высокий риск бедности при рождении детей, особенно в многодетных и неполных семьях, а также неравенство между субъектами РФ в отношении объема и качества доступных услуг для детей и их семей*. Стратегией предусмотрены *разработка и принятие федерального закона, определяющего основы государственной семейной политики, а также формирование системы мониторинга и статистического учета для оценки эффективности семейной и социальной политики в сфере материнства и детства*. Среди планируемых мер, направленных на сокращение бедности среди семей с детьми, *разработка и принятие минимальных государственных гарантий в области доходов и социальных услуг, определяющих основные показатели качества жизни семей с детьми, совершенствование системы налоговых вычетов для семей с детьми* и другие меры.

Несмотря на кажущуюся масштабность принятых в 2007-2011 гг. мер, по нашему мнению, их явно недостаточно для того, чтобы молодые семьи могли принимать более свободные и ответственные решения о рождении детей. Анализ показывает, что даже удвоение расходов на поддержку семьи в 2007 г. (в сравнении с 2006 г.) и их ежегодная индексация в 2008-2012 годах оставляет этот показатель на уровне 0,6-0,7 % к ВВП (т.е. меньше, чем в 90-е годы). Вклад пособий в доходы семей, по-прежнему, незначителен.

Таблица 5

Расходы на семейные и материнские пособия (1996-2011 гг.)

Годы	1996	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Расходы на семейные и материнские пособия, всего (млн. руб.), до 1998 г. - млрд. руб.	21072	57811	120828	178786	225475	264866	353700
пособие по беременности и родам	1691	19109	29410	44222	57039	67317	75632
единовременное пособие при рождении ребенка	1246	11047	12246	14158	16878	18737	21311
пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет	1863	7607	54306	75210	97067	121797	139802
ежемесячное пособие на ребенка	16272	19624	24090	32611	40898	43607	45228
по уходу за детьми инвалидами		424	776	912	680	760	938
прочие семейные и материнские пособия				11673	12913	12648	11048
Расходы на семейные и материнские пособия, в % к ВВП	1,0	0,2	0,4	0,4	0,6	0,6	0,6
в % к объему денежных доходов населения	1,4	0,3	0,6	0,7	0,8	0,8	1,0

Источник: [21, 22].

Той помощи, которая сегодня предоставляется семьям с детьми, явно недостаточно как для более полной реализации сложившихся установок на рождение второго и последующих детей, так и для стимулирования рождаемости, изменения системы ценностей, повышения престижа семьи с несколькими детьми. Семьи с несовершеннолетними детьми имеют повышенные риски бедности, как результат низкой заработной платы и невысоких размеров материнских и детских пособий. Рождение ребенка для большинства молодых семей ведет к резкому снижению уровня жизни. Число детей стало одним из главных факторов бедности. Чем больше в семье детей, тем ниже ее среднедушевые доходы, тем больше доля семей бедных, с доходами ниже прожиточного минимума. В особенно трудной ситуации находятся семьи, в которых мать получает пособие по уходу за ребенком в возрасте до полутора лет, а также семьи с детьми дошкольного возраста с одним работником. Из-за огромного дефицита мест в дошкольных учреждениях и невозможности обеспечить качественный и недорогой уход за детьми многие матери не могут приступить к работе после окончания отпуска по уходу за ребенком до полутора лет. Накопившийся дефицит (2144,6 тыс. на 1.01.2011 г. [21]) столь велик, что преодолеть его в ближайшие годы крайне сложно⁸ [19].

Улучшение демографической ситуации невозможно без существенного перераспределения ресурсов в пользу социальной сферы, без серьезных программ в области демографической политики, без масштабных затрат на ее реализацию.

Ожидания увеличения третьих рождений перспектива малореальная, если доля вторых рождений вновь начнет снижаться. По данным Всероссийской переписи населения-2010 лишь 8,1% женщин, из ответивших на вопрос о рождаемости, родили трех и более детей (в 2002 г. таких было 8,9%). Среднее число рожденных женщинами детей уменьшилось в расчете на 1000 женщин с 1513 в 2002 г. до 1469 в 2010 г. В городских населенных пунктах этот показатель составил 1328 детей (в 2002 г. – 1350), а в селе – 1876 (в 2002 г. – 1993) [13]. По данным, полученным в 2011 году в ходе

⁸Дефицит увеличивается, на начало 2010 г. 1895 тыс. детей нуждались в устройстве в дошкольные образовательные учреждения.

обследования репродуктивного здоровья населения около половины имеющих одного ребенка замужних женщин (49,9%) хотели бы родить еще, а 20,9% не хотят больше иметь детей. Среди двухдетных женщин хотели бы родить еще одного всего лишь 15,2%, а 64,3% не желают больше иметь детей⁹.

Не построив «второй этаж», мы уже спешим строить «третий». Конечно, без третьих рождений к уровню простого воспроизводства не приблизиться ни за что, но и ставка на многодетность в нашей стране с преобладанием малодетного мышления у большинства населения в большинстве регионов – это пока утопия. Пока приоритетом должно оставаться наращивание поддержки в рождении второго ребенка, а не третьего.

Только дальнейшее развитие гарантированных государством экономических мер поддержки семей с детьми в сочетании с пропагандистскими мерами, направленными на укрепление семейных ценностей, позволит создать среду, в которой решения о рождении детей (и не только первых, но и вторых и третьих) будут приниматься более свободно и более ответственно.

Необходимо принять закон «О государственных гарантиях поддержки семей с детьми», устанавливающий понятную, доступную и реально обеспеченную систему гарантий государственной поддержки при рождении и воспитании детей; предусмотреть поэтапное увеличение затрат на поддержку семей с детьми (до 1% от ВВП к 2012 г., до 1,5% к 2015 г. до 2,0% к 2020 г. и до 2,5% к 2025 г.); расширить направления использования материнского (семейного) капитала; привести планы увеличения минимального размера оплаты труда (МРОТ) в соответствие со статьей 2 Трудового кодекса РФ, предусматривающей, что зарплата должна обеспечивать достойный уровень существования *работника и его семьи*; увеличить налоговые льготы семьям с детьми. Для снижения смертности предстоит продолжить развитие высокотехнологичной медицинской помощи, усилить роль профилактической медицины, регулярных диспансеризаций, формировать установки на здоровый образ жизни у детей и

⁹Репродуктивное здоровье населения России. 2011. Резюме отчета. - [http://www.unfpa.ru/assets/files/Publications/Summary%202011_26-10-12%20\(2\).pdf](http://www.unfpa.ru/assets/files/Publications/Summary%202011_26-10-12%20(2).pdf)

молодежи.

Для научного обеспечения разработки новых мер демографической и семейной политики очень важно восстановить демографическую статистику в объеме, существовавшей до 1998 г., для чего внести необходимые изменения в Закон «Об актах гражданского состояния» (нет данных о распределении новорожденных по очередности рождения, о числе детей после развода, недостаточно данных о родителях, вступающих в брак и расторгающих его). Необходимо активизировать научные исследования семейно-демографических проблем, проводить мониторинг результативности реализуемых мер демографической политики. Намеченное на 2015 г. Всероссийское обследование домохозяйств под угрозой срыва из-за проблем с финансированием из бюджета.

И, наконец, необходимы повышение демографической грамотности всех уровней управления, а также квалифицированная социально-демографическая экспертиза (оценка последствий) проектов стратегий, решений, законов, программ, бюджетов - всего, что прямо или косвенно влияет на воспроизводство населения (рождаемость, формирование семьи, здоровье, смертность, миграцию), на положение семей с детьми, на стабильность семьи.

Литература

1. Выступление Председателя Правительства РФ В.В.Путина 11 апреля 2012 г. в Государственной Думе с отчетом о деятельности Правительства РФ за 2011 г. - <http://premier.gov.ru/events/news/14898/>
2. Выступление Президента РФ Д.А. Медведева на расширенном заседании Госсовета. 24 апреля 2012 г. - <http://kremlin.ru/news/15111>
3. Демографическая политика России: от размышлений к действиям. М., 2008, с.14. - <http://www.undp.ru/index.php?iso=RU&lid=2&cmd=publication&id=74>
4. Ежегодное Послание Президента РФ Федеральному Собранию. 10 мая 2006 г. - <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/05/105546.shtml>

5. *Елизаров В.В.* Демографическая политика в области поддержки семей с детьми: новые меры и предложения по их развитию // Демографическая и семейная политика. – М.: МАКС Пресс, 2008, с.4.
6. *Елизаров В.В.* Семейная политика и экономическая поддержка семьи в современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2002, №6, с.13-16.
7. Естественное движение населения Российской Федерации в 2011 г. Стат.бюллетень. М., 2012. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_106/Main.htm
8. Естественное движение населения (оперативная информация за январь-декабрь 2012 г.) - http://www.gks.ru/free_doc/2012/demo/edn12-12.htm
9. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_i_togi1612.htm
10. Конституция Российской Федерации, 1993 г. Ст. 7, п. 2. - <http://constitution.kremlin.ru/>
11. Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 24 сентября 2001 г. № 1270-р. -<http://base.garant.ru/183768/>
12. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351. - <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=041941>
13. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года. - http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_i_togi1612.htm
14. Основные направления государственной семейной политики. Утверждены Указом Президента РФ № 712 от 14 мая 1996 г. - <http://www.referent.ru/1/8042>
15. План мероприятий по реализации в 2008 - 2010 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утвержден распоряжением Правительства РФ от 14 февраля 2008 г. №170-р.- <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6285108/>

16. План мероприятий по реализации в 2011 - 2015 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утвержден распоряжением Председателя Правительства РФ от 10 марта 2011 г. №367-р.-
<http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6649130/>
17. Послание Президента России Федеральному Собранию 30 ноября 2010 года. - <http://www.kremlin.ru/news/9637>
18. Постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах».
19. Российский статистический ежегодник 2010. М., 2010, с.223.
20. Семейные пособия: международные нормы и зарубежный опыт. М., 2003. С.73-74.
21. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011. С.385.
22. Российский статистический ежегодник - 2012. - http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_13/IssWWW.exe/Stg/d1/06-16.htm
23. Стенограмма выступления В.Путина в Государственной Думе 11 апреля: <http://pravdaoputine.ru/official-putin/putin-v-gosdume-11april2012-tekst-stenogramma-audio/>
24. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы».-
<http://www.pravo.gov.ru/laws/acts/43/555449.html>
25. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 года №606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации». - <http://kremlin.ru/acts/15257>
26. Указ Президиума ВС СССР от 25 сентября 1974 года «О введении пособий на детей малообеспеченным семьям» - http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8416.htm
27. Указ Президиума ВС СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении

- охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства».
28. Федеральная служба государственной статистики: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography/#>
 29. Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 171-ФЗ «О внесении изменения в статью 16 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей»
 30. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. №81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей». - <http://base.garant.ru/10101162/>
 31. Федеральный закон от 22 августа 2004 г. №122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
 32. World Population Policies 2009. United Nations, New York, 2010. ST/ESA/SER.A/293, p.50,52. URL: http://www.un.org/esa/population/publications/wpp2009/Publication_highlights.pdf
 33. WPP-2009.United Nations, 2010: 13.

Иванов С.Ф.¹

ЭВОЛЮЦИЯ БРАКА В ЕВРОПЕ: ДОЛГОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ²

Брак в доиндустриальных и индустриальных обществах

Брак это регулируемая обществом и, в большинстве государств, регистрируемая в соответствующих государственных органах семейная связь между двумя людьми, достигшими брачного возраста, порождающая их права и обязанности по отношению друг к другу, а также, при наличии у пары детей, — и к детям. Формы брака, порядок его заключения и расторжения, санкционированные обществом взаимоотношения супругов, менялись на протяжении веков и до сих пор значительно варьируют в разных культурах, хотя и очевидна общемировая конвергенция в сторону светского, моногамного, заключаемого по свободной воле обоих супругов и легко расторгаемого брака.

Относительная выгодность совместного проживания и объединения ресурсов, а также преимущества гендерной специализации семейных ролей повышают уровень экономического благосостояния состоящих в браке сравнительно с холостыми. Кроме того, супруги, их родственники и друзья позволяют значительно расширить источники возможной поддержки индивида в непредвиденных обстоятельствах [13,9]. В принципе совместное ведение хозяйства может осуществляться в коллективах, члены которых не являются ни супругами, ни кровными родственниками.

А вот демографическое воспроизводство к середине прошлого столетия стало универсальной прерогативой семьи. Конечно, всегда существовали бездетные супружеские пары и внебрачные дети, однако, и то и другое еще несколько десятилетий назад повсеместно воспринималось как прискорбное отклонение от нормы и нередко влекло за собой серьезные общественные санкции.

¹Иванов Сергей Феликсович - Департамент экономических и социальных вопросов Секретариата Организации Объединенных Наций.

²Источником использованных в статье количественных данных является, если не указан другой источник, база данных по брачности, поддерживаемая Отделом народонаселения ООН с 2003 г. Данные были опубликованы в United Nations. World Fertility Report 2003, World Fertility Report 2007, а впоследствии на сайте <http://www.un.org/esa/population>.

При отсутствии эффективной контрацепции сексуальное и репродуктивное поведение были жестко сцеплены и санкционированы исключительно в рамках брачного союза.

Таковы, в целом, свойства брака, сложившиеся в Европе на протяжении ее новой истории. Брак был и остается не только объектом социальных, экономических, политических воздействий. Многие компоненты общества (отношения собственности, межпоколенные потоки благ, участие в трудовой деятельности, гендерные отношения, сексуальное поведение) зависят от характеристик брака как общественного института. При этом динамическое взаимодействие института брака с культурой характеризуется региональными, национальными и субнациональными различиями. Сложность взаимодействий института брака с другими компонентами общества порой такова, что попытки обобщать эти связи в рамках парадигмы курицы и яйца, не всегда плодотворны.

Возраст вступления в брак и распространенность браков особенно важны для воспроизводства населения. Эти характеристики меняются, причем иногда волнообразно. Средневековой Европе была свойственна традиция ранних браков. С середины второго тысячелетия в Западной, Северной и Южной Европе³ стал распространяться новый, отличный от традиционного тип брачности, названный «европейским» [6]. Его важными характеристиками были поздний возраст вступления в брак и весьма высокий уровень окончательного безбрачия. Хотя прямые данные по этому вопросу скудны, авторитетные исследователи

³Экономисты и публицисты часто используют дихотомию «Западная Европа/Восточная Европа». Более того, понятия «Западная Европа» и «Европа» нередко используются как взаимозаменяемые. Однако демографическое поведение в широко понимаемой Западной Европе весьма неоднородно. Более адекватна использовавшаяся ООН (до начала 1990 гг.) географическая классификация, в соответствии с которой Европа делится на четыре региона (Восточная, собственно Западная, Северная и Южная). Восточный регион включал все и исключительно страны с «центрально-планируемой экономикой» (в иной терминологии – социалистические страны), которые впоследствии превратились в «страны с переходной экономикой». Остальные три региона включали страны с рыночной экономикой (в альтернативных определениях – демократические или капиталистические), которые после начала рыночно - демократических преобразований в Восточной Европе стало логично называть странами с «устоявшейся рыночной экономикой». Стройность этой схемы нарушали включенные в Южную Европу социалистические Югославия и Албания.

придерживаются мнения, что этот тип брачности прочно утвердился не позднее XVIII века. Впоследствии промышленная революция и урбанизация скрепили европейскую брачность системой новых социальных и экономических отношений (Табл. 1).

Таблица 1

Доля никогда не состоявших в браке среди лиц в возрасте 40-49 лет, начало XX в.

Страна*, год	Возраст, лет	Женщины	Мужчины
Бельгия, 1900	45-49	17,1	16,1
Швейцария, 1900	45-49	17,0	16,0
Нидерланды, 1900	45-49	14,0	13,0
Англия и Уэльс, 1901	45-54	13,4	11,0
Австрия, 1900	45-49	13,0	11,0
Канада, 1911	45-49	12,0	15,1
Франция, ок. 1900	к 50 годам	11,5	12,2
Италия, 1900	50-54	10,9	10,9
Испания, 1900	45-49	10,2	6,4
Германия, 1900	45-49	10,1	8,2
Австралия, 1901	45-49	9,3	22,4
США, 1900	45-49	8,6	12,0
Польша, 1900	40-49	7,8	6,1
Россия, 1897	40-49	5,1	...
Венгрия, 1900	45-49	4,0	5,0
Греция, 1907	45-49	4,0	9,0
Румыния, 1899	40-49	3,0	5,0
Япония, 1920	45-49	1,9	2,3
Болгария, 1900	45-49	1,0	3,0
Сербия, 1900	45-49	1,0	3,0

*Примечание: Страны расположены в порядке убывания доли никогда не состоявших в браке женщин.

Источник: [11,7].

В решающей степени поздние браки и множество никогда не вступавших в брак обуславливались тем, что адекватными промышленному капитализму стали нуклеарные семьи на основе отдельных домохозяйств (которых было немало и среди

средневековых горожан), хотя расширенные и корневые семьи были распространены во многих странах и культурных зонах, но, как правило, в богатых классах, т.е. среди ничтожного меньшинства населения. Высокая цена жилья в городах делала непосильным создание своих домохозяйств для большинства молодежи. Для большинства единственным путем накопления необходимой суммы была длительная работа по найму. Массовым вариантом добрачного накопления было личное услужение: молодые люди из неимущих классов или семей со скромным достатком на много лет нанимались слугами, причем не обязательно в богатые семьи, благодаря чему личное услужение отчасти становилось межпоколенным обменом трудом внутри своего класса. С другой стороны, в требовавших квалификации профессиях заработок сильно зависел от стажа, причем увеличение заработка происходило ступенями.

Наследственное право также оказывало влияние на возраст вступления в брак и уровень брачности. В Европе правила широко варьировали от майората (права старшего сына на наследование всей недвижимости) до равноправия всех сыновей в отношении наследства, в то время как права дочерей, как правило, сводились к приданому. В то же время в Англии землевладелец обладал полной завещательной свободой, а во Франции наполеоновский кодекс обеспечивал права всех детей на равную долю наследства. Направление и сила воздействия наследственного права на возраст вступления в брак зависели от многих факторов, в частности от величины состояния, традиции, а то и от макроэкономических условий [8].

Владельцы крупных состояний в принципе обладали возможностью относительно рано женить и выдавать замуж своих детей, что нередко и происходило. Однако, они же могли быть заинтересованы в том, чтобы предотвратить дробление своей собственности, причем иногда наблюдалась историческая тенденция к усилению этой мотивации. К примеру, в семьях пэров Англии средний возраст женихов составлял в 16 в. 26 лет, а невест – 21 год; к концу XVIII века возраст вступления повысился соответственно до 29 и 26 лет.

В некоторых странах (Финляндия, Норвегия) земельный голод был существенным фактором откладывания браков, в других (Бельгия, Нидерланды, Швейцария) раннее развитие сельского неаграрного производства принесло жителям дополнительные доходы, позволившие раньше вступать в брак. Начиная примерно с середины 19 в., промышленная революция в Северной и Западной Европе принципиально расширила возможности неаграрной занятости и больших доходов, стала втягивать население в быстро растущие крупные города, причем молодежь стала уезжать туда не во временный, пусть и длительный, «отход», а навсегда. Эти процессы набирали силу постепенно и неравномерно, но уже в последней четверти XIX века наметилась поначалу робкая тенденция к изменению типа брачности, а именно к омоложению брака и росту его популярности. Эта тенденция стала массовой в XX веке, а в его последние десятилетия повернула вспять, но уже по новым, специфическим для постиндустриального общества причинам (об этом см. ниже).

К началу XX века, когда в целом еще сохранялся старый «европейский» тип брачности, во многих странах Западной и Северной Европы средний возраст вступления в первый брак составлял 25-26 лет для женщин и 27-28 лет для мужчин, а в Швеции, соответственно, 28 и 30 лет (Табл. 2). Семьдесят-восемьдесят процентов женщин в возрасте 20-24 года не были замужем, и даже к 30 годам доля незамужних достигала 40, а иногда и 50 процентов. Неженатых мужчин в этих возрастах было еще больше. Многие женщины в репродуктивном возрасте вообще не выходили замуж.

В странах Восточной Европы к концу XIX столетия сложилось иное положение, в значительной мере обусловленное абсолютным преобладанием сельского населения и особенностями землевладения. В России общинная собственность на землю, наделение земель в соответствии с числом едоков и преобладание сельского типа жилищ даже в городах делали раннее вступление в брак разумным поведением. Кроме того в России по меньшей мере до начала индустриализации (1880-е годы) возможности пространственной мобильности, которая обычно сопровождается

откладыванием брака, были ограничены. И, наконец, много более высокая, чем в других европейских регионах, детская смертность могла быть значительным фактором высокой рождаемости и, следовательно, ранней и всеобщей брачности.

В 1774 г. Святейший Правительствующий Синод устанавливает бракоспособный возраст в 13 лет для женщин и в 15 лет для мужчин. В соответствии с императорским указом 1830 г. минимальный возраст для вступления в брак повышается до 16 лет для невесты и 18 лет для жениха. Трудно сказать, отражало ли это решение уже наметившуюся тенденцию к повышению возраста вступления в брак или же соответствующая информация отсутствовала, и указ был актом целенаправленной «демографической политики» с целью заставить крестьян изменить матримониальное поведение.

Однако крестьяне и мещане нередко обращались к духовным властям за разрешением выдать замуж дочь в более раннем возрасте. В качестве главного мотива выдвигалась необходимость иметь в доме работницу или хозяйку [4]. Прошения часто удовлетворялись. В результате реальный средний возраст вступления в брак девушек был ниже бракоспособного возраста. Сходный с европейским тип брачности можно было обнаружить только в Санкт-Петербургской губернии. По мере же удаления от Прибалтики вглубь России брачность приобретала все более «юный» и более всеобщий характер.

В конце XIX – начале XX веков в России, как и в некоторых в других восточноевропейских странах, невесты и женихи были в среднем на 5 лет моложе, чем на Западе (Табл. 2), а уровень окончательного безбрачия был вдвое - втрое ниже (Табл. 1).

В последней четверти XIX века в России наметилось повышение возраста вступления в первый брак, вызванное модернизацией многих областей общественной жизни, включая развитие образования и капиталистической экономики. Определенную роль в отступлении сверххранной брачности сыграло и введение всеобщей воинской повинности (1874 г.), изменившей брачный рынок. Но перемены были еще не очень ярко выражены и затронули только те губернии, где в пореформенное время быстро

развивалась промышленность, усиливалось отходничество и росла миграционная подвижность крестьянства. Так, в неземледельческо - промышленной полосе, где на рубеже веков было сосредоточено примерно 18% населения Европейской России, между 1867-1870 и 1901-1910 годами доля браков в возрасте 20 лет и моложе сократилась у женщин с 56 до 49, у мужчин – с 40 до 30. А в центрально-земледельческих губерниях (30% населения) за то же время не произошло почти никаких изменений, доля браков в возрасте 20 лет и моложе как была, так и осталась у женщин более 65%, у мужчин – более 43% [1,2].

Таблица 2

Средний возраст вступления в первый брак на рубеже XIX и XX веков в некоторых странах мира

Страна, год переписи	Женщины	Мужчины
Швеция, 1900	27,5	29,5
Нидерланды, 1900-1904	26,4	28,3
Англия и Уэльс, 1901	25,8	27,2
Германия, 1900	25,5	27,8
Бельгия, 1900	25,4	27,3
Чехия, 1900	25,4	27,8
Франция, 1901-1905	24,6	28,0
Испания, 1900	24,5	27,4
Канада, 1911	24,3	28,6
Италия, 1901-1905	23,8	27,4
США, 1900	23,7	27,4
Польша, 1900	23,6	26,6
Европейская Россия, 1897	21,4	24,2
Япония, 1920	21,1	24,9
Болгария, 1900	20,8	24,2
Румыния, 1899	20,3	24,5
Сербия, 1900	20,1	23,0

Примечание Страны расположены в порядке убывания возраста вступления в первый брак для женщин.

Источник: [11,5].

Иными словами, изменение брачности в сторону европейской модели началось среди более модернизированного меньшинства российского населения, в то время как абсолютное большинство жителей Европейской части империи в начале XX века вступало в брак в таком же молодом возрасте, в каком в настоящее время создают семьи во многих развивающихся странах. Впоследствии средний возраст вступления в брак колебался в узких пределах и стал существенно повышаться лишь в последнее десятилетие. Распространенность окончательного (в демографическом смысле) безбрачия выросла, но не очень ясно, в какой степени это было следствием «вестернизации» образа жизни, а в какой результат деформаций половозрастной структуры и «великих строек» с глубокими гендерными перекосами. По существу, за XX в. тип брачности в России изменился мало.

А вот на Западе тип брачности изменился дважды. На переломе XIX и XX веков началось омоложение и универсализация брака, продлившаяся вплоть до 1980-х гг. В развитых странах суммарный коэффициент первых браков для женщин составлял в начале 1970-х гг. в среднем 0,9, что свидетельствовало об очень высокой интенсивности заключения браков. Более того, вследствие снижения возраста вступления в первый брак данный показатель в 13 странах временно возрос до значения, превышающего 1,0. В отличие от того, что произошло потом, эти процессы на Западе не привлекли особенного внимания общественного мнения [10] – быть может, потому что они воспринимались как нормальная здоровая реакция на улучшавшуюся жизнь; в укреплении традиционных ценностей мало сенсационного.

Брак в постиндустриальных обществах

Еще в 1960-1970-е гг. возраст начала супружеской жизни снижался во многих развитых странах, но, впоследствии, наступил перелом тенденции, причем резкий. К середине 2000-х гг. в половине развитых стран женщины выходили замуж после 26 лет, а во Франции и ряде других стран – после 30 лет.

Уже к 1990-м годам в половине развитых стран суммарный коэффициент первых браков оказался ниже 0,6. В государствах

Восточной Европы возраст вступления в первый брак, хотя и увеличился, но остался ниже, чем в других развитых регионах; в брак рано или поздно вступали почти все. Россия и Украина характеризуются самым низким в Европе возрастом вступления женщин в первый брак (Табл. 3). В России третьей четверти XX в. молодая модель брака еще более омолодилась: доля женщин, вступивших в брак к 20 годам, выросла с 30% в поколении конца 1940-х годов до 50% в поколении начала 1970-х годов. Однако в середине 1990-х годов тренд развернулся, и средний возраст вступления в брак мужчин и женщин вырос на два года всего за несколько лет [3].

Таблица 3
Средний расчетный возраст вступления в первый брак в европейских странах, 1980 г. и 2005 г.

Страна	Женщины		Мужчины	
	ок. 1970 г.	ок. 2005 г.	ок. 1970 г.	ок. 2005 г.
Бельгия	22,4	29,8	24,8	32,2
Великобритания	23,0	26,3	25,4	28,1
Ирландия	25,0	31,4	26,1	32,4
Испания	23,7	29,3	27,5	31,6
Италия	23,2	30,0	27,1	33,3
Латвия	21,9	28,1	24,7	30,4
Норвегия	26,0	31,9	28,3	34,0
Португалия	22,1	25,6	24,7	28,3
Финляндия	24,6	30,5	27,1	32,2
Франция	24,7	31,6	26,6	33,4
Эстония	21,7	24,5	24,7	26,7
Болгария	20,8	24,2	24,5	27,5
Венгрия	21,0	29,7	24,8	32,0
Польша	22,5	25,3	25,7	28,0
Россия	21,4	23,6	24,2	26,3
Румыния	21,1	26,0	24,9	29,2
Украина	20,6	23,1	24,0	25,9
Чехия	21,3	28,9	24,6	31,2

Источник: [12].

Несмотря на универсальную тенденцию к откладыванию вступления в брачный союз, большинство людей все же в брак вступают. Однако доля женщин, состоящих или состоявших в браке в репродуктивном возрасте, повсеместно сокращается и значительно варьирует от страны к стране. Во всех возрастных группах в интервале от 15 до 49 лет этот показатель ниже всего во Франции и выше всего в России. При этом далеко не везде статистика зарегистрированных браков адекватно отражает распространенность супружеских отношений. Степень расхождения тем больше, чем распространеннее незарегистрированные (консенсуальные) союзы. В Северной и Западной Европе многие люди разных возрастов живут в браке, его не регистрируя. В Южной Европе брак, несмотря на глубокую секуляризацию сознания, сохраняет ореол святости. Люди там вступают в брак так же поздно, как и в Западной и Северной Европе, однако зарегистрированный брак остается единственной социально приемлемой формой супружества. Среди женщин 1960-1965 гг. рождения в Швеции к 25 годам вступили в незарегистрированные союзы 74 %, а в Италии – 5. В результате суммарная доля вступающих в брак (зарегистрированный или незарегистрированный) много выше в Западной и Северной Европе, чем в Южной Европе.

Откладывание регистрации брака или вообще отказ от этой формы союза оборачивается снижением состоящих (или состоявших в прошлом) в зарегистрированном браке доли людей моложе 30 лет. Доля женщин 25-29 лет, когда-либо состоявших в браке, значительно варьирует и в большинстве стран, снижается примерно с конца 1960х – начала 1970-х гг. К середине первого десятилетия XXI века эта доля в западных странах сократилась в среднем более чем на 25 процентных пунктов и ее медианное значение составило 61 процент. Доля расторгнутых браков в брачной когорте 1982 года в Северной Европе превышает 40 процентов, а в Южной Европе меньше 15 процентов. Тенденции изменения этого показателя неодинаковы. В Дании, Исландии, Нидерландах, Норвегии и Швеции снижение составило 50 процентных пунктов и более, в результате чего там, в настоящее

время доля когда-либо вступавших в брак женщин 25-29 лет не превышает 1/3. В то же время в Беларуси, Болгарии, Республике Молдова, России и Украине эта доля изменилась незначительно и в настоящее время составляет около 90%.

В группе развитых стран медианная доля разведенных женщин 45-49 лет составляет 13% при большом разбросе национальных уровней и динамики. В Северной и Западной Европе начала 1970-х гг. разводы были редким явлением, сопоставляем, в той же возрастной группе, не более 3%. К середине 2000-х гг. доля разведенных подскочила во Франции до 16%. В Германии рост разводимости был столь быстрым, что лишь за 16 лет (1990-2006) доля разведенных женщин подскочила с 1% до 16%. В Италии в начале 1970-х гг. лишь 0,1% женщин 45-49 лет были разведены; к 2006 г. эта доля выросла, но лишь до 4%. Высокий уровень разводимости был давно свойственен России, что объясняется трагической историей страны в XX веке. В 1979 г. по доле разведенных женщин (11%) Россия опережала все европейские страны. К 2002 г. он вырос до 16%, но страна перестала быть рекордсменом по этому показателю. Однако российский суммарный коэффициент разводимости в начале 2000-х годов (0,50) был самым высоким в Европе: его можно интерпретировать как то, что половину женщин ожидает развод. Новые исследования могут прояснить, является ли прирост продолжением прошлой тенденции или структура факторов разводимости модернизировалась.

Тенденции брачности в различных странах свидетельствует о расширении многообразия форм и глубоких изменениях в институте брака во многих частях мира. Несмотря на то, что большинство людей вступает в брак, по крайней мере, один раз, свой первый брак они обычно заключают в более позднем возрасте, чем их родители. Во многих странах значительное число женщин вступает в зарегистрированный брак, уже находясь за пределами репродуктивного возраста. Рост числа разводов говорит как о снижении стабильности браков, так и об изменениях в самом институте брака, который для многих людей перестает играть роль пожизненного договора.

Расширяется выбор вариантов поведения. Новые социально признанные (но не везде) формы поведения включают различные виды незарегистрированных союзов, причем некоторые из них в большей, а другие в меньшей степени соответствуют понятию «гражданский брак», которое предполагает совместное проживание и субъективное отношение к нему как к стабильному союзу. Супружество более не обязательно предполагает совместное проживание, совместное проживание возможно без заключения брака, деторождение далеко не всегда происходит в браке и на место стандартной последовательности событий в индивидуальных биографиях приходит разнообразие

Типы брачности связаны с моделями взросления. На первый взгляд, число фаз взросления стабильно: завершение образования, уход из родительского дома, начало карьеры и создание семьи. Однако, если раньше эти события следовали друг за другом с небольшим лагом или совпадали, то во многих современных обществах происходит дифференциация моделей поведения, причем фазы могут меняться местами, лаги между ними увеличиваются, структура взросления усложняется и все чаще включает учебу в вузе, временно прерываемую работой, а также нередко – продолжительный период послевузовской безработицы. На эти жизненные этапы может «накладываться» проживание в родительском доме или совместное проживание с приятелями, пребывание в добрачных незарегистрированных союзах (с или без совместного проживания) и т.п. При этом регионально-культурные типы поведения значительно различаются и пока трудно определить, сближаются ли они.

Так, в США половина юношей и девушек рано покидают родительский дом, как правило, для учебы в колледже. Около трети из них живут в общежитии или совместно нанятой с товарищами квартире. Такая жизнь способствует взрослению, что находит выражение в более низком, чем в Западной и Северной Европе, возрасте вступления в брак.

По-другому обстоит дело в Южной Европе, где молодые люди, особенно юноши, долго живут с родителями, вступление в зарегистрированный брак совпадает с уходом из родительского

дома, а добрачные сожителства очень редки, причем эти свойства южно-европейской модели взросления не ослабевают. Прочно утвердился образ жизни, характеризуемый метафорой “*matra i pasta*”, при котором даже завершение высшего образования и получение постоянной работы далеко не всегда влекут за собой создание самостоятельного домохозяйства. Долгое проживание в родительском доме сдерживает развитие установки на создание собственной семьи и домохозяйства.

Восточная Европа характеризуется сочетанием черт, присущих разным западным региональным моделям брачности. Этот регион размывается в демографическом, как, впрочем, и в других смыслах на две части: с одной стороны, уже укрепившиеся в Евросоюзе Польша, Чехия, Словакия и Венгрия, а с другой – Россия, Украина, Беларусь и Молдова. Болгария и Румыния дрейфуют на Запад, хотели бы быстрее интегрироваться в Евросоюз, но пока эти две страны занимают промежуточное положение. Иногда кажется, что брачное поведение в странах второй группы окаменело. Однако это не так, о чем свидетельствуют подвижки последнего десятилетия. Устойчивость брачной модели в большей степени определяется устойчивостью материальной среды, нежели каким-то культурным сопротивлением. Так, распространенность консенсуальных добрачных союзов возрастает, но еще относительно низка, вероятно, не столько потому что они отрицаются господствующими культурными нормами, сколько вследствие жилищных трудностей.

Литература

1. Вишневский А.Г. Демографическая модернизация России и ее противоречия // *Мир России: Социология, этнология*. 1999. Т. 8. № 4. С. 5-21.
2. Вишневский А.Г. Консервативная революция в СССР // *Мир России: социология, этнология*. 1996. Т. 5. № 4. С. 3-66.
3. Захаров С.В. Новейшие тенденции формирования семьи в России // *Мир России: социология, этнология* 2007. Т. 16. № 4. С. 73—112.
4. Миронов Б.Н. Социальная история России. Т.1. СПб., 2000.

5. Тольц М.С. Брачность населения России в конце XIX - начале XX в. В Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР, Москва: Статистика. 1979.
6. Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в ретроспективе. Брачность, рождаемость, семья за три века. Москва: Статистика. 1979.
7. Шатлан Ж.-К. и Р. Пресса. Брачность поколений французов на протяжении столетия. Демография поколений. М, Статистика, 1972.
8. Berkner, L.K. and F.F. Mendel. Inheritance systems, family structure and demographic patterns in Western Europe, 1700-1960. In Historical Studies of Changing Fertility, C.Terry, ed. Princeton: Princeton University Press, 1978, pp. 209-223
9. Lupton, J. and J.P. Smith. Marriage, Assets and Savings. In Marriage and the Economy ed. S. Grossbard-Shechtman. Cambridge, Eng.: Cambridge University Press, 2003.
10. Shorter, E. The Making of the Modern Family. New York: Basic Books. 1977.
11. United Nations. Patterns of First Marriage, Timing and Prevalence, United Nations. 1990. (ST/ESA/SER,R/111)
12. United Nations. World Marriage Data 2008 онлайн <http://www.un.org/esa/population/>
13. Waite, L. J. and M. Gallagher. The Case for Marriage: Why Married People are Happier, Healthier, and Better off Financially. New York: Doubleday, 2000.

Архангельский В.Н.¹

**РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ
ТУЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ**

Осенью 2012 г. в Тульской области был проведен социологический опрос, направленный на изучение репродуктивного поведения молодежи. Всего было опрошено 500 человек, в т.ч. 178 человек в Туле, 22 – в Алексине, 98 – в Ясногорском районе, 89 – в Ленинском районе, 60 – в Кимовске и Кимовском районе, 38 – в Арсеньевском районе, 15 – в Куркинском районе.

В соответствии с современной поселенческой структурой проживания населения Тульской области в возрасте 18-34 года, 79,8% опрошенных составляют городские жители, 20,2% – сельские.

Женщины составляют 53,0% респондентов, мужчины – 47,0%. Почти 42,6% респондентов – в возрасте до 25 лет (в т.ч. 27,0% – до 23 лет, 15,6% – 23-24 года), 34,0% – в возрастной группе 25-29 лет, 23,4% – в возрасте 30 лет и старше. Средний возраст выборки – 26,3 года.

Таблица 1

Возрастной состав респондентов (%)

Возраст (лет)	Женщины	Мужчины
до 23	31,3	22,1
23-24	13,2	18,3
25-29	30,2	38,3
30 и старше	25,3	21,3

Среди опрошенных женщин несколько выше (по сравнению с мужчинами) доля находящихся в крайних возрастных группах (до 23 лет и 30 лет и старше), а среди мужчин – в возрастном интервале 23-29 лет. Средний возраст опрошенных женщин и мужчин

¹ Архангельский Владимир Николаевич – к.э.н., заведующий сектором Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

практически совпадает (у мужчин он на 0,06 года больше: 26,34 и 26,28).

Таблица 2
Уровень образования респондентов (%)

Уровень образования	Женщины	Мужчины
начальное общее (начальное)	0,4	–
основное общее (неполное среднее)	0,4	–
среднее (полное) общее	5,3	6,9
начальное профессиональное	0,8	4,7
среднее профессиональное (среднее специальное)	23,2	24,1
неполное высшее профессиональное (незаконченное высшее)	25,5	20,7
высшее профессиональное (высшее)	41,4	40,6
послевузовское профессиональное	3,0	3,0

Большинство респондентов имеют неполное высшее, высшее или послевузовское образование. Среди женщин таковых 69,9%, а среди мужчин – 64,3%. Это следует иметь в виду при анализе результатов опроса.

Таблица 3
Распределение респондентов по состоянию в браке (%)

Брачное состояние	Женщины	Мужчины
состоят в зарегистрированном браке	66,8	60,0
состоят в незарегистрированном браке	17,4	24,7
не состоят, но раньше состояли в браке	15,8	15,3

Около 85% респондентов состоят в браке (зарегистрированном или незарегистрированном). Среди них доля состоящих в незарегистрированном браке у женщин составляет 20,7%, а у мужчин – 29,2%.

Брачное поведение

Подавляющее большинство респондентов состоят в первом браке (что и неудивительно, ибо опрашивались молодые жители Тульской области).

Таблица 4

Первые и повторные браки (%)

Возраст (лет)	Женщины		Мужчины	
	первый брак	не первый брак	первый брак	не первый брак
до 23	96,9	3,1	91,9	8,1
23-24	96,7	3,3	89,2	10,8
25-29	88,4	11,6	84,0	16,0
30 и старше	84,5	15,5	85,0	15,0

Только среди тех, кто перешагнул 30-летний рубеж, доля состоящих в повторном браке составляет около 15%. Естественно, что наибольшая доля состоящих в незарегистрированном браке имеет место у самых молодых респондентов. Несколько удивительна, скорее, низкая доля замужних женщин в возрасте 23-24 года, у которых брак не зарегистрирован. Тем более, что у их ровесников мужского пола доля состоящих в незарегистрированном браке почти в 6 раз больше.

Таблица 5

Доля состоящих в незарегистрированном браке (% от числа состоящих в браке)

Возраст (лет)	Женщины	Мужчины
до 23	41,5	55,3
23-24	6,7	39,5
25-29	14,5	15,9
30 и старше	11,9	22,0

Таблица 6
Намерение женщин, состоящих в незарегистрированном браке, зарегистрировать его (%)

Если Ваш брак не зарегистрирован, то собираетесь ли Вы зарегистрировать его в следующих возможных случаях?	да, обязательно	да, желательно	нет	трудно сказать
При отсутствии беременности	33,3	47,1	13,7	5,9
В случае беременности	78,0	12,0	4,0	6,0
При рождении ребенка	83,7	6,1	4,1	6,1

Только треть опрошенных женщин, состоящих сейчас в незарегистрированном браке, считают обязательным его зарегистрировать даже при отсутствии беременности. В случае ее возникновения или, тем более, рождения ребенка доля придерживающихся такого мнения существенно больше (соответственно, 78,0% и 83,7%).

Таблица 7
Намерение мужчин, состоящих в незарегистрированном браке, зарегистрировать его (%)

Если Ваш брак не зарегистрирован, то собираетесь ли Вы зарегистрировать его в следующих возможных случаях?	да, обязательно	да, желательно	нет	трудно сказать
При отсутствии беременности	21,7	35,0	26,6	16,7
В случае беременности	50,0	29,6	14,8	5,6
При рождении ребенка	77,7	9,3	7,4	5,6

Еще менее одобрительно к регистрации своего брака относятся опрошенные мужчины. Лишь 21,7% из них считают обязательным зарегистрировать свой брак даже при отсутствии беременности. С другой стороны, свыше четверти (26,3%) не собираются этого делать. Существенно большая доля мужчин

считают обязательным зарегистрировать свой брак в ситуации беременности. Однако и здесь таковых только половина. При рождении ребенка брак предполагают обязательно зарегистрировать 77,7% мужчин, у которых на момент опроса брак не зарегистрирован. По сути дела, только в этой ситуации мнение мужчин в отношении регистрации своего брака близко к мнению женщин.

Таблица 8

Отношение к регистрации брака (%)

Нужно ли, по Вашему мнению, регистрировать брак?	Первый			Повторный		
	Обязательно	Желательно	Нежелательно	Обязательно	Желательно	Нежелательно
Женщины	70,6	27,9	1,5	37,5	48,7	13,8
Мужчины	61,1	33,3	5,6	29,5	52,4	18,1

Опрошенные женщины несколько чаще отмечают обязательность регистрации брака, чем мужчины (здесь речь идет уже не о регистрации своего брака, а об отношении к регистрации брака вообще). Понятно, что отношение к регистрации повторного брака значительно более лояльное, чем к регистрации первого брака.

Таблица 9

Мнение о том, когда регистрировать брак (%)

Если Вы считаете, что брак нужно регистрировать, то когда?		Женщины	Мужчины
Первый брак	прежде, чем начать жить вместе	25,6	17,9
	сразу же, как начали жить вместе	27,1	18,4
	сначала надо пожить вместе год-два и проверить свои чувства, а затем регистрировать	43,4	55,6
	регистрировать только, если должен родиться ребенок	3,9	8,1

Если Вы считаете, что брак нужно регистрировать, то когда?		Женщины	Мужчины
Повторный брак	прежде, чем начать жить вместе	9,8	6,7
	сразу же, как начали жить вместе	18,3	16,5
	сначала надо пожить вместе год-два и проверить свои чувства, а затем регистрировать	50,8	48,7
	регистрировать только, если должен родиться ребенок	21,1	28,1

Большинство опрошенных мужчин полагают, что первый брак следует регистрировать не сразу, а пожив вместе год-два и проверив свои чувства. У женщин этот ответ также отмечался чаще других, но все же среди такого мнения придерживаются меньше половины (43,4% против 55,6% у мужчин), а большинство считают, что первый брак нужно регистрировать прежде, чем начать жить вместе, или сразу же после этого.

Если в отношении регистрации брака, в принципе, возрастных различий в ответах респондентов исследование, практически, не показало, то в отношении того, когда это делать, они имеются.

Таблица 10

Мнение о том, когда регистрировать брак, в зависимости от возраста (%)

Возраст (лет)	Если Вы считаете, что брак нужно регистрировать, то когда?							
	Первый брак				Повторный брак			
	прежде, чем начать жить вместе	сразу же, как начали жить вместе	сначала надо пожить вместе год-два и проверить свои чувства, а затем регистрировать	регистрировать только, если должен родиться ребенок	прежде, чем начать жить вместе	сразу же, как начали жить вместе	сначала надо пожить вместе год-два и проверить свои чувства, а затем регистрировать	регистрировать только, если должен родиться ребенок
<i>Женщины</i>								
до 23	19,3	20,5	53	7,2	6,3	17,7	55,7	20,3
23-24	26,5	23,5	47,1	2,9	3,2	25,8	45,2	25,8
25-29	19,7	36,8	39,5	3,9	12,5	15,3	52,8	19,4
30 и старше	40	26,2	33,8	–	14,1	18,8	45,3	21,9
<i>Мужчины</i>								
до 23	25	15,4	48,1	11,5	7,8	21,6	49	21,6
23-24	14	11,6	67,4	7	7,7	23,1	43,6	25,6
25-29	11,1	21,1	62,2	5,6	4,6	9,2	51,7	34,5
30 и старше	26,5	22,4	40,8	10,2	8,5	19,1	46,8	25,5

Если среди респонденток в возрасте до 23 лет, свыше половины (53,0%) считают, что прежде, чем регистрировать первый брак, нужно пожить вместе год-два и проверить свои чувства, то среди 25-29-летних женщин такого мнения придерживаются уже менее 40%, а в возрасте 30 лет и старше – немногим более трети (33,8%). В то же время, 40% среди тех, кому 30 лет и более, считают, что первый брак нужно регистрировать прежде, чем начинать жить вместе, а среди тех, кто моложе 23 лет, так думают менее 20% респонденток.

У мужчин столь выраженных возрастных различий в отношении к срокам регистрации брака нет.

Рождение детей

У 48,0% респондентов есть дети. Среднее число рожденных детей составляет 0,66 (женщины – 0,73; мужчины – 0,57).

Таблица 11
Распределение респондентов по числу рожденных детей
(%)

Число рожденных детей	Женщины	Мужчины
0	47,2	57,4
1	35,5	30,2
2	14,7	9,8
3	2,3	2,6
4	0,4	–

Таблица 12
Доля респондентов, не имеющих детей, среди состоящих в первом зарегистрированном и незарегистрированном браке три и более года (%)

Зарегистрирован ли брак?	Доля не имеющих детей	
	Женщины	Мужчины
да	23,1	27,3
нет	76,9	76,2

Все большее распространение получают незарегистрированные браки. Откладывание регистрации брака, зачастую, ведет к откладыванию рождения детей. Если среди состоящих не менее 3 лет в зарегистрированном первом браке не имеют детей 23,1% женщин и 27,3% мужчин, то среди тех, у кого первый брак не зарегистрирован, это показатель значительно выше – 76,9% у женщин и 76,2% у мужчин.

Таблица 13

Средний интервал между рождениями первого и второго ребенка при рождении второго ребенка в 2000-2006 и 2007-2012 гг. (месяцев)

Годы рождения второго ребенка	Интервал между рождениями первого и второго ребенка
2000-2006	32,2
2007-2012	50,3

У тех респондентов, у кого второй ребенок родился в 2007-2012 гг., величина первого интергенетического интервала, т.е. интервала между рождениями первого и второго ребенка, была больше, чем у тех, у кого он появился на свет в 2000-2006 гг.

Если бы повышение рождаемости, которое происходит в 2007-2012 гг., было бы связано с изменением календаря рождений, более ранним появлением на свет детей, благодаря реализации дополнительных мер государственной помощи семьям с детьми, то это сказалось бы, видимо, на величине интервала между рождениями первого и второго ребенка. Она должна была бы несколько сократиться по сравнению с той величиной, которая имела место при рождении вторых детей в предыдущие годы. Прежде всего, на вторых рождениях это могло отразиться, потому что мерой, которая вызвала наибольший общественный резонанс, был материнский (семейный) капитал. Он не распространяется на первые рождения и в наибольшей степени ориентирован на поддержку рождения вторых детей. Приведенный выше анализ статистических данных показывает, что повышение показателей рождаемости имело место именно по вторым и, отчасти, третьим рождениям.

В анкете респондентам, у которых в 2007-2012 гг. родился ребенок, предлагалось самим оценить, повлияло ли на их решение о рождении ребенка то, что начали реализовываться эти меры.

Среди респондентов, у которых родился ребенок после 1 января 2007 г., 14,9%, отвечая на вопрос о том, помогло принять решение о рождении ребенка то, что начали реализовываться дополнительные меры государственной помощи семьям с детьми, сказали, что помогло и у них появился ребенок, рождение которого до этого откладывали. 12,8% оценили эту помощь еще существеннее, отметив, что она помогла принять решение о рождении ребенка, которого без этого не могли себе позволить. Отрицают какую-либо помощь этих мер в принятии решения о рождении ребенка 40,4%. Еще 31,9% затруднились ответить на этот вопрос.

Таблица 14

Самооценка влияния дополнительных мер государственной помощи семьям с детьми на решение о рождении ребенка после 1 января 2007 г. (%)

Очередность рождения ребенка	Помогло ли Вам принять решение о рождении ребенка то, что начали реализовываться дополнительные меры государственной помощи семьям с детьми?			
	помогло, появился ребенок, рождение которого до этого откладывали	эти меры помогли принять решение о рождении ребенка, которого без этого не могли себе позволить	не помогло	трудно сказать
Женщины				
Первый	1,7	10,0	41,7	46,7
Второй	17,2	20,7	34,5	27,6
Мужчины				
Первый	8,8	–	45,6	45,6
Второй	11,1	–	50,0	38,9

Прежде, чем анализировать ответы на этот вопрос, необходимо отметить, что в анкете не уточнялось, на принятие решения о рождении какого именно ребенка повлияли эти меры. В течение 2007-2012 гг. могли родиться несколько детей. Очередность рождения ребенка в данном вопросе означает лишь то, ребенок этой очередности у респондента родился в 2007-2012 гг. При этом, если у респондента родилось несколько детей, то его ответ на данный вопрос учитывается в этой таблице несколько раз применительно к рождению ребенка каждой очередности из числа родившихся в 2007-2012 гг. Например, родились и первый, и второй ребенок. Респондент, отвечая на этот вопрос, мог иметь в виду рождение второго ребенка, но его ответ оказался учтенным и в отношении первого, и в отношении второго ребенка.

Учитывая сказанное выше, можно предположить некоторое завышение оценки положительного влияния мер помощи семьям с детьми на рождение первого ребенка. Из 136 респондентов, у которых в 2007-2012 гг. родился первенец, у 24 (17,6%) – в этот же период затем появился и второй ребенок, а у 2 – еще и третий.

С учетом всего сказанного, отметим, что 1,7% женщин и 8,8% мужчин, у которых в 2007-2012 гг. родился первый ребенок, отметили, что дополнительные меры государственной помощи семьям с детьми помогли им не откладывать далее рождение ребенка (еще раз отметим, что имеется в виду не обязательно этот первый ребенок, если после него в 2007-2012 гг. у респондента еще появлялись дети). Среди тех, у кого в 2007-2012 гг. родился второй ребенок, доля давших такой ответ составила 17,2% у женщин и 11,1% у мужчин.

Более существенную помощь дополнительных мер поддержки семей с детьми – помогли принять решение о рождении ребенка, которого без этого не могли себе позволить – не отметил ни один мужчина. Среди женщин, у которых в 2007-2012 гг. родился первый ребенок, такой ответ дали 10,0%, второй – 20,7%.

Таким образом, хотя бы какое-то влияние (помощь в не откладывании рождения или в принятии решения о рождении, которого без этих мер не было бы) дополнительных мер помощи семьям с детьми среди респондентов, у которых родился первый

ребенок, отметили 11,7% женщин и 8,8% мужчин, второй – соответственно, 37,9% и 11,1%.

Напротив, отрицают какую-либо помощь этих мер в принятии решения о рождении ребенка, среди респондентов, у которых родился первый ребенок, 41,7% женщин и 45,6% мужчин, второй – соответственно, 34,5% и 50,0%.

Репродуктивные ориентации

Среди репродуктивных ориентаций, прежде всего, следует выделить желаемое и ожидаемое число детей. Эти показатели традиционно используются в отечественных исследованиях репродуктивного поведения.

Потребность в детях является той доминантой, на достижение которой индивид ориентируется, к удовлетворению которой он будет стремиться при наличии возможностей для этого, так как при ее неудовлетворении он испытывает затруднения как личность. В этой связи можно, вероятно, говорить о характеристике потребности в детях через результат репродуктивного поведения, т.е. число детей, достижение которого желательно при наиболее благоприятных условиях (в то же время, вряд ли можно саму потребность отождествлять с этим результатом). Наиболее близким индикатором может служить здесь, видимо, желаемое число детей. В то же время нужно иметь в виду, что величина этого показателя может быть несколько завышена по сравнению с тем числом детей, которое человек действительно хотел бы иметь при наличии у него всех необходимых условий. Это связано с самой формулировкой вопроса «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы хотели бы иметь, если бы у Вас были все необходимые условия?». В регионах малодетности из самого характера анкеты респондент может понять, что исследователи ищут пути увеличения числа детей в семье. В данном вопросе респонденту предлагаются «все необходимые условия» и, возможно, в восприятии некоторых респондентов, от них ожидается что-то «взамен». «Взамен» респондент может назвать число детей, которое, в его представлении, понравилось бы исследователям больше, чем то, которое он действительно хотел бы иметь при всех необходимых

условиях. В связи с этим и по некоторым другим причинам представляется не вполне правомерным рассматривать желаемое число детей как то, которое может быть достигнуто при создании в семье респондента всех необходимых условий для их рождения, т.е. при полном устранении помех. Это важно осознавать при оценке возможного эффекта от мер демографической политики, направленных на помощь семьям иметь желаемое ими число детей. Однако, с другой стороны, возможно и занижение желаемого числа детей из-за невозможности в полной мере представить себе «все необходимые условия» и, следовательно, возможное поведение в них.

Представляется, что по сравнению с желаемым числом детей, ожидаемое число детей («Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь?») обладает наилучшими аналитическими и прогностическими^[1]² возможностями. По А.И.Антонову, ожидаемое число детей – коррекция существующей потребности в детях на нынешние условия жизни семьи^[2].

Таблица 15

Распределение по желаемому и ожидаемому числу детей, %

Число детей	Женщины		Мужчины	
	Желаемое число детей	Ожидаемое число детей	Желаемое число детей	Ожидаемое число детей
0	2,3	2,7	3,8	4,7
1	19,0	29,8	14,1	28,6
2	48,7	41,6	44,4	34,2
3	23,2	9,9	26,9	10,7
4	1,5	0,4	2,6	2,1
5 и более	1,5	–	3,4	–
трудно сказать	3,8	15,6	4,7	19,7
среднее число детей	2,08	1,71	2,22	1,71

²На достаточно точную реализацию женщинами в среднем ожидаемого числа детей указывают Е.М. Андреев и Г.А. Бондарская

В качестве того числа детей, которое респонденты хотели бы иметь при наличии всех необходимых условий (желаемое число детей) чаще всего они отмечали двоих детей (48,7% женщин и 44,4% мужчин). Примерно четверть опрошенных (23,2% женщин и 26,9% мужчин) указали здесь на желательность иметь троих детей.

В качестве того числа детей, которое респонденты собираются иметь (ожидаемое число детей), они также чаще всего называли двоих детей (41,6% женщин и 34,2% мужчин). 29,8% женщин и 28,6% мужчин собираются ограничиться одним ребенком, а троих и более детей намереваются иметь 9,9% женщин и 10,7% мужчин.

Среднее желаемое число детей у мужчин, несколько выше, чем у женщин (2,22 против 2,08), а среднее ожидаемое число детей у женщин и мужчин совпало, составив 1,71. Желаемое число детей, в среднем, у мужчин несколько выше, а у женщин немного ниже рубежа, обеспечивающего воспроизводство населения.

Таблица 16

Желаемое и ожидаемое число детей по возрастным группам

Возраст (лет)	Женщины		Мужчины	
	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей
до 23	2,03	1,64	2,13	1,59
23-24	2,26	1,81	2,33	1,83
25-29	2,05	1,71	2,24	1,72
30 и старше	2,06	1,75	2,16	1,74

Представляется важным обратить внимание на то, что самое низкое, в среднем, ожидаемое число детей у самых молодых респондентов.

Таблица 17
Желаемое и ожидаемое число детей в зависимости от числа
детей в родительской семье

Число детей в родительской семье	Женщины		Мужчины	
	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей
1	2,05	1,65	2,14	1,63
2	2,09	1,69	2,23	1,69
3	2,21	1,81	2,30	1,81

Как желаемое, так и ожидаемое число детей, в среднем, меньше у тех, у кого в родительской семье было меньше детей. Разница в величине этих показателей у тех, кто вырос в семьях с 3 детьми, и у тех, кто был единственным ребенком в семье, составила 0,16-0,18.

Таблица 18
Желаемое и ожидаемое число детей в зависимости от уровня
образования

Уровень образования	Женщины		Мужчины	
	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей	Среднее желаемое число детей	Среднее ожидаемое число детей
среднее общее	2,29	1,92	2,53	2,00
среднее профессиональное	2,28	1,82	2,13	1,59
неполное высшее профессиональное	1,98	1,61	2,26	1,80
высшее профессиональное	1,99	1,68	2,18	1,72

У женщин, имеющих неполное высшее и высшее профессиональное образование, ниже, в среднем, как желаемое, так и ожидаемое число детей. В отношении мужчин, скорее, можно

говорить лишь об ориентации на относительно большее число детей у имеющих среднее общее образование.

Откладывание рождения ребенка

Намерение иметь еще ребенка, естественно, зависит от уже имеющегося числа детей.

Таблица 19

Намерение иметь еще ребенка(%)

Число рожденных детей	Собираетесь ли Вы иметь ребенка (первого, если у Вас нет детей, или еще одного)?				
	я (жена) уже беременна	да, в ближайшее время	да, но несколько позже, пока откладываем	нет	трудно сказать
Женщины					
0	9,8	24,4	47,2	4,1	14,6
1	7,4	10,6	24,5	28,7	28,7
2	2,6	7,7	12,8	53,8	23,1
Мужчины					
0	9,4	22,0	35,4	7,9	25,2
1	7,0	16,9	23,9	16,9	35,2
2	4,3	13,0	4,3	52,2	26,1

Даже в отношении первого ребенка лишь меньшая часть бездетных респондентов (34,2% женщин и 31,4% мужчин) ответили, что собираются иметь его в ближайшее время или что уже имеет место беременность. Чаще предполагается отложить его рождение (47,2% женщин и 35,4% мужчин).

В отношении рождения второго ребенка заметно ниже доля тех однодетных респондентов, кто предполагает иметь его в ближайшее время или уже имеет место ситуация беременности (18,0% женщин и 23,9% мужчин). Меньше и доля откладывающих его рождение (24,5% женщин и 23,9% мужчин). В то же время существенно выше (по сравнению с не собирающимися иметь даже одного ребенка) доля тех, кто не собирается иметь второго ребенка, и тех, кто затруднился ответить на этот вопрос. Представляется, что эта последняя группа респондентов (28,7% женщин и 35,2%

мужчин) может представлять особый интерес, с точки зрения, влияния на их поведение мер демографической политики.

Весьма существенна доля затруднившихся ответить и среди имеющих двоих детей в отношении рождения третьего ребенка (23,1% женщин и 26,1% мужчин). Но свыше половины респондентов с двумя детьми (53,8% женщин и 52,2% мужчин) не собираются иметь третьего ребенка.

В зависимости от того, рождение какого по счету ребенка откладывается, различаются причины откладывания его рождения.

Таблица 20

Причины откладывания рождения ребенка

В какой степени Ваше желание отложить рождение ребенка связано со следующими причинами	Средний балл значимости и ранг причины откладывания рождения ребенка (по пятибалльной шкале) у респондентов с числом рожденных детей:					
	<i>Женщины</i>			<i>Мужчины</i>		
	0	1	2	0	1	2
Отсутствие собственного жилья, в котором можно растить ребенка	3,44 (3)	2,97 (6)	2,85 (8)	3,53 (2)	2,84 (6)	2,20 (13)
Муж (жена) пока хочет подождать с рождением ребенка	3,13 (5)	2,72 (8)	2,11 (12)	2,81 (6)	2,86 (5)	3,13 (1)
Нужно закончить образование	3,15 (4)	1,81 (15)	1,85 (15)	3,06 (4)	2,07 (14)	2,40 (9)
Необходимо найти более оплачиваемую работу	3,46 (2)	3,11 (2)	3,30 (4)	3,75 (1)	2,93 (4)	2,64 (6)
Пока не позволяет состояние здоровья (состояние здоровья жены)	2,17 (12)	2,35 (12)	2,15 (11)	1,95 (14)	2,40 (11)	2,80 (3)
Младший ребенок пока слишком маленький	1,69 (15)	3,11 (2)	3,65 (1)	1,84 (16)	3,05 (3)	2,73 (4)
Мне (жене) трудно совмещать работу и уход за ребенком	2,27 (10)	3,03 (4)	2,86 (7)	2,53 (9)	3,18 (2)	2,71 (5)

В какой степени Ваше желание отложить рождение ребенка связано со следующими причинами	Средний балл значимости и ранг причины откладывания рождения ребенка (по пятибалльной шкале) у респондентов с числом рожденных детей:					
	<i>Женщины</i>			<i>Мужчины</i>		
	0	1	2	0	1	2
Нет твердой уверенности в том, что нам нужен еще ребенок	2,04 (14)	2,55 (9)	3,19 (5)	2,47 (10)	2,28 (13)	2,20 (13)
Не уверен(а) в прочности брака	2,16 (13)	2,08 (13)	2,10 (13)	2,25 (13)	1,81 (15)	2,33 (12)
Хочется хоть какое-то время пожить для себя	2,78 (6)	2,06 (14)	2,25 (10)	2,94 (5)	2,55 (9)	2,47 (8)
Выплачиваем кредиты и это не позволяет мне (жене) даже на время оставить работу	2,52 (9)	2,41 (11)	3,10 (6)	2,42 (12)	2,66 (7)	2,20 (13)
Не хочу (жена не хочет) оставлять хорошую, интересную работу хотя бы на время	2,21 (11)	2,48 (10)	1,95 (14)	2,43 (11)	2,32 (12)	2,60 (7)
Пока не позволяют материальные возможности	3,52 (1)	3,37 (1)	3,48 (2)	3,26 (3)	3,20 (1)	2,93 (2)
Трудно устроить ребенка в учреждение дошкольного образования	2,74 (7)	3,00 (5)	2,80 (9)	2,61 (7)	2,52 (10)	2,40 (9)
Родственники, видимо, не смогут оказывать регулярную помощь в уходе за ребенком	2,54 (8)	2,75 (7)	3,41 (3)	2,54 (8)	2,64 (8)	2,40 (9)

У женщин, откладывающих рождение первенца, наивысшую оценку значимости среди причин откладывания получила такая причина как «пока не позволяют материальные

возможности». Эта же причина оказалась наиболее значимой и у однопородных женщин, откладывающих рождение второго ребенка. У двухдетных женщин, откладывающих рождение третьего ребенка, она заняла второе место, уступив по значимости причине «младший ребенок пока слишком мал» (среди причин откладывания рождения второго ребенка эта причина занимает второе место).

Второе место у женщин среди причин откладывания как первого, так и второго ребенка занимает необходимость найти более оплачиваемую работу.

Третье место среди причин откладывания рождения первого ребенка у женщин занимает отсутствие собственного жилья, в котором можно растить ребенка. При откладывании рождения последующих детей эта причина отступает на второй план. Эти данные свидетельствуют о том, что помощь молодой семье в решении жилищной проблемы наиболее актуальна в самом начале семейной жизни, в период, предшествующий рождению первого ребенка.

На четвертом месте среди причин откладывания рождения первого ребенка еще одна специфическая причина, характерная, видимо, именно для этого периода семейной жизни – необходимость закончить образование. При откладывании рождения последующих детей эта причина существенно менее значима.

Наконец, еще одна причина откладывания рождения ребенка, также, видимо, в наибольшей степени характерная для тех, кто еще не имеет детей, занимает шестое место у женщин среди причин откладывания рождения первого ребенка – «хочется какое-то время пожить для себя».

Среди причин откладывания рождения второго ребенка у женщин, наряду с отмечавшимися выше не позволяющими материальными возможностями и необходимостью найти более оплачиваемую работу, важное место занимает то, что младший ребенок пока слишком маленький. Эта же причина занимает лидирующее положение при откладывании рождения третьего ребенка.

Именно среди причин откладывания рождения второго ребенка наиболее значимы (по сравнению с откладыванием первого и третьего ребенка) трудность совмещения работы и ухода по дому и трудность устройства ребенка в учреждение дошкольного образования.

Основными причинами откладывания рождения третьего ребенка, по мнению двухдетных женщин, являются то, что младший ребенок слишком мал и не позволяют материальные возможности. На третьем месте у них находится такая причина откладывания рождения третьего ребенка, как то, что родственники, видимо, не смогут оказывать регулярную помощь в уходе за ребенком. Применительно к откладыванию рождения первого и второго ребенка эта причина была существенно менее значимой. Специфически важной именно применительно к откладыванию рождения третьего ребенка, по мнению женщин, является неуверенность в том, что нужен еще ребенок.

Не имеющие пока детей мужчины среди причин откладывания рождения первого ребенка наиболее значимой считают необходимость найти более оплачиваемую работу, на втором месте у них – отсутствие собственного жилья, в котором можно растить ребенка и только на третьем, в отличие от женщин, «пока не позволяют материальные возможности». Зато среди причин откладывания рождения второго ребенка именно эта причина, по ответам мужчин, занимает первое место, а среди причин откладывания рождения третьего ребенка – второе.

Как и у женщин, специфически именно для откладывания рождения первого ребенка важными являются необходимость закончить образование и желание пожить для себя.

Среди причин откладывания рождения второго ребенка у мужчин второе место после «не позволяющих материальных возможностей» занимает то, что жене трудно совмещать работу и уход за ребенком (напомним, что и у женщин эта причина наиболее значима именно при откладывании рождения второго ребенка), а третье – что младший ребенок пока слишком мал.

Интересно, что среди причин откладывания рождения третьего ребенка мужчины на первом месте поставили то, что жена

пока хочет подождать с рождением ребенка. Для сравнения отметим, что у двухдетных женщин то, что муж пока хочет подождать с рождением ребенка, среди причин откладывания рождения третьего ребенка занимает лишь 12 место из 15. Значимой причиной откладывания рождения третьего ребенка, по мнению мужчин, является и то, что пока не позволяет состояние здоровья жены.

Условия жизнедеятельности как фактор репродуктивного поведения

Вопрос о факторах рождаемости является одним из основных не только в изучении рождаемости и репродуктивного поведения, но в демографической науке вообще. Ему традиционно уделяется большое внимание. К числу основных факторов рождаемости большинство специалистов относят условия жизни, включающие в себя материальное благосостояние (доход), жилищные условия и др. Большинство проводившихся исследований показывали наличие обратной связи между уровнем дохода и числом детей. Это явление получило название «парадокс обратной связи».

На самом деле, представляется, что все дело в методологии изучения влияния уровня жизни на число детей или на репродуктивные ориентации. При оценке этого влияния рассматривается целиком вся совокупность респондентов или семей без дифференциации по потребности в детях. Именно это представляется методологически неверным и фактически вытекающим из «концепции помех», а не из теории ослабления потребности в детях, ибо, в соответствии с этой теорией, потребность в детях у людей различается, а уровень жизни влияет в основном на степень реализации этой потребности. Следовательно, рассматривать влияние уровня жизни на имеющееся число детей или то, которое люди собираются, предполагают, планируют иметь, целесообразно только в группах, однородных по величине потребности в детях. В противном случае характер связи будет во многом зависеть от того, как различаются по уровню благосостояния люди, имеющие различную потребность в детях. В

результате наложения влияния этого фактора связь может получиться прямой, обратной или вообще отсутствующей. Интерпретировать ее в аспекте детерминации репродуктивного поведения, а, тем более, обосновывать, исходя из этого, направления и меры демографической политики по стимулированию рождаемости представляется абсолютно бессмысленным, ибо останется непонятным, на что и как влияет или не влияет уровень жизни: на потребность в детях или на условия ее реализации.

Об этом писал В.М.Медков: «Методически правильно анализировать связь дохода и результатов репродуктивного поведения только в группах с одинаковой потребностью в детях и с одинаковым соотношением семейных и внесемейных ориентаций, поскольку только в таких однородных группах можно в чистом виде изучать влияние различных социально-экономических факторов. В противном случае мы будем получать, в частности, ложные корреляции между доходом и показателями репродуктивного поведения, поскольку здесь решающую роль играет не влияние дохода, например, на число детей в семье, а действие некоего третьего фактора, который одновременно обуславливает повышение в среднем дохода и уменьшение потребности в детях»[4].

О необходимости рассматривать влияние условий жизни на рождаемость с учетом дифференциации потребности в детях, по сути дела, писал также В.А. Борисов применительно к жилищным условиям: «Основной недостаток проведенных до сих пор исследований, как нам представляется, состоит в том, что исследователи фактически ищут непосредственную связь между жилищными условиями и рождаемостью, аксиоматически полагая одинаковую потребность в детях у респондентов...»[3].

Представляется целесообразным в качестве характеристики уровня жизни использовать не величину дохода (точнее, не только ее), а удовлетворенность материальным положением, уровнем жизни. На число детей в семье и на репродуктивное поведение вообще влияет не размер дохода, а оценка индивидом, семьей своего уровня жизни. Вероятно, люди в своем поведении исходят не

столько из суммы своих доходов и других имеющихся материальных благ, а из того, в какой степени они ими удовлетворены. А это, в свою очередь, зависит, видимо не только от объективных параметров материального положения, но и от значимости этой стороны жизни, уровня притязаний.

Таблица 21

Среднее желаемое и ожидаемое числа детей в зависимости от оценки уровня жизни

Оценка уровня жизни (в баллах)	Среднее желаемое число детей		Среднее ожидаемое число детей	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
1 – 3	2,33	2,54	1,76	1,83
4 – 6	2,03	2,06	1,67	1,68
7 – 10	2,09	2,32	1,73	1,74

Представленные данные свидетельствуют, скорее, об обратной связи между репродуктивными ориентациями и оценкой уровня жизни. По крайней мере, наибольшее, в среднем, как желаемое, так и ожидаемое число детей и у женщин, и у мужчин имеет место при низкой оценке уровня жизни.

Таблица 22

Среднее желаемое и ожидаемое числа детей в зависимости от оценки жилищных условий

Оценка жилищных условий (в баллах)	Среднее желаемое число детей		Среднее ожидаемое число детей	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
1 – 3	2,22	2,38	1,88	1,77
4 – 6	2,09	2,19	1,70	1,59
7 – 10	2,03	2,20	1,68	1,78

То же можно сказать и в отношении зависимости репродуктивных ориентаций от оценки жилищных условий (кроме ожидаемого числа детей у мужчин).

Исходя из теории репродуктивного поведения, оценка условий жизни может влиять, преимущественно на восприятие

условий реализации потребности в детях. В этом случае есть основания предполагать, что при более высокой оценке условий жизни будет меньшим разрыв между желаемым и ожидаемым числами детей и, наоборот, при более низкой оценке этот разрыв будет наибольшим.

Таблица 23

Разница между средними желаемым и ожидаемым числами детей в зависимости от оценки уровня жизни

Оценка уровня жизни (в баллах)	Женщины	Мужчины
1 – 3	0,57	0,71
4 – 6	0,36	0,38
7 – 10	0,36	0,58

Наибольший разрыв между желаемым и ожидаемым числом детей, действительно, имеет место при самой низкой оценке уровня жизни. Однако при высокой оценке уровня жизни этот разрыв не минимален: у женщин он одинаков при средней и высокой оценке, а мужчин – минимален при средней оценке.

Таблица 24

Разница между средними желаемым и ожидаемым числами детей в зависимости от оценки жилищных условий

Оценка жилищных условий (в баллах)	Женщины	Мужчины
1 – 3	0,34	0,61
4 – 6	0,39	0,60
7 – 10	0,35	0,44

У мужчин при низкой оценке жилищных условий разрыв между желаемым и ожидаемым числом детей самый большой, а при высокой – наименьший. У женщин же связь разрыва между желаемым и ожидаемым числом детей с оценкой уровня жизни не прослеживается.

Исходя из теории ослабления потребности в детях, учитывая дифференциацию этой потребности у разных людей, влияние оценки уровня жизни на ожидаемое число детей целесообразно рассматривать только в группах, однородных по желаемому числу детей. Это позволит разделить влияние уровня

жизни на потребность в детях и на условия ее реализации. В противном случае характер связи будет во многом зависеть от того, как различаются по уровню благосостояния люди, имеющие различную потребность в детях.

Таблица 25

Среднее ожидаемое число детей в зависимости от оценки уровня жизни и желаемого числа детей

Оценка уровня жизни (в баллах)	Среднее ожидаемое число детей при желаемом числе детей:			
	Женщины		Мужчины	
	2	3 и более	2	3 и более
1 – 3	1,70	2,00
4 – 6	1,76	2,23	1,87	2,53
7 – 10	1,82	2,29	1,48	2,45

Только в отношении женщин можно сказать, что результаты исследования показали прямую связь между ожидаемым числом детей и оценкой уровня жизни в группах респондентов, однородных по желаемому числу детей.

Таблица 26

Среднее ожидаемое число детей в зависимости от оценки жилищных условий и желаемого числа детей

Оценка жилищных условий (в баллах)	Среднее ожидаемое число детей при желаемом числе детей:			
	Женщины		Мужчины	
	2	3 и более	2	3 и более
1 – 3	1,85	...	1,70	...
4 – 6	1,73	2,24	1,65	2,25
7 – 10	1,82	2,24	1,60	2,65

В отличие от уровня жизни, с оценкой жилищных условий прямой связи у ожидаемого числа детей в группах однородных по желаемому числу детей, нет.

Оценка возможной роли демографической политики в повышении рождаемости

По мнению 46,9% респондентов (48,7% мужчин и 45,3% женщин), государство должно помочь семье иметь столько детей, сколько она сама хочет. 37,3% опрошенных (33,8% мужчин и 40,6% женщин) полагают, что если число детей в семьях слишком мало, то государство должно попытаться заинтересовать семьи иметь большее число детей, создав, естественно, и необходимые условия для этого. Только 15,8% респондентов (17,5% мужчин и 14,2% женщин) считают, что государство ни в коей степени и никаким образом не должно влиять на рождение в семьях того или иного числа детей.

Таблица 27
Оценка значимости возможных мер демографической политики в отношении рождаемости (средний балл по пятибалльной шкале)

<i>Как Вы думаете, могли бы Вам, Вашей семье помочь принять решение о рождении еще одного ребенка следующие меры?</i>	<i>Женщины</i>	<i>Мужчины</i>
Предоставление дополнительного к федеральному областного «материнского» (семейного) капитала	3,50	3,40
Предоставление земельных участков под строительство жилого дома или дачи семьям при рождении третьего (или последующего) ребенка	3,27	3,30
Предоставление пособия на третьего и последующего ребенка до 3-х лет в размере прожиточного минимума ребенка семьям, чей доход ниже среднего	3,06	3,21
Частичное погашение кредита или субсидии на приобретение жилья при рождении первого и второго ребенка, полное погашение при рождении третьего ребенка	3,52	3,42

<i>Как Вы думаете, могли бы Вам, Вашей семье помочь принять решение о рождении еще одного ребенка следующие меры?</i>	<i>Женщины</i>	<i>Мужчины</i>
Обеспечение возможности устройства ребенка в те ясли или детский сад, которые Вас больше всего устраивают и в то время, когда Вы этого захотите	3,49	3,56
Обеспечение возможности Вам (жене) бесплатно пройти профессиональную переподготовку, повысить квалификацию во время и после выхода из отпуска по уходу за ребенком	3,17	3,09
Формирование в обществе с помощью средств массовой информации и рекламы образа семьи с несколькими детьми как нормы для современного общества	2,67	2,90
Обеспечение реальной возможности для Вас (Вашей жены) иметь гибкий график работы, занятости неполный рабочий день (неделю), посменно или дистанционно (на дому)	3,52	3,60

Среди мер, которые с точки зрения респондента, могли бы ему, его семье помочь принять решение о рождении еще одного ребенка, респонденты наиболее высоко оценили четыре меры:

– обеспечение реальной возможности для женщины иметь гибкий график работы, занятости неполный рабочий день (неделю), посменно или дистанционно (на дому) (1-2 места у женщин и 1 место у мужчин);

– частичное погашение кредита или субсидии на приобретение жилья при рождении первого и второго ребенка, полное погашение при рождении третьего ребенка (1-2 места у женщин и 3 место у мужчин);

– предоставление дополнительного к федеральному областного «материнского» (семейного) капитала (3 место у женщин и 4 место у мужчин);

– обеспечение возможности устройства ребенка в те ясли или детский сад, которые больше всего устраивают и в то время, когда это необходимо (4 место у женщин и 2 место у мужчин).

Литература

1. Андреев Е.М., Бондарская Г.А. Можно ли использовать данные об ожидаемом числе детей в прогнозе численности населения? // Вопросы статистики, 2000, №11, с.60).
2. Антонов А.И. Социология рождаемости. М., 1980, с.162.
3. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М., 1976, с.152-153.
4. Медков В.М. Уровень жизни и репродуктивное поведение двухдетной городской семьи // Социально-демографические исследования брака, семьи, рождаемости и репродуктивных установок. Ереван, 1983, с.138-139.

Денисенко М.Б.¹

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ

По данным последней Всероссийской переписи по состоянию на 14 октября 2010 г. в Костромской области постоянно проживало 667,6 тыс. человек. Это сравнительно немногочисленное население распределяется по территории, которая сопоставима или превосходит площадь почти половины европейских государств, среди которых Латвия, Швейцария, Нидерланды, Дания. Более 40% населения области проживает в ее административном центре – Костроме. В то же время количество жителей в ряде отдаленных от центра муниципальных районов (Межевской, Мантуровский, Октябрьский, Павинский) не превышает и 5 тысяч человек. В последние два десятилетия население Костромской области, как и многих других областей России, сокращается. Как долго продлится этот процесс? Этот вопрос звучит особенно тревожно, когда речь заходит о районах и городах с и без того малочисленным населением.

Для понимания вектора изменений численности и возрастно-полового состава, процессов рождаемости, смертности и миграции населения в области, несомненно, следует обратиться к изучению демографии самых мелких административно-территориальных единиц, по которым органы государственной статистики разрабатывают демографическую информацию. В случае Костромской области речь идет о 24 муниципальных районах и 6 городских округах. Цель данной статьи заключается в том, чтобы показать, насколько существенно различаются они по своим демографическим параметрам. Поэтому в статье много цифр, представляющих результаты объемных авторских расчетов. Глубокий анализ причин выявленной территориальной

¹Денисенко Михаил Борисович – к.э.н., доцент, заведующий кафедрой демографии Института демографии НИУ ВШЭ. Статья подготовлена при поддержке РФФИ (проект: 10-06-00572 «Социальное и экологическое моделирование и планирование экосистем на Севере России»).

неоднородности развития населения — предмет для последующих исследований.

Выбор муниципальных районов и городских округов в качестве объекта во многом определяет специфику данной работы. В России подавляющая часть исследований территориальных различий в характере демографических процессов и структур проводится на уровне 83 крупных территориальных образований – субъектов федерации, в число которых попадают 46 областей, 21 республика, 4 автономных округа, 9 краев и одна автономная область. В свою очередь субъекты Федерации делятся на 1829 районов и 512 городских округов (Росстат). Очевидно, что переход на более низкий уровень территориальной иерархии почти в 40 раз увеличивает число наблюдений и тем самым заметно расширяет возможности исследователей в изучении факторов, закономерностей и оценке последствий демографических изменений.

Муниципальные районы отличаются от областей и республик малочисленностью населения. Так, средняя численность населения районов и городских округов Костромской области (без города Костромы) равна 13,7 тыс. человек, а «среднего» субъекта РФ – 1,7 млн. человек. Долгое время выражались сомнения в надежности результатов, полученных классическими методами демографического анализа для малочисленных популяций. Но эти сомнения развеяла статистика и практика. Продолжительность жизни и суммарный коэффициент рождаемости в мире оцениваются для таких стран, как Андорра и Лихтенштейн, а в России – для сельского населения Магаданской области или Ненецкого автономного округа². Тем не менее, отметим, что изучение населения муниципальных образований классическими методами демографического анализа осложняется рядом обстоятельств, среди которых выделим:

- малочисленность групп населения и происходящих в них событий, что влияет на устойчивость и степень достоверности рассчитываемых показателей;

² На 1 января 2012 г. Численность сельского населения Магаданской области составило 6,7 тыс. человек, Ненецкого АО – 13,1 тыс. человек.

- ошибки наблюдения в малых совокупностях сильно искажают картину изучаемого процесса, в отличие от больших регионов, где ошибки нейтрализуют друг друга;
- особые события могут существенно повлиять на величину оцениваемых показателей и даже привести к аномальным оценкам (например, крупная автомобильная авария заметно повышает коэффициенты смертности, многоплодные роды – уровень рождаемости).

На протяжении последних трех десятилетий в зарубежной демографии происходит уверенное смещение исследовательских интересов к так называемым малым территориям. К последним относят не только муниципальные образования, но и более мелкие единицы, например, переписные участки или медицинские округа, обслуживаемые лечебным учреждением. С изучением населения малых территорий стала быстро прогрессировать новая отрасль науки о населении «Прикладная демография», ориентированная на решение разнообразных практических задач с помощью демографических данных и методов [15, 17]. И это не случайно, поскольку большая часть практических задач, связанных, например, с размещением предприятий или распределением бюджетных ресурсов, возникает именно на локальном уровне. Следует помнить, что демографические показатели, помимо выполнения своих прямых функций, т.е. количественной характеристики демографических процессов и структур, также позволяют оценить уровень и направленность развития других социальных процессов. Поэтому анализ демографических данных на местном уровне предоставляет возможность региональным органам власти четче сформулировать цели и задачи политики в области здравоохранения, образования или социальной поддержки, оценивать их эффективность. В Российской Федерации подобные исследования только начинаются.

Статистика и методы

В данной работе изучение демографических различий между муниципальными районами Костромской области велось за

период с 2002 по 2010 гг. включительно по следующим направлениям – динамика численности населения, возрастно-половой состав, рождаемость и смертность. Выбор периода диктовался двумя соображениями. Во-первых, это период между двумя Всероссийскими переписями – 2002 и 2010 гг. Итоги переписей – это те опорные точки, на основе которых выполняются демографические оценки численности и возрастно-полового состава населения в межпереписные годы. Во-вторых, в рассматриваемый период произошли заметные изменения в демографическом и социально-экономическом развитии страны и ее регионов. В частности, в 2007 г. введены новые меры демографической политики. В этом контексте ставилась задача определить, в каком направлении изменяются демографические показатели районов, и насколько устойчивы различия между ними, если таковые обнаружатся.

Оценка вкладов естественного и миграционного приростов в изменение численности населения районов и городских округов Костромской области проводилась для всего межпереписного для периода с 1 января 2003 по 1 января 2011 гг. На эти даты численность населения изучаемых территорий определена Росстатом. Таким образом предупреждались излишние сложности, связанные с подготовкой необходимых данных и интерпретацией результатов расчетов для периода, начинающегося и заканчивающегося 14 октября. Именно на эту дату разрабатывались переписи 2002 и 2010 гг. Естественный прирост за 8 лет определялся по данным текущего учета рождений и смертей. Величина миграционного прироста исчислялась методом демографического баланса. Именно она, а не показатели, рассчитанные по данным текущего учета, подводит итог миграционных перемещений за изучаемый период.

В качестве основного индикатора для измерения территориальных различий в уровне рождаемости использовался суммарный коэффициент рождаемости³. Проблема статистической

³Суммарный коэффициент рождаемости показывает, сколько в среднем детей родила бы одна женщина на протяжении всего репродуктивного периода при сохранении в каждом возрасте уровня рождаемости того года, для которого вычислены возрастные коэффициенты.

устойчивости и значимости рассчитанных показателей в данной работе решалась посредством агрегирования доступных данных. Поскольку число событий (рождений), зарегистрированных в течение года, в большинстве муниципальных образований невелико, то рассчитывались средние коэффициенты за трехлетние периоды: 2000—2004, 2005—2007 и 2008—2010 гг. Кроме того, анализировалась дифференциация территорий по числу рождений детей высоких очередностей и по доле рождений вне зарегистрированного брака. Показатели рождаемости являются маркерами многих социальных проблем, связанных с составом семей, в том числе с неполными семьями, многодетными семьями, молодыми семьями.

Для изучения дифференциации муниципальных районов и городских округов по уровню смертности за те же трехлетние периоды были выполнены оценки такой обобщающей ее характеристики, как ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Методология расчета этого показателя для малых территорий описана в научной литературе [4,14]. С помощью стандартизованных коэффициентов (метод прямой стандартизации) выполнялся анализ различий в смертности от отдельных причин. В данной работе основное внимание было уделено внешним причинам, которые тесно увязаны с изменениями в социальной обстановке и отражают масштабы распространения некоторых форм девиантного поведения: убийства, самоубийства, алкоголизм.

При расчете возрастных коэффициентов, необходимых для вычисления перечисленных выше обобщающих показателей рождаемости и смертности, использовались оценки возрастно-полового состава, полученные на основе данных переписи 2002 года и текущей статистики демографических событий и миграции. Как известно, из-за ошибок в учете миграции по мере удаления от даты переписи качество этих оценок снижается. Поэтому в нашем случае наиболее точные оценки численности возрастно-половых групп получаются для периода 2002-2004 гг., а далее их точность несколько снижается. К сожалению, перерасчеты возрастного состава населения муниципальных образований по итогам переписи 2010 г. требуют много времени и к моменту подготовки данной работы не были выполнены Росстатом. Тем не менее, есть

достаточно оснований полагать, что эти неточности не окажут заметного влияния на значения рассчитанных показателей для разных муниципальных образований и их соотношение друг с другом. Перепись 2010 г. показала численность населения Костромской области меньшую, чем ожидалось по текущим демографическим оценкам, примерно на 1,3 %. Расхождение объясняется несовершенством текущего учета миграционного оттока из области. Многие костромичи, покидая область на длительный срок, не снимались с регистрационного учета. Поэтому не случайно наибольшее расхождение в переписных и текущих оценках фиксируется в самых мобильных возрастах – от 20 до 30 лет. Здесь ошибка учета составила порядка 10% от численности возрастной группы.

Представление о будущем во многом определяется тем, насколько хорошо мы знаем прошлое и настоящее. Поэтому современная демографическая ситуация рассматривается в контексте долговременных демографических изменений в Костромской области. Для этого привлекались материалы всех всероссийских и всесоюзных переписей, а также данных текущего учета демографических событий, начиная с 1950 г.

Динамика численности населения Костромской области за 100 лет

В конце XIX века по данным переписи населения 1897 года на территории Костромской области в ее нынешних границах проживало чуть более 900 тыс. человек. Это составляло примерно 1,5 % от численности жителей, населявших территорию современной Российской Федерации. Примерно до конца 1920-х гг. численность населения увеличивалась, достигнув исторического максимума примерно в 1,1 млн. человек, а затем обозначилась четкая тенденция к ее уменьшению (Табл. 1). В итоге по данным переписи 2010 г. численность населения Костромской области составила 668 тыс. человек, что почти на 40% (!) меньше, чем в 1926 г. Очевидно, что в отдельных районах области эта убыль была еще большей. В целом доля области в общей численности населения России сократилась до 0,47%.

Таблица 1

Численность населения Костромской области за 100 лет (тыс. человек)*

	Все население	Городское население	Сельское население	Кострома
1897	992	71	921	41
1926	1081	128	953	74
1939	1077	239	838	121
1959	922	366	556	172
1970	871	465	406	231
1979	804	513	291	268
1989	810	555	255	294
2002	737	496	240	279
2010	668	467	201	270

Примечание: * в современных границах

Источник: 1897 – оценки автора, [8,5]

Демографическая динамика области формировалась под воздействием трех групп факторов. Во-первых, вектор ее изменений во времени определяли эволюционные факторы, проявившиеся в процессе демографической модернизации или демографического перехода на территории всей России. В общем виде демографический переход представляет собой трансформацию общества, в котором наблюдаются высокие показатели рождаемости и смертности, в общество с низкими показателями рождаемости и смертности. При этом уровень смертности, как правило, начинает понижаться раньше уровня рождаемости, что обеспечивает увеличение прироста населения. Общий коэффициент рождаемости на территории области в конце XIX в. равнялся примерно 47‰, общий коэффициент смертности – 33‰. До начала Великой отечественной войны (к 1940 г.) эти показатели уменьшились соответственно до 30,8‰ и 21,8‰. Понижительная динамика продолжилась и в послевоенный период. К началу 1990-х гг. в Костромской области на 1000 населения приходилось порядка 11 рождений и 12 смертей. Если в конце XIX века у костромчанки в среднем рождалось 7 детей, то в 1959 г. суммарный коэффициент

рождаемости составлял 2,7, в 1989 – 2,0, а в 2009 – 1,5 рождений на одну женщину. Продолжительность жизни при рождении для обоих полов к 1989 г. более чем в 2 раза превзошла свое значение столетней давности и достигла 69,2 лет.

Необходимо заметить, что на динамику общих коэффициентов со временем начинает оказывать сильное влияние другой эволюционный фактор – демографическое старение, первоначальной причиной которого является падение уровня рождаемости. Так, по данным переписи 1897 г. дети до 15 лет составляли 38% от общего числа жителей Костромской губернии, а лица в возрасте от 60 лет и старше – около 9%. К 1959 г. доля детей уменьшилась до 28%, а к 2010 г. – до 14,4%. При этом доля пожилых людей за тот же период увеличилась более чем в 2 раза и достигла отметки 20,6%.

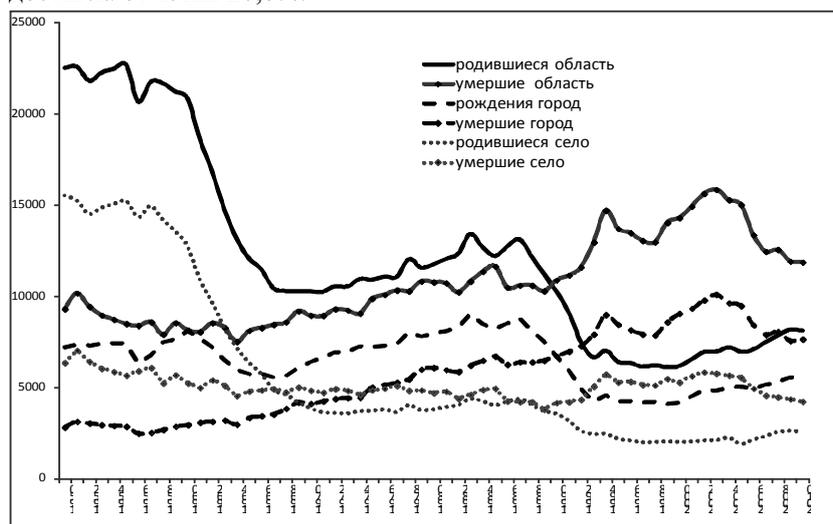

Рис.1. Родившиеся и умершие в Костромской области, 1950-2010 гг.

Общая численность населения сокращалась за счет детской возрастной группы. Так, в 2010 г. на территории области (в сопоставимых границах) проживало детей в 4,1 раза меньше, чем в 1926 г. Но при этом численность населения в возрасте от 15 до 59 лет увеличилась в 1,1 раза, а лиц в возрасте от 60 лет и старше – в 1,5 раза. Увеличение доли пожилых наряду с негативными

тенденциями в смертности, начиная с середины 1960-х гг., обусловили устойчивый рост числа умерших в области. С 1990 г. и до наших дней в Костромской области число умерших превышает число родившихся (Рис.1).

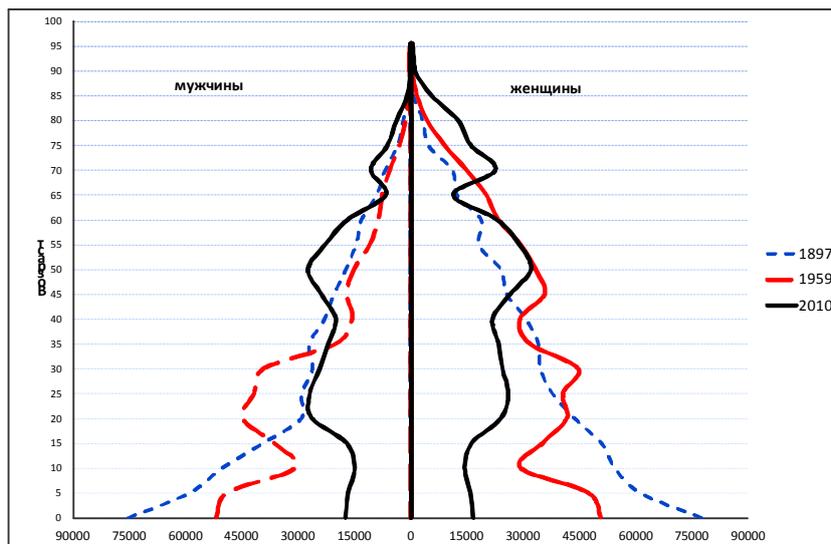

Рис. 2. Возрастная пирамида населения Костромской области по данным переписей 1897, 1959 и 2010 гг.

Деформации возрастно-половой пирамиды (Рис. 2) и колебания чисел родившихся (Рис. 1) отражают влияние второй группы факторов, связанных с социальными катаклизмами XX века: первая мировая и Великая отечественная война, радикальные социально-экономические преобразования начала 1930-х гг. и 1990-х гг. В кризисные исторические периоды падала рождаемость и увеличивалась смертность, особенно мужского населения. В результате деформации возрастно-половой структуры образовывалась демографическая волна, проявляющаяся в колебаниях чисел родившихся и численности отдельных возрастных групп. Именно с особенностями возрастной структуры («эхом» войны) связано резкое падение (в 2 раза) числа родившихся с 1960 по 1966 гг., и, частично, — с 1987 по 1991 гг. Рост

рождаемости в середине 1980-х гг., обусловленный мерами демографической политики, усилил слабеющее «эхо» Великой отечественной войны.

Третий важнейший фактор — миграция — оказывал негативное влияние на динамику численности населения области: на протяжении трех последних столетий костромская земля отдавала население другим регионам России и бывшего СССР. Так, в 1897 г. за пределами Костромской губернии проживало более 130 тыс. ее уроженцев, а в ней — лишь 40 тыс. уроженцев других губерний Российской империи. Миграционный отток из области усилился в 1930-е гг., в период форсированной индустриализации, и превысил естественный прирост, что привело к сокращению численности населения уже к началу войны. В послевоенные годы значительный миграционный отток из области продолжился. По данным переписи 1989 года, за пределами Костромской области проживало 480 тыс. ее уроженцев (почти половина от численности ее населения), а на ее территории — только 165 тыс. тех, кто родился в других частях СССР. За период с 1989 по 2002 гг. в области впервые за много лет наблюдалось положительное сальдо миграции (+11 тыс. человек), главным образом за счет возвращения на родину русскоязычного населения из бывших союзных республик. Однако в последующий межпереписной период она вновь потеряла население в обмене с другими территориями (-20,6 тыс. человек). Исторически главными центрами притяжения костромского населения являются Санкт-Петербург и Ленинградская область, Москва и Московская область, Ярославская, Ивановская и Нижегородская области.

Особенности размещения населения по территории в значительной степени определялись процессом урбанизации и, в частности, концентрацией жителей в столице области — Костроме. В конце XIX в. доля горожан чуть превышала 7%, доля жителей Костромы в населении в современных границах области составляла 4%. В 1960-х гг. доля городского населения превысила 50%. При этом до конца 1980-х гг. численность жителей области сокращалась исключительно в сельской местности. В последующие годы процесс депопуляции распространился практически на все поселения. В итоге в 2010 г. численность сельского населения была в 4,5 раза

меньше, чем в 1926 г., а городского населения – в 1,2 раза или на 88 тыс. меньше, чем в 1989 г. За постсоветский период уменьшилась также численность жителей Костромы (на 25 тыс. человек). Но еще заметнее (почти на 120 тыс.) за тот же период сократилась население в остальной части Костромщины. В итоге доля Костромы в общей численности населения области увеличилась и превысила 40%. Отметки в 20% областной центр достиг в начале 1960-х гг., а отметки в 30% – в конце 1970-х гг.

Демографический баланс области и ее муниципальных образований за 2003-2010 гг.

Закономерности демографического развития Костромской области проявляются в ее районах по-разному. Обратимся к демографическому балансу муниципальных образований за период с 1 января 2003 по 1 января 2011 г. (Табл. 2). Как видно из данных таблицы, численность населения сократилась во всех районах и городских округах области, за исключением Костромского района. Территории области разительно отличаются по масштабам этого сокращения (Рис. 3). В ряде районов, прежде всего тех, которые относятся к так называемой периферии и дальней периферии по отношению к областной столице⁴ [10], численность населения за 8 лет сократилась более чем на 20% (Антроповский, Вохомский, Галичский, Кологривский, Октябрьский районы). В Межевском и Мантуровском районах численность населения в начале 2011 г. была на четверть (!) меньше по сравнению с началом 2003 г. В остальных муниципальных районах, за небольшим исключением, численность населения за изучаемый период сократилась на 15-20%. Это очень высокие темпы убыли населения. Достаточно сказать, что они выше, чем во многих районах Сибири и Дальнего Востока. С учетом старой возрастной структуры процесс

⁴ Согласно Т.Г.Нефедовой, 24 административных района области в порядке соседства с областной столицей можно сгруппировать следующим образом: **пригород** – Костромской район; **полу-пригород** – Нерехтский, Красносельский, Судиславльский, Сусанинский, Буйский районы; **полу-периферия** – Антроповский, Галичский, Кадыйский, Островский, Солигаличский, Чухломский районы; **периферия** – Кологривский, Макарьевский, Мантуровский, Межевский, Нейский, Парфеньевский районы; **дальняя периферия** – Вохомский, Октябрьский, Павинский, Поназыревский, Пыщугский, Шарьинский районы.

депопуляции ставить под сомнение саму возможность успешного социально-экономического развития этих территорий. В городских округах ситуация была более благополучной. В первую очередь это относится к городам Кострома, Буй и Волгореченск, где убыль населения не превысила 6%.

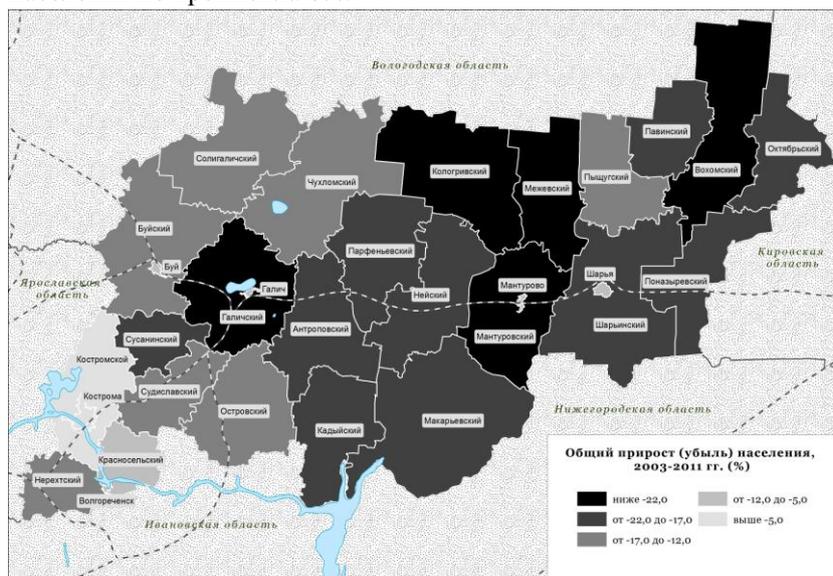

Рис. 3. Общий прирост (убыль) населения с 1 января 2003 по 1 января 2011 г. в муниципальных образованиях Костромской области (в %)

Отдельные компоненты демографического роста – рождения, смерти и миграции – по-разному влияли на изменение численности населения по территории области. Для того, чтобы оценить этот вклад с учетом различий в численности населения, обратимся к общим демографическим коэффициентам. В изучаемый период во всех районах области баланс рождений и смертей складывается в пользу последних. Особенно сильная естественная убыль населения – -15 человек на 1000 населения в среднем за год – наблюдалась в периферийных районах – Кологривском, Макарьевском и Мантуровском. Ниже среднего по области (более -8,7 %) коэффициенты естественной убыли

наблюдались в городских округах (за исключением Мантурово), а также в Костромском, Красносельском и Пыщуговском районах. Масштаб продолжающегося демографического кризиса в области подчеркивает тот факт, что в большинстве муниципальных образований естественная убыль, как минимум, была вдвое сильнее, чем в среднем по России (-4‰).

География естественного прироста отражает территориальную дифференциацию комбинации коэффициентов смертности и рождаемости. В тех районах, где коэффициенты рождаемости сравнительно высоки, а смертности – низки, убыль населения минимальна, и наоборот. Смертность в большей степени влияла на территориальные различия в естественном приросте. Размах вариации и меры рассеивания показателей смертности превышают аналогичные величины для показателей рождаемости. Так, минимальное среднее значение общего коэффициента смертности за период 2003-2010 гг. определено для Волгореченска (14,1‰). Это в 2 раза меньше максимального коэффициента, который зафиксирован в Мантуровском районе (28,3‰). Очень высокие значения (более 19‰) наблюдались практически во всех остальных муниципальных районах, за исключением Костромы, Костромского и Красносельского района. Необходимо заметить, что среднегодовой общий коэффициент смертности в Костромской области был заметно выше аналогичного показателя для России в целом: соответственно 19,3‰ и 12‰.

Различия по величине общего коэффициента рождаемости были не столь значительны, как коэффициента смертности. Максимальные значения отмечены в Пыщуговском (13,5‰) и Красносельском (12,6‰) районах, минимальные – в Макарьевском и Мантуровском районах (по 8,9‰). В среднем за изучаемый период в Костромской области на 1000 человек приходилось 10,7 рождений, а по всей России – примерно 9.

Из демографических процессов наибольшие территориальные различия наблюдаются в миграционном приросте. Сравнительно высокий миграционный прирост в расчете на 1000, превосходящий естественную убыль населения, наблюдался в Костромском районе. Положительный миграционный прирост отмечен в г. Кострома и г. Буй. Низкая интенсивность

миграционного оттока характерна для полупригородных районов и городских округов. Все эти территории втягивали в себя население из других районов области. Особенно сильным миграционный отток был из Вохомского, Межевского, Галичского, Мантуровского, Кологривского и Октябрьского районов. В большинстве районов области, прежде всего в периферийных и дальнепериферийных, из-за миграции убыль населения возрастает более, чем в 2 раза.

Сдерживание или прекращение миграционного оттока из муниципальных образований области – одна из главных задач социальной и демографической политики. При сохранении существующей ситуации уже в ближайшее время обезлюдение угрожает и без того малонаселенным Мантуровскому, Кологривскому, Вохомскому, Галичскому, Межевскому, Антроповскому и Октябрьскому районам, в которых миграционный отток сочетается с высокой естественной убылью населения. Необходимо принимать во внимание, что в миграции участвуют молодые люди. По этой причине на территориях, отдающих мигрантов, заметно ослабевает демографический потенциал и ускоряется процесс старения населения.

Таким образом, демографическая ситуация в области остается очень тяжелой, хотя эта «тяжесть» неравномерно распределяется между муниципальными образованиями. Относительно благоприятная ситуация сложилась в городских округах (за исключением Мантурово) и пригородных сельских районах – Костромском и Красносельском. Наибольшее беспокойство вызывает настоящее и ближайшее демографическое будущее районов периферийной полосы. Численность населения здесь, вероятно, сократится до такой величины, при которой сама возможность развития экономики и сохранности сложившейся инфраструктуры за счет внутренних человеческих ресурсов ставится под сомнение.

Обратимся к демографическим факторам, обуславливающим неравномерное изменение численности населения по территории области. Во-первых, рассмотрим территориальные особенности возрастной структуры населения. Во-вторых, остановимся на территориальных различиях в интенсивностях процессов рождаемости смертности.

Таблица 2

Демографический баланс муниципальных районов и городских округов за период с 1 января 2003 по 1 января 2011 г.

Районы и города	Население (тыс.чел.)		Родившиеся (тыс.)	Умершие (тыс.)	Прирост населения (тыс.чел.)			ОП (в % к 1.01.2003)	Общие коэффициенты (на 1000 чел.)			
	1.01.2003	1.01.2011			ЕП	МП	ОП		Рожд.	Смерт.	ЕП	МП
г. Кострома	278,7	268,5	23,1	36,9	-13,8	3,6	-10,2	-3,6	10,5	16,8	-6,3	1,7
г. Буй	27,2	25,7	2,3	4,2	-1,8	0,2	-1,6	-5,8	11,1	19,7	-8,6	1,2
г.Волгореченск	18,2	17,1	1,4	2,0	-0,6	-0,5	-1,1	-5,9	10,1	14,1	-4,0	-3,6
г. Галич	19,1	17,3	1,7	2,8	-1,1	-0,6	-1,7	-9,2	11,4	19,0	-7,6	-4,4
г. Мантурово	19,4	17,5	1,6	3,2	-1,6	-0,3	-1,9	-10,0	10,6	21,7	-11,1	-2,0
г. Шарья	39,3	36,7	3,6	5,8	-2,2	-0,5	-2,7	-6,8	12,0	19,2	-7,3	-1,5
Антроповский	9,0	7,1	0,6	1,4	-0,8	-1,1	-1,9	-20,9	9,7	22,1	-12,4	-16,8
Буйский	13,8	11,8	1,0	2,1	-1,0	-1,0	-2,0	-14,6	10,1	20,3	-10,2	-9,5
Вохомский	13,4	10,1	1,0	2,1	-1,1	-2,1	-3,3	-24,4	10,2	22,2	-11,9	-22,7
Галичский	11,4	8,7	0,9	2,0	-1,1	-1,6	-2,7	-23,7	10,7	24,7	-14,1	-19,6
Кадынский	10,3	8,3	0,7	1,8	-1,1	-0,8	-1,9	-18,8	9,7	24,4	-14,7	-11,3
Кологривский	8,5	6,4	0,6	1,6	-1,0	-1,1	-2,1	-24,3	9,8	26,2	-16,4	-18,2
Костромской	44,0	44,5	3,7	6,1	-2,4	3,0	0,5	1,2	10,5	17,4	-6,9	8,4

Красносельский	19,5	17,8	1,9	2,8	-0,9	-0,8	-1,7	-8,7	12,6	18,7	-6,1	-5,2
Макарьевский	19,3	15,9	1,3	3,5	-2,2	-1,2	-3,5	-17,8	8,9	24,6	-15,8	-8,7
Мантуровский	6,7	4,9	0,4	1,3	-0,9	-0,9	-1,8	-26,5	8,9	28,3	-19,3	-18,9
Межевской	5,8	4,4	0,4	1,0	-0,5	-0,9	-1,4	-24,0	10,5	23,3	-12,8	-21,2
Нейский	17,4	14,1	1,3	2,9	-1,6	-1,7	-3,3	-19,0	10,1	22,7	-12,6	-13,6
Нерехтский	39,3	34,2	3,0	6,4	-3,4	-1,8	-5,1	-13,1	10,1	21,7	-11,5	-6,0
Октябрьский	6,2	5,0	0,5	1,0	-0,5	-0,8	-1,3	-20,3	10,8	21,4	-10,6	-17,7
Островский	14,6	12,7	1,1	2,3	-1,2	-0,7	-1,9	-12,9	10,4	21,0	-10,6	-6,5
Павинский	6,2	5,1	0,4	1,0	-0,5	-0,6	-1,1	-18,3	10,0	21,8	-11,8	-13,3
Парфеньевский	7,8	6,4	0,7	1,3	-0,6	-0,8	-1,5	-18,7	12,0	23,2	-11,3	-14,6
Поназыревский	10,4	8,4	0,8	1,8	-1,0	-1,0	-2,0	-19,1	10,1	23,5	-13,4	-13,0
Пыщугский	6,2	5,2	0,6	0,9	-0,3	-0,7	-1,0	-15,9	13,5	19,1	-5,6	-15,9
Солигаличский	12,2	10,2	1,0	2,1	-1,1	-0,9	-2,0	-16,5	11,2	23,4	-12,2	-10,4
Судиславский	15,1	13,1	1,3	2,1	-0,8	-1,2	-2,0	-13,3	11,5	19,0	-7,5	-10,3
Сусанинский	9,1	7,6	0,8	1,7	-1,0	-0,6	-1,6	-17,1	11,6	26,1	-14,5	-8,9
Чухломский	13,5	11,3	1,1	2,1	-1,0	-1,2	-2,2	-16,2	10,7	20,7	-10,1	-11,9
Шарьинский	12,7	10,3	1,0	2,3	-1,2	-1,2	-2,4	-18,9	11,3	24,6	-13,4	-12,7
Костромская область	734,5	666,3	59,7	108,2	-48,5	-19,7	-68,1	-9,3	10,7	19,3	-8,7	-3,5

Источник: рассчитано автором

Примечание: МР – муниципальный район, ЕП – естественный прирост, МП – миграционный прирост, ОП – общий прирост

Территориальные различия в возрастном составе

Негативную динамику демографическому развитию области и ее муниципальным образованиям придает «старая» возрастная структура населения. Даже там, где население по костромским меркам сравнительно молодое (г. Кострома, г. Шарья), доля лиц старше трудоспособного возраста в общей численности населения заметно превышала аналогичный среднероссийский показатель. В муниципальных районах с самым старым населением это доля в 2010 г. приближалась к 30%, а в Мантуровском, Макарьевском и Буйском даже превышала ее еще по данным переписей 1989 и 2002 гг. Следует отметить, что доля трудоспособного населения в 2000-х гг. достигла своего исторического максимума. Этому способствовало, в первую очередь, сокращение доли детского контингента в общей численности населения, вызванное падением рождаемости в постсоветские годы. В настоящее время в целом ряде муниципальных районов доля детей не превышает 15%. Кроме того, в начале текущего столетия пенсионный контингент уменьшался благодаря вхождению в его состав малочисленных поколений, рожденных в военные годы.

В целом география возрастного состава в значительной степени отражает географию изменения численности населения и общих демографических коэффициентов (Рис. 4). Наибольшая естественная убыль населения, самые высокие значения общего коэффициента смертности и самые низкие коэффициенты рождаемости наблюдаются в тех муниципальных образованиях области, где высока доля лиц старшего возраста.

Вместе с тем, малочисленность поколений, рожденных в 1990-х гг. и начинающих выходить на рынок труда, по отношению к поколениям, родившихся в 1950-е гг. и вступающим в пенсионный возраст, заставляет предположить, что в ближайшие десять лет годы процесс депопуляции продолжится. Что особенно важно для развития экономики и социальной сферы – усилится убыль населения в трудоспособных возрастах. Особенно заметного увеличения коэффициентов естественной убыли и смертности следует ожидать в Мантуровском, Макарьевском, Кологривском, Кадыйском, Шарьинском, Галичском и Нерехтском муниципальных

районах, где отмечается самая высокая доля пожилого и очень низкая доля детского возрастных контингентов.

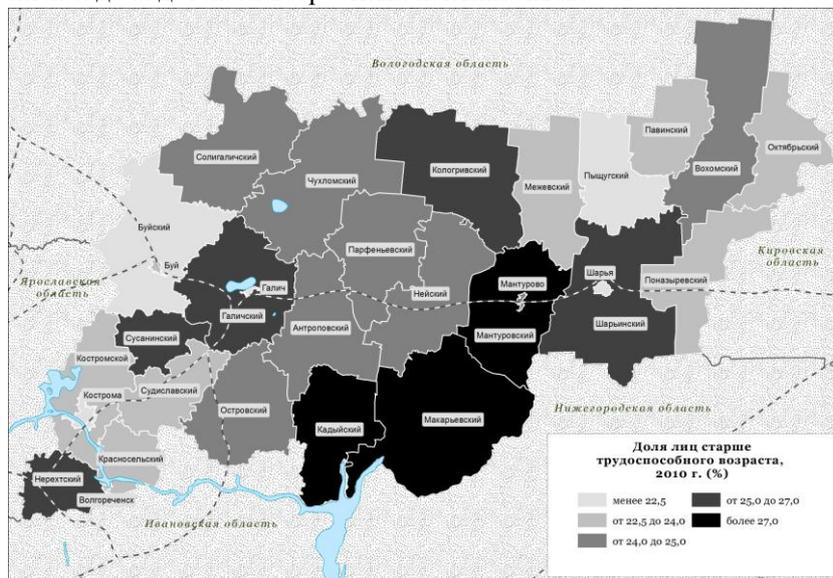

Рис. 4. Доля лиц старше трудоспособного возраста в муниципальных образованиях Костромской области, 2010 (в %)

Таблица 3

**Доля трех возрастных групп в общей численности населения муниципальных образований
Костромской области (в %)***

МР и города	Мужчины и женщины 0-15 лет			Мужчины 16-59, женщины 16-54			Мужчины 60 и старше, Женщины 55 и старше		
	1989	2002	2010	1989	2002	2010	1989	2002	2010
г. Кострома	21,5	15,9	14,8	59,6	62,7	62,9	18,9	21,4	22,3
г. Шарья	23,5	17,8	17,1	53,1	60	60,6	23,3	22,2	22,3
Пыщугский МР	25	20,2	19,5	50,3	57,1	58,1	24,8	22,6	22,4
г. Галич	23,1	17,4	16,1	56,2	59,9	61,4	20,7	22,7	22,5
Костромской МР	22,6	16	14	55,7	61,4	63,4	21,7	22,6	22,6
г. Буй	23,1	17,7	16,5	53,2	59,3	60,8	23,7	23	22,7
Судиславский МР	26,3	18,7	16,3	52,5	58,7	60,9	21,3	22,6	22,8
Октябрьский МР	25,8	21,6	16,7	48,4	53,7	60,5	25,8	24,7	22,9
Красносельский	24,3	18,1	16,8	51,7	57,9	59,4	24	24,1	23,7
Межевской МР	22,8	19,0	16,0	52,5	55,7	60,2	24,7	25,2	23,7
Павинский МР	25,5	20,0	15,6	50,7	54,5	60,7	23,8	25,4	23,7
г. Волгореченск	26,3	18,9	16,1	62,4	60,9	60,2	11,3	20,2	23,8
Поназыревский	19	16,7	15,3	50,5	56,8	60,8	30,5	26,5	23,9
Нейский	23,2	18,4	15,3	51,1	54,6	60,6	25,7	26,9	24,1
Парфеньевский	22,7	18,8	17,4	49,1	55,6	58,5	28,2	25,6	24,1

Солигаличский	22,4	20,2	17,8	51,1	54,2	57,8	26,5	25,6	24,4
Островский МР	23,8	18,7	16,7	49,6	56,7	58,7	26,6	24,6	24,5
Чухломский МР	23,1	19,1	16,3	51,7	55	59,2	25,1	25,9	24,5
г. Мантурово	23,1	17,2	15,8	53,8	57,6	59,6	23,1	25,3	24,6
Вохомский МР	25	20,2	15,3	48,8	54,1	59,9	26,2	25,7	24,7
Антроповский	20,9	19,5	15,7	50,3	54,1	59,4	28,8	26,4	24,8
Сусанинский МР	24,5	17,8	15,4	52	56,2	58,8	23,5	26	25,8
Кологривский	21,7	17,4	15,2	49,5	54,9	58,5	28,7	27,7	26,3
Нерехтский МР	23,5	16,3	14,4	52,5	57,8	59,1	24	25,9	26,4
Шарьинский МР	23,4	18,6	15,7	47,3	52,9	57,6	29,3	28,5	26,7
Галичский МР	21,1	18,1	15,5	48,4	53	57,6	30,5	28,9	26,9
Кадыйский МР	21	18,9	15,8	49,8	51,7	56,7	29,2	29,5	27,5
Макарьевский	21,6	16,7	13,6	49,3	52,1	57,1	29,1	31,2	29,3
Мантуровский	18,7	16,9	13,8	48	50,7	56,6	33,3	32,4	29,6
Буйский МР**	19,4	19	...	48,6	51,5	...	32	30,2	...
Костромская область	22,5	17,1	15,3	54,8	59,2	61,2	22,7	23,7	23,5
Россия	24,5	18,7	16,1	57,0	61,4	62,3	18,5	20,6	21,6

Источник: рассчитано автором по данным переписей 1989 и 2002 гг., 2010 г. – оценка на 1 января

Примечание:* МР (муниципальные районы) расположены в порядке возрастания доли лиц старшего возраста в 2010 г.;

** - без РП Черные Боры

Рождаемость

Количество рожденных детей зависит от двух переменных: численности потенциальных родителей и интенсивности процесса рождаемости. Одним из наиболее точных измерителей интенсивности является суммарный коэффициент рождаемости, показывающий, сколько у одной женщины за всю ее жизнь родится детей при сохранении существующих уровней рождаемости в каждом возрасте. Динамика этого показателя свидетельствуют, что в Костромской области после глубокого спада в 1990-х гг. уровень рождаемости стал восстанавливаться и особенно быстро – с 2007 г. после введения мер государственной демографической политики. При этом уровень рождаемости в Костромской области в 2009 г. (1,5 рождений у одной женщины) соответствовал среднему по России, но был самым высоким в Центральном Федеральном округе.

В период самой низкой рождаемости (конец 1990-х – начало 2000-х гг.) размах вариации суммарного коэффициента был сравнительно небольшим: минимальное значение фиксировалось в Костроме (1,11), максимальное – в Кадыйском и Сусанинском муниципальных районах (1,89). По мере повышения уровня рождаемости увеличивались и масштабы ее территориальной дифференциации (Табл. 4). Судя по имеющимся данным, более чувствительным к введенным Правительством РФ пронаталистским мерам оказалось сельское население. В 6-ти муниципальных районах с исключительно сельским населением уровень рождаемости в 2008-2010 гг. вырос по сравнению с 2005-2007 гг. более чем на 30%. Вместе с тем, в Костроме этот рост не превысил и 10%. В итоге по уровню рождаемости область стала весьма неоднородной. В трех муниципальных образованиях с самой низкой рождаемостью (Кострома, Костромской МР и Волгореченск) суммарный коэффициент не превышает 1,4, в трех муниципальных районах с максимальной рождаемостью (Пыщугский, Островский и Кадыйский) его значения больше 2,5. В количественном отношении различия между этими группами примерно равны соотношению между суммарными коэффициентами рождаемости Москвы и республика Тыва. Кроме того, в 6 районах области (Октябрьском, Солигаличском, Галичском, Шарьинском, Судиславском и

Межевском) суммарный коэффициент превышает величину 2,05 – границу, за которой начинается расширенное воспроизводства населения.

Рост рождаемости был обеспечен женщинами в возрастах старше 25 лет. Из-за этого произошло знаменательное для Костромской области демографическое явление: максимум интенсивности деторождений переместился из группы 20-24 в группу 25-29 летних женщин. Подобный феномен проявился в 18 муниципальных образованиях, включая г. Кострома. В общем числе рождений повысилась доля вторых и последующих рождений. В периферийных Вохомском, Мантуровском и Пыщугском районах в 2010 г. каждый пятый родившийся ребенок был по счету третьим или более высокого порядка. В городских округах доля таких рождений не превышала и 10%.

Падение уровня рождаемости в России и ее регионах сопровождалось ростом доли внебрачных рождений. Так, если в 1990 г. вне зарегистрированного брака в Российской Федерации родилось 14,5% детей, то в 2005 – почти 30%. В Костромской области за тот же период показатель увеличился с 11,6 % до 24,5%, а к 2010 г. он сократился до 20,4%. С ростом рождаемости доля внебрачных рождений стала сокращаться. Обращает на себя внимание тот факт, что в Костромской области, как и в России в целом, внебрачные рождения в сельской местности встречаются чаще, чем в городской. В 2010 г. доля рождений вне зарегистрированного брака была самой высокой в возрастной группе 15-19 лет – почти 40%. За ней шли возраста от 35 и старше – почти 30%. В остальных возрастных группах эта доля составляла порядка 20%.

Согласно правилам регистрации выделяются две категории родившихся вне зарегистрированного брака: (1) зарегистрированные по совместному заявлению родителей (2) зарегистрированные только по заявлению матери. В России доля первой категории в общем числе рождений с 1990 по 2005 г. выросла с 6,2% до 13,7%, а доля второй – с 6,3% до 16,3%.

Таблица 4

Суммарный коэффициент рождаемости (рождения на одну женщину) и доля рождений детей второй и последующих очередностей (в %), муниципальные образования Костромской области

Муниципальные районы и городские округа	Суммарный коэффициент рождаемости			Доля рождений детей второй и последующей очередности		
	2002-2004	2005-2007	2008-2010	2002-2004	2005-2007	2008-2010
Кострома	1,21	1,19	1,31	35,6	36,0	40,9
г. Волгореченск	1,29	1,30	1,35	39,5	43,2	51,7
Костромской	1,11	1,17	1,37	35,8	39,3	41,7
г. Галич	1,22	1,38	1,42	38,0	38,4	48,5
Нерехтский	1,31	1,38	1,49	37,6	39,9	45,7
Нейский	1,57	1,36	1,51	37,6	46,5	47,5
г. Шарья	1,34	1,40	1,58	40,5	44,2	50,5
г. Мантурово	1,45	1,43	1,60	39,2	40,7	46,7
Чухломский	1,61	1,49	1,61	48,5	46,8	45,2
г. Буй	1,36	1,45	1,62	40,1	42,1	47,9
Мантуровский	1,40	1,51	1,66	53,0	52,2	43,9
Макарьевский	1,74	1,72	1,67	43,7	39,3	47,8
Поназыревский	1,57	1,67	1,69	45,2	48,8	49,1
Павинский	1,56	1,57	1,76	52,4	46,7	46,0

Красносельский	1,46	1,61	1,82	40,5	45,8	46,5
Вохомский	1,56	1,56	1,86	46,3	50,6	53,7
Буйский	1,59	1,40	1,87	38,7	38,8	42,1
Антроповский	1,54	1,57	1,88	52,3	50,0	42,9
Сусанинский	1,89	1,73	1,93	43,6	52,4	49,0
Парфеньевский	1,84	1,83	1,94	46,8	53,6	48,3
Кологривский	1,54	1,60	2,00	51,4	48,3	46,9
Межевской	1,71	1,69	2,05	38,2	48,1	51,1
Судиславский	1,87	1,64	2,06	42,3	44,7	47,8
Шарьинский	1,86	1,82	2,07	46,9	46,8	46,3
Галичский	1,60	1,58	2,09	43,1	42,6	46,4
Солигаличский	1,74	1,97	2,40	44,4	52,3	53,6
Октябрьский	1,50	1,86	2,49	39,7	51,5	54,6
Пыщугский	1,77	1,93	2,57	51,4	53,8	53,6
Островский	1,73	2,03	2,77	42,3	47,2	43,1
Кадыйский	1,89	2,41	3,10	50,2	45,8	47,1
Костромская область	1,34	1,34	1,52	39,3	41,1	44,8

Источник: рассчитано автором

В Костромской области наблюдаются существенные различия между муниципальными образованиями по уровню внебрачной рождаемости. Всего по области за 2002—2010 гг. вне зарегистрированного брака родилось более 20% детей. В трех районах (Вохомский, Поназыревский, Сусанинский) более трети детей родилось у родителей, не регистрировавших свой брак. В то же время в гг.Буй и Волгореченск, в Солигаличском районе доля таких рождений не превышала 20% (Табл. 5). Вообще уровень внебрачной рождаемости высок в периферийных районах, и низок – в городских округах (Рис. 5). Если рассматривать в качестве «истинных» внебрачных рождений только те, которые зарегистрированы по заявлению матери, то различия между муниципальными образованиями сократятся, а их ранжированный ряд по степени распространенности внебрачной рождаемости изменится.

Таблица 5

Распределение родившихся по брачному состоянию матери, %

Муниципальные районы и городские округа	В зарегистрированном браке	Вне зарегистрированного брака	В том числе	
			По совместному заявлению родителей	По заявлению матери
Поназыревский	64,5	35,5	24,5	10,9
Вохомский	64,9	35,1	23,0	12,1
Сусанинский	69,0	31,0	21,3	9,8
Пыщугский	71,7	28,3	17,8	10,5
Павинский	72,6	27,4	17,1	10,4
Октябрьский	73,4	26,6	17,3	9,3
Галичский	73,4	26,6	17,8	8,8
Парфеньевский	73,5	26,5	18,3	8,2
Шарьинский	74,0	26,0	19,0	7,0
Макарьевский	74,4	25,6	16,2	9,3
Красносельский	75,1	24,9	16,4	8,6
Судиславский	75,1	24,9	16,0	8,9
Мантуровский	75,1	24,9	17,7	7,2

Муниципальные районы и городские округа	В зарегистрированном браке	Вне зарегистрированного брака	В том числе	
			По совместному заявлению родителей	По заявлению матери
Кадынский	75,7	24,3	18,6	5,7
Островский	76,4	23,6	14,9	8,7
Нерехтский	76,4	23,6	14,5	9,1
Межевской	76,7	23,3	15,4	7,9
Антроповский	76,9	23,1	14,8	8,3
Буйский	76,9	23,1	15,5	7,5
Костромской	77,1	22,9	14,0	8,9
Чухломский	77,3	22,7	13,9	8,8
Нейский	77,5	22,5	15,4	7,2
г. Шарья	77,9	22,1	13,4	8,7
г. Кострома	78,1	21,9	12,8	9,0
Кологривский	78,2	21,8	12,0	9,8
г. Мантурово	78,5	21,5	15,4	6,1
г. Галич	79,1	20,9	14,4	6,5
Солигаличский	80,3	19,7	12,4	7,3
г. Волгореченск	80,7	19,3	9,3	10,0
г. Буй	81,1	18,9	11,8	7,2
Костромская область	77,0	23,0	14,3	8,7

Источник: рассчитано автором

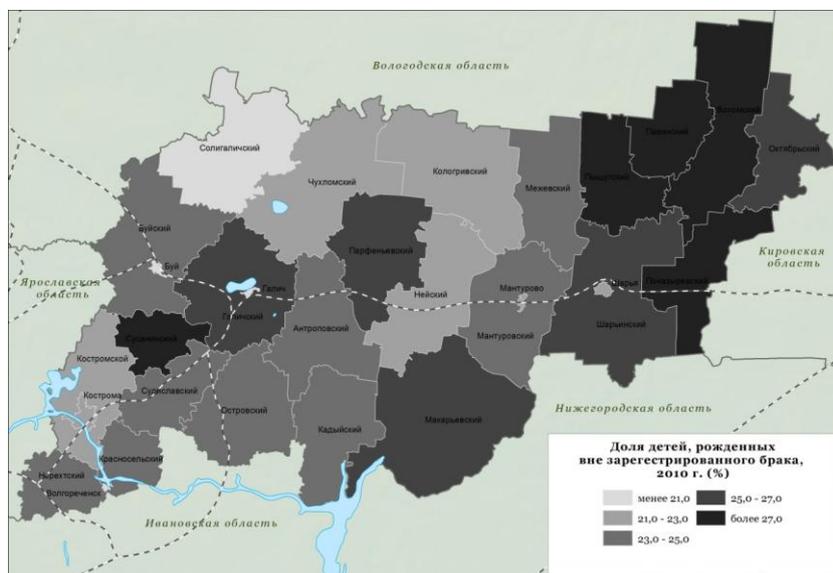

Рис. 5. Доля детей, рожденных вне зарегистрированного брака, Костромская область, 2010 г. (в %)

Таким образом, муниципальные образования Костромской области заметно различаются по уровню рождаемости и другим ее характеристикам. В общем по величине показателей их можно разделить на три группы: (1) низкая рождаемость – относительно благополучные городские округа и пригороды, (2) высокая рождаемость – депрессивные районы периферии, дальней периферии и некоторые районы полу-периферии, (3) средняя рождаемость - остальные районы. Очевидно, территориальная дифференциация процессов рождаемости отражает различия в брачности, соотношении полов, миграционных процессах, в уровне образования населения, женской занятости, доходов и т.п. Для объяснения локальных различий в рождаемости нужны дополнительные исследования.

Территориальные различия в уровне смертности

Выдающийся современный экономист, нобелевский лауреат, «вернувший в экономическую науку мораль», Амартия Сен

предложил использовать смертность в качестве «главного индикатора экономических успехов и ошибок» [16]. Различия в уровне смертности между отдельными группами населения (включая территориальные общности) зависят от разницы в уровне доходов и масштабах бедности, различий в качестве предоставляемых услуг системой здравоохранения и доступа к ним, от уровня образования членов той или иной группы, от сложившихся стереотипов самосохранительного поведения, от действующих систем общественной безопасности и охраны труда, от состояния окружающей среды пр. Показатели интенсивности смертности чувствительны к изменениям в здравоохранении, в экономике и социальной организации в целом. При этом, статистически они измеряются намного точнее индикаторов уровня жизни. Но, к сожалению, при оценке эффективности тех или иных мер социальной и экономической политики, проводимой как на региональном, так и на муниципальном уровне, показатели смертности, в том числе такая ее обобщенная характеристика, как ожидаемая продолжительность жизни, практически не используются.

В первое постсоветское десятилетие динамика смертности в Костромской области и ее муниципальных образований отражает ухудшение здоровья населения, деградацию экономики области и резкое падение уровня жизни. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (для обоих полов) сократилась с 69,2 в 1989 до 62,1 лет в 2003 г. При этом продолжительность жизни у мужчин опустилась до 55,4 лет. Такая величина была достигнута мужским населением области в середине 1950-х гг. В настоящее время она наблюдается в не самых процветающих странах Африки (например, Танзания, Либерия, Конго). Продолжительность предстоящей жизни при рождении у женщин на 13 лет больше, чем у мужчин. Но ситуация со смертностью в женском населении оказывается благополучной только в сравнении с костромскими мужчинами. Продолжительность жизни в 74 года была достигнута женщинами развитых стран еще в конце 1960-х гг., в Российской Федерации – в середине 1980-х гг. Сильное гендерное неравенство перед лицом смерти является одной из главных причин существования большого

числа неполных семей и одиноких женщин в средних и старших возрастах.

Улучшение экономической ситуации в 2000-х гг. сопровождалось снижением уровня смертности. В итоге ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2009 г. возросла и составила 67,2 года для обоих полов, в том числе для мужчин 60,8 года, для женщин 73,8 года. Это меньше, чем в среднем по России – на 2 года у мужчин и на год у женщин, и значительно меньше, чем в Москве. Продолжительность жизни у мужчин в столице на 8,5 лет больше, чем у мужчин Костромской области. Для женского населения эта разница меньше – 4 года. Различия в продолжительности жизни отражают социально-экономическую дистанцию между Москвой и Костромской областью, «плату» последней за провинциальность и отсутствие востребованных рынком природных ресурсов.

Масштабы региональной неоднородности в смертности на уровне субъектов федерации воспроизводятся в Костромской области. В 2008-2010 гг. разница между максимальным (Волгореченск) и минимальным (Солигаличский район) показателями продолжительности жизни составляли более 8 лет для мужчин, и 5 лет для женщин (Табл. 6). Наиболее благоприятная ситуация в смертности наблюдается в столичном регионе (Кострома и Костромской МР) и в городе энергетиков Волгореченске. Среди муниципальных образований, где отмечается тяжелая ситуация в сфере сохранения жизни, встречаются как представители периферии (Мантуровский, Вахомский), так и пригородов (Сусанинский), и полу-периферии (Солигаличский и Галичский). Обращают на себя внимание чрезвычайно низкие по современным стандартам показатели продолжительности жизни для периода 2002-2004 гг. В Макарьевском, Поназырьевском, Шарьинском и Октябрьском районах она не достигала 53 лет (!).

Таблица 6

**Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в
муниципальных образованиях Костромской области (лет)**

Муниципальные районы и городские округа	мужчины			женщины		
	2002- 2004	2005- 2007	2008- 2010	2002- 2004	2005- 2007	2008- 2010
г. Волгореченск	59,2	60,6	63,4	72,6	75,2	75,4
Костромской	56,6	58,6	62,7	71,6	72,3	74,4
г. Кострома	57,4	59,4	62,2	71,0	72,9	74,6
Межевской	57,8	57,4	61,8	69,9	69,1	74,0
Чухломский	57,3	58,0	61,3	70,0	73,1	74,6
г. Шарья	54,0	56,6	61,2	70,4	72,1	74,2
Павинский	56,1	56,2	61,2	68,8	69,7	70,1
Шарьинский	52,6	54,9	61,0	68,1	69,4	74,6
Судиславский	56,0	59,2	61,0	71,4	72,5	73,9
Красносельский	54,1	58,3	60,5	70,2	73,1	75,4
Нейский	56,4	55,1	60,4	69,8	72,2	73,3
Октябрьский	52,8	54,4	60,3	70,9	73,0	72,7
Островский	56,9	58,2	59,9	69,1	70,3	71,5
г. Галич	55,2	55,8	59,9	70,3	70,8	75,5
Нерехтский	54,9	56,9	59,7	70,8	72,3	74,4
Буйский	55,0	54,5	59,6	72,8	69,7	73,6
Парфеньевский	57,6	54,5	59,1	69,5	71,1	71,7
г. Буй	53,8	56,3	58,9	69,8	72,1	73,8
Антроповский	58,3	58,3	58,8	69,8	73,1	72,8
Кадыйский	54,5	56,3	58,5	69,0	71,5	71,7
г. Мантурово	54,1	55,2	58,4	70,9	72,2	72,2
Пыщугский	53,1	59,5	58,4	70,2	71,4	77,3
Макарьев-ский	52,6	57,4	58,4	68,7	71,4	74,8
Кологривский	54,4	57,5	58,2	68,4	68,2	73,0
Поназыревский	51,7	54,9	58,1	67,2	67,3	72,3
Сусанинский	54,6	55,2	57,2	68,1	66,5	72,3
Галичский	53,3	56,5	56,9	69,4	69,3	70,2
Мантуровский	53,5	55,0	56,8	69,3	71,5	72,6
Вохомский	54,9	57,4	56,4	70,1	71,3	73,1
Солигаличский	54,5	56,1	55,1	69,7	70,4	70,3
Всего	55,9	57,9	60,8	70,5	72,1	74,1

Источник: рассчитано автором

Снижение смертности в 2005-2010 гг. было заметным: продолжительность жизни при рождении у мужчин увеличилась почти на 4 года, у женщин – на 3 года. Но оно в разной степени коснулось тех или иных муниципальных образований. Так, в Костромском районе продолжительность жизни мужчин увеличилась на 6 лет, в Октябрьском – на 8 лет, а в Солигаличском – менее чем на 1 год.

За неоднородностью в продолжительности жизни стоят заметные различия между муниципальными образованиями в структуре причин смерти, прежде всего от болезней системы кровообращения и внешних причин. Именно за счет уменьшения смертности от этих двух классов причин, а также болезней органов дыхания увеличивалась продолжительность жизни за последние 6 лет. Для иллюстрации масштабов региональной дифференциации смертности от отдельных причин для 2002-2010 гг. были проанализированы стандартизованные коэффициенты от всех внешних причин с выделением смертей в результате самоубийств и убийств. Из причин смерти выделены те, которые четко фиксируются статистикой, отражают особенности самосохранительного поведения населения, а также скорость получения медицинской помощи и организацию общественной безопасности.

В структуре смертности Костромской области внешними причинами обусловлены порядка 15% смертей мужчин и 7% смертей женщин в 2002-2010 гг. Максимальный уровень смертности от внешних причин у мужчин отмечен в Октябрьском районе, у женщин – в Вохомском районе (Табл. 7). Максимумы, соответственно, в 2 и 3,3 раза выше минимальных значений, наблюдавшихся в г. Волгореченск.

Октябрьский район с большим отрывом занимает первое место по уровню смертности от самоубийств и убийств среди мужчин. Стандартизованные коэффициенты здесь выше минимальных значений, наблюдавшихся, соответственно, в Костроме и Волгореченске, в 3,9 и 5,6 раза. У женщин самые низкие показатели смертности от самоубийств (Волгореченск) в 6,2 раза ниже максимальных значений, отмеченных в Вохомском районе. Самые низкие уровни смертности от убийств за восьмилетний

Таблица 7

**Стандартизованные коэффициенты смертности для населения муниципальных образований
Костромской области, в среднем за 2002-2010 (число умерших на 10000 населения)**

Муниципальные районы и городские округа	Мужчины				Женщины			
	От всех причин	От внешних причин	От самоубийств	От убийств	От всех причин	От внешних причин	От самоубийств	От убийств
г. Волгореченск	199,3	24,5	7,0	1,1	98,2	4,2	0,9	0,2
г.Кострома	220,1	26,6	3,8	1,7	106,6	6,3	0,6	0,4
Костромской	220,8	29,1	5,5	1,8	106,2	6,4	0,4	0,5
Чухломский	222,1	29,7	8,9	2,3	108,1	6,5	0,7	0,2
Антроповский	223,0	29,6	7,7	2,2	114,5	8,7	0,9	1,6
Судиславский	232,5	34,1	6,6	3,0	105,5	9,0	1,3	0,6
Красносельский	232,7	35,1	7,0	2,7	106,7	6,0	0,4	0,5
Павинский	234,2	36,4	13,8	4,8	126,9	12,7	2,3	0,7
Вохомский	234,8	37,1	10,9	4,4	114,4	13,9	2,5	0,9
Островский	236,1	33,2	8,1	1,8	124,8	8,9	2,2	1,0
Пыщугский	236,5	40,3	14,0	2,7	110,8	6,7	0,9	1,4
Межевской	237,0	26,2	10,5	1,7	117,8	5,4	0,5	0,7
Нерехтский	240,3	34,2	8,1	5,2	107,6	7,4	1,1	0,9
г. Шарья	242,8	37,9	7,3	5,1	109,6	7,7	1,3	1,2

Муниципальные районы и городские округа	Мужчины				Женщины			
	От всех причин	От внешних причин	От самоубийств	От убийств	От всех причин	От внешних причин	От самоубийств	От убийств
Буйский	244,1	33,3	9,6	3,0	111,0	8,4	1,6	1,3
Макарьевский	246,2	37,1	10,5	4,4	111,6	9,8	1,0	2,6
Шарьинский	248,0	43,3	11,1	4,6	118,9	11,3	1,2	1,4
Нейский	250,3	32,2	8,1	3,2	114,6	9,6	0,9	1,3
г. Галич	250,3	35,2	7,2	3,7	112,3	5,4	0,2	0,9
Парфеньевский	250,7	39,7	9,4	4,3	120,2	8,4	2,1	1,1
Кадынский	251,2	31,9	8,2	4,6	120,8	6,6	0,5	1,2
Галичский	253,9	44,5	13,2	3,2	125,2	10,3	2,7	0,5
Октябрьский	256,2	48,8	15,0	6,2	111,8	10,3	2,7	1,5
г. Мантурово	259,2	37,0	9,5	3,5	112,9	9,9	0,6	1,0
г. Буй	261,4	33,3	8,1	4,1	112,4	5,2	0,7	0,6
Кологривский	265,2	33,5	8,7	2,8	129,3	6,4	0,8	0,5
Мантуровский	266,0	39,2	6,3	5,3	113,9	12,5	1,1	0,7
Солигаличский	270,2	37,8	9,0	2,0	122,5	8,0	1,2	0,8
Поназыревский	271,2	42,5	10,1	5,4	128,0	13,1	0,7	2,4
Сусанинский	273,9	28,4	6,0	2,3	133,7	7,8	1,1	1,2
Костромская область	233,8	31,3	6,6	2,8	110,2	7,2	0,8	0,7

период наблюдения в женском населении отмечены в Волгореченске и Чухломском районе, самый высокий – в Макарьевском районе. Превышение максимума значений над минимумом составляет 13 (!) раз.

Несомненно, география внешних причин смерти отражает географию столь распространенного в России явления, как неумеренное потребление содержащих алкоголь напитков. В бедных костромских селениях «Бухают деревенская молодежь почти каждый день, если есть деньги - покупают самую дешевую водку ("Старорусская"), иногда, когда уж денег очень много или когда кто-нибудь приезжает – берут пиво. Если денег нет вообще – бегут за фуфыриками. Это сейчас он /фуфырик/ стал завоевывать популярность во всей России, а пару лет назад он был известен только избранным жителям страны – автолюбителям, врачам-косметологам и жителям русской глубинки»⁵. «Фуфырик (мультишка, фунфырик, малой, "вкусняшка за семнашку") – пластиковая бутылка объемом 250 мл, внутри которой находится бесцветная жидкость либо для ванн, либо для того, чтобы у автомобилей стекла зимой не замерзали - Антилед - с содержанием этилового спирта от 80 до 96 градусов. Так же, кроме спирта, внутри находятся и другие ингредиенты – экстракт женьшеня, экстракт березовых почек, вода».

Нерешенность проблемы алкоголизации вполне реально угрожает выживанию малых городов и сельских сообществ не только в Костромской области, но в других областях на Севере России. Практически каждая экономическая программа, по мнению многих экспертов, сталкивается здесь с недостатком трудоспособных кадров. Это, как справедливо отмечал Н.Покровский, со всей остротой ставит вопрос о том, что местные кадры ни сейчас, ни в перспективе не могут обеспечить хозяйственную деятельность, соответствующую современным требованиям и стандартам. И потому экономика либо будет катастрофически свертываться, либо обеспечиваться миграционными кадрами [12].

⁵ Деревня Екатеринкино <http://ekaterinkino.narod.ru/Index.htm>

Население Костромской области сокращается уже более полувека. Но в 1990-х гг. процесс депопуляции усилился. В настоящее время Костромская область, как и ряд других старообжитых областей Центрального Федерального округа по темпам сокращения населения обгоняют большинство регионов Сибири и Дальнего Востока. В настоящее время в Костромской области каждое третье село осталось без жителей. Это намного больше, чем где-либо в России. «Тяжесть» демографической ситуации распределяется по территории Костромской области неравномерно. За этой неравномерностью стоит неоднородность социального и экономического положения муниципальных образований. К благополучным, по областным меркам, районам относятся Кострома, ее пригороды и городские округа, за исключением Мантурово. Наиболее сложная демографическая ситуация сложилась в большинстве сельских районов, где у жителей нет полноценной по содержанию и заработкам работы, процветает бедность, остановилось сельскохозяйственное производство и лесопромышленный комплекс. Здесь население сокращается особенно быстро: за последние восемь лет – на четверть.

Но в целом демографическая ситуация остается очень сложной во всей области. Позитивные изменения в смертности и здоровье населения происходят медленно. Продолжительность жизни мужского населения остается на африканском уровне. Для женщин, у которых продолжительность жизни на 13 лет выше, чем у мужчин, положение лучше только на первый взгляд. Аналогичные по величине показатели были достигнуты женщинами в развитых странах еще в конце 1960-х гг., в Российской Федерации – в середине 1980-х гг. Сильное гендерное неравенство перед лицом смерти является одной из главных причин существования большого числа неполных семей и одиноких женщин в средних и старших возрастах. Низкая индивидуальная ценность долголетней жизни проявляется в невнимании подавляющей части населения к собственному здоровью, массовой алкоголизации со всеми вытекающими последствиями, высоком уровне смертности от

внешних причин, ранней смертности от болезней системы кровообращения. Увеличение рождаемости последних лет происходит преимущественно за счет сельских муниципальных районов, выделяющихся бедностью населения и депрессивной социально-экономической обстановкой. На протяжении более полувека из области происходит устойчивый миграционный отток населения, который в последнее десятилетие усилился. Причем уезжает наиболее деятельная и молодая часть населения. Если современная демографическая ситуация радикально не изменится и перенесется в будущее, то в 2030 г. в Костромской области будет жить 500 тыс. человек, из которых более 30% составят люди в возрасте от 60 лет и старше.

Результаты изучения территориальной неоднородности демографического развития в Костромской области показывают, что современное изучение социально-демографических процессов, обоснование и практика реализации мер экономической политики и политики народонаселения должны основываться на данных, относящихся к муниципальным образованиям. Эти же данные говорят о том, что если в ближайшее время во многих районах Костромской и других областей России не произойдет изменений в демографии и условиях *жизни* населения, то они окажутся потерянными для экономики страны.

Литература

1. Белоруков Д. Деревни, села и города Костромского края. Кострома, 2000
2. Бондарская Г.А., Дарский Л.Е. Брачное состояние женщин и рождаемость. В кн.: Демографические процессы в СССР. 1990.
3. Денисенко М.Б. Вопросы изучения смертности и здоровья населения малых территорий. В кн.: Смертность населения: тенденции, методы изучения, прогнозы. Под. ред. М.Б.Денисенко, Г.Ш. Бахметовой – М.: МАКС Пресс, 2007.С. 148-175.
4. Денисенко М.Б., Калмыкова Н.М. Демография. М.: ИНФРА-М. 2007.

5. Итоги Всероссийской переписи 2002 г; Росстат Итоги Всероссийской переписи 2010 г. <http://www.gks.ru/>
6. Население России 2008. Шестнадцатый ежегодный демографический доклад. Под ред. Вишневого А.Г. М.: ГУ-ВШЭ, 2008
7. Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад. Под ред. Вишневого А.Г. М.: ГУ-ВШЭ, 2009
8. Население России за 100 лет (1897-1997). М., 1998. <http://www.gks.ru/>
9. Нефедова Т.Г. Село Медведево в интерьере своего района, области и России. В кн.: Российский Северный вектор. Под ред. проф. Покровского Н.Е. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2006
10. Нефедова Т.Г. Путешествие по костромской земле. В кн.: Российский Северный вектор. Под ред. проф. Покровского Н.Е. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2006
11. Покровский Н.Е (ред) Современный Российский Север. От клеточной глобализации к очаговой социальной структуре. М.: Сообщество профессиональных социологов. 2005
12. Покровский Н.Е (ред) Российский Северный вектор. Сообщество профессиональных социологов, 2006
13. Статистический ежегодник «Костромская область». Кострома, 2011.
14. Тебуев Дж.Б., Эдиев Д.М. Применение метода имитационного моделирования к сравнению эффективности методов построения таблиц дожития. В кн.: Смертность населения: тенденции, методы изучения, прогнозы. Под ред. Денисенко М.Б., Бахметовой Г.Ш. – М.: МАКС Пресс, 2007.С. 175-190.
15. Siegel J. Applied Demography: Applications to Business, Government, Law, and Public Policy. Washington D.C.: Academic Press 2002.
16. Sen A. Mortality as Indicator of Economic Success and Failure. UNICEF, Florence, 1995.
17. Swanson D., Pol L., Contemporary Development in Applied Demography within the United States. Working Papers, 2003.

Center for Population Studies, The University of Mississippi.
http://www.olemiss.edu/depts/population_studies/WorkingPapers.html

18. Wakefield J., Elliot P., Issues in the Statistical analysis of small area health data //Statistics of Medicine, 1999. Volume19: 2377-2399.

Данилова И.А.¹

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

Современная демографическая ситуация в России характеризуется значительной территориальной дифференциацией процессов воспроизводства и миграции и существенным различием основных социально-экономических и этнических факторов, их определяющих. Социально-демографические, экономико-географические, исторические условия развития регионов России отличаются большим многообразием, многие показатели, характеризующие региональное развитие, отличаются в разы. Значительная часть условий, влияющих на развитие территорий, например особенности экономико-географического положения, обеспеченность ресурсами, традиционные особенности труда и быта и т.д., являются исторически сложившимися и довольно устойчивыми. Другая часть может преобразовываться достаточно быстро, реагируя на изменение базовых факторов, воздействующих на региональные условия развития (государственная, социально-экономическая политика, региональная специфика осуществления социальной и миграционной политики и т.д.).

В «Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [12]² рассматриваются основные проблемы демографического развития России, ставятся задачи по преодолению кризисных, депопуляционных процессов в демографической сфере. Демографическая политика как важнейшая составная часть социальной политики государства, по замыслу авторов должна охватывать весь комплекс проблем: воспроизводственных и миграционных, улучшения качества жизни населения, формирования трудового потенциала страны и регионов.

¹ Данилова Ирина Андреевна - к.э.н., зав. сектором экономических проблем расселения, региональной демографии и экологии населения Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

² Демографическая политика Российской Федерации направлена на увеличение продолжительности жизни, сокращение уровня смертности населения, рост рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и укрепление здоровья населения и улучшения на этой основе демографической ситуации в стране.

В силу значительной территориальной дифференциации социально-демографических процессов в РФ при разработке и проведении в жизнь Концепции требуется региональная конкретизация с учетом особенностей развития каждого региона. Общегосударственные мероприятия социально-демографической политики должны дополняться мерами, принимаемыми на различных уровнях государственного управления. В этих целях разрабатываются региональные программы развития народонаселения. С точки зрения формирования и реализации социально-демографической и миграционной политики на федеральном и региональном уровнях необходима разработка как общероссийских, так и дифференцированных региональных программ, учитывающих особенности и специфику каждой территории.

В качестве подходов к формированию дифференцированной региональной демографической политики могут применяться различного рода типологии и классификации, учитывающие разнообразие демографической ситуации в регионах. Это позволит конкретизировать меры демографической политики с учетом особенностей каждой территории, разработать методологические рекомендации по анализу демографических процессов в регионах, включая определение влияния на них различных факторов, в том числе социальных, экономических, управленческих, институциональных и т.д.

Анализ изменений показателей демографического развития за последний межпереписной период позволяет выявить наиболее существенные изменения в демографической ситуации в России в целом и ее регионах, и произвести классификацию территорий на основе различий в воспроизводственных и миграционных процессах. Разумеется, любое районирование территории, типология, кластеры, группировки носят весьма условный характер, но они могут иметь весьма большое значение с точки зрения изучения наиболее характерных особенностей развития демографических процессов и разработки мер региональной демографической политики.

Приведем некоторые примеры районирования, типологии и классификации территории России и СНГ по социально-

демографическим характеристикам. Так, в ряде исследований [22,16], проведенных в 1980-1990-е гг., представлены варианты подходов к комплексному экономико-демографическому анализу областных регионов, предложен набор показателей и коэффициентов, характеризующих региональную специфику. В число основных показателей и характеристик, на основе которых проводятся типологии, как правило, включают динамику численности населения, показатели естественного и миграционного движения, возрастно-половые структуры, продолжительность жизни, уровень экономического развития, экономико-географическое положение, уровень урбанизированности, плотности населения и т.д.

Региональная типология демографической ситуации РФ на основе сочетания показателей естественного и миграционного движения, возрастных структур, этнического состава (преобладание русских или титульных народов), плотности и урбанизированности территории предложена в учебнике «Демография» под редакцией В.Г.Глушковой [6].

В недавно появившейся работе зарубежных исследователей [8] приведены классификации регионов постсоветского пространства, основанные на демографических и экономических характеристиках. Выделяются следующие кластеры: кластер 1 «Регионы, куда тянутся иммигранты»; кластер 2 «Регионы, где люди долго живут»; кластер 3 «Регионы, где население сокращается из-за низкой рождаемости и старения»; кластер 4 «Регионы, где люди покидают периферию»; кластер 5 «Регионы, где высокая рождаемость обеспечивает рост населения». В этой же работе выделяются 4 экономических кластера - «Двигатели роста», «Перспективные», «Рядовые», «Отстающие». К первым относятся регионы с высоким уровнем экономического развития и высоким уровнем занятости - экономически сильные Москва, ресурсодобывающие Тюменская и Сахалинская области. Группа «Перспективные» объединяет регионы, которые в расчете на ВВП и долю занятости имеют показатели выше средних и характеризуются высоким уровнем инвестиций в научные исследования и разработки. Сюда входят, прежде всего, европейские регионы

России, области с крупными региональными центрами, например Свердловская область с Екатеринбургом, а также и отдельные сибирские регионы с сильными научными и образовательными центрами – Новосибирск, Томск. Кластер «Рядовые» регионы включает наибольшее количество регионов и является, по мнению авторов доклада, своего рода «рядовым сценарием». Регионы этой группы не отличаются ни высоким уровнем ВВП, ни крупными инвестициями в перспективные сферы, имеют средний уровень занятости. Как отмечают эксперты, для привлечения иммигрантов у многих регионов попросту отсутствуют необходимые для этого предпосылки. Регионы, объединяемые в кластер «Отстающие», имеют наименьшие показатели ВВП, занятости населения. Сюда относится большинство кавказских регионов и несколько экономически отстающих субъектов Федерации. Демографические показатели большинства регионов имеют определенную устойчивость на протяжении относительно длительных интервалов времени (рождаемость, суммарный коэффициент рождаемости, среднее число детей, возрастные структуры, смертность, ожидаемая продолжительность жизни и т.д.). Вместе с тем во многих регионах демографические и миграционные показатели (особенно естественного и миграционного приростов, которые являются разностью между рождаемостью и смертностью, прибытием и выбытием) могут изменяться, хотя и незначительно, но достаточно быстро, в зависимости от сочетания факторов воздействия на них. Регионы, таким образом, могут менять свой ранг в ряду показателей и переходить из одной группы в другую даже за короткие промежутки времени.

В данной работе основное внимание уделяется региональным различиям в демографических характеристиках и их изменениям за последний межпереписной период (с выделением трех лет перед переписью 2010 г.). При значительной территориальной дифференциации общего прироста численности населения, естественного и миграционного движения в статье регионы России разбиваются на группы со следующими значениями показателей: «минимальные», «ниже среднего», «средние», «выше среднего», «высокие».

Показатели демографического развития регионов РФ

За межпереписной период 2002-2010 гг. население России сократилось на 2261,5 тысяч человек или 1,6% [3]. Региональный анализ динамики численности населения субъектов РФ свидетельствует о значительной дифференциации регионов по темпам роста или убыли населения. За тот же период в 63 субъектах РФ население сократилось. Наиболее заметное сокращение населения произошло в Магаданской области (-14%), Ингушетии, Коми, Кировской, Мурманской, Камчатском крае (более 10%); в Карелии, Костромской, Сахалинской, Курской, Новгородской, Архангельской областях население сократилось на 8-9%. Такое значительное сокращение численности населения регионов было обусловлено в разной степени, как естественной убылью населения, так и миграционным оттоком. В 20 субъектах РФ численность населения за этот период возросла. Наиболее значительное увеличение численности отмечается в регионах с высокой рождаемостью и центрах притяжения мигрантов - Дагестане (15,6%), Чеченской Республике (15%), Москве (11%), Карачаево-Черкесской Республике (8,9%), Московской области (7,2%), Ханты-Мансийском АО (6,9%).

Одним из наиболее важных показателей воспроизводства населения является суммарный коэффициент рождаемости, который характеризует среднее число рождений у одной женщины за всю ее жизнь при сохранении существующих уровней рождаемости. Суммарные коэффициенты выше 4,0 считаются высокими, меньше 2,15 – низкими. Суммарный коэффициент рождаемости – единственный демографический показатель, для которого существует нормативная величина, соответствующая простому замещению поколений – 2,1-2,2 [15,19,21]. По сравнению с общим коэффициентом рождаемости (числом родившихся за календарный год на 1000 среднегодовой численности населения) СКР имеет то преимущество, что его величина и динамика не зависят от влияния возрастных структур. В 1980-е гг. величина СКР составляла 2,007 - 2,194. В 1990-е гг. его значение заметно сократилось - с 1,892 в 1990 г. до 1,157 в 1999 г. В 2000-е гг. наблюдался некоторый рост показателя, причем показатели «всего населения» и «городское

население» увеличились более заметно - на 19%, а сельского на 16%. СКР в 2009 г. составляет 77% от величины показателей 1989 г. - всего населения и городского, и 72% сельского.

Региональные различия СКР имеют значительные колебания. Максимальные значения отмечаются в Чечне (3,376), Тыве, Алтае, Бурятии, Якутии, Ненецком и Чукотском АО (2,000-2,808). Минимальные значения – в Ленинградской области (1,185), Мордовии, Тамбовской, Тульской, Саратовской, Ульяновской областях (1,200-1,300). Для проведения классификации территории РФ можно условно выделить несколько групп регионов по значению данного показателя. Суммарный коэффициент рождаемости выше средней величины отмечается в Республиках Северного Кавказа, Республиках Тыва, Алтай, Бурятия, Хакасия, Калмыкия, Якутия, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО. Средние и близкие к средним по России показатели характерны для регионов Приволжского, Дальневосточного, Уральского и Сибирского федеральных округов. Ниже среднего и низкие показатели отмечаются в большинстве субъектов Северо-Западного и Центрального федеральных округов. Значение СКР от 1,3 до 1,4 в ЦФО имеют Тульская, Воронежская, Орловская, Белгородская, Ивановская, Калужская, Смоленская, Ярославская, Рязанская, Московская, Нижегородская области. В Северо-Западном ФО – Мурманская область, Республика Карелия. Таким образом, большинство регионов РФ имеют показатели СКР ниже среднего значения.

Начиная с 2000 года в РФ отмечается рост рождаемости. Но вместе с тем, достигнутый уровень пока еще недостаточен для обеспечения даже простого воспроизводства населения. На рождаемость среди общих причин (установки на малодетность) отрицательно влияют: низкий денежный доход многих семей, отсутствие нормальных жилищных условий, современная структура семьи, низкий уровень репродуктивного здоровья и т.д.[12]. Низкий уровень рождаемости ведет к демографическому старению населения, изменению возрастно-половых структур населения России в целом и большинства ее регионов.

Ожидаемая продолжительность жизни является одним из важнейших демографических показателей, с одной стороны, характеризующим процессы воспроизводства населения, сам уровень смертности, с другой - дающим возможность адекватного сопоставления показателей между любыми территориями [13,21,19]. Данный показатель во многом отражает социально-демографическое развитие страны, региона, позволяет определить положение той или иной демографической совокупности по отношению к другим с точки зрения состояния эпидемиологического перехода, уровня социально-экономического развития, качества жизни и т.д.[21]. В силу этого ожидаемая продолжительность жизни может рассматриваться в качестве одного из базовых индикаторов социально-экономического благополучия (или неблагополучия) населения региона, страны. Динамика ожидаемой продолжительности жизни в России в XX веке и результаты ее сравнения с зарубежными странами достаточно подробно представлены в работах отечественных специалистов [13,2,25,19]. До середины 1960-х гг. продолжительность жизни при рождении увеличивалась и достигла максимального значения в 1964 - 1965 гг. – 69,6 лет, в том числе, 64,6 – у мужчин и 73,3 – у женщин. В этот период Россия значительно сблизилась с развитыми странами, но затем отставание стало увеличиваться и к концу XX столетия стало примерно таким же, как и в начале [25]. За межпереписной период 1989-2002 гг. показатель снизился с 69,6 в 1989 г. до 65,0 в 2002 г. – т.е. на 4,6 года, в том числе у мужчин он сократился на 5,5 года, у женщин - на 2,6 года. Специалисты отмечают, что проблемы российской смертности к началу этого века носят многогранный характер [26]. Прежде всего, это крайне низкая продолжительность жизни, причем не только в сравнении с экономически развитыми странами, но и по сравнению с государствами с близкими к РФ уровнями экономического развития. По данным ежегодного Доклада ООН «О развитии человека» за 2004 г. Россия по уровню средней продолжительности жизни мужчин занимает 119 место (из 175), женщин – 85-е место [9]. В трудоспособных возрастах показатели убыли в 3-5 раз выше для мужчин и в 2 раза выше для женщин.

Разница в продолжительности жизни мужчин и женщин превышает 12 лет, для сравнения, в развитых странах различия составляют 4-7 лет.

Показатели ожидаемой продолжительности жизни в Российской Федерации имеют, как и большинство демографических характеристик, значительную региональную дифференциацию. При средней продолжительности жизни при рождении для всего населения в 68,7 лет, этот показатель варьирует от минимальных значений 58,2 – 60,0 лет в Чукотском АО и Республике Тыва, до максимальных величин свыше 70 и до 78 лет в республиках Северного Кавказа³. Минимальные и максимальные значения отличаются на 18- 20 лет. Наиболее низкие показатели ожидаемой продолжительности жизни всего населения (63-64) года отмечаются преимущественно в северных и восточных регионах - Еврейской АО, Магаданской, Амурской, Новгородской, Псковской, Сахалинской, областях, Забайкальском крае. Ниже средней величины по России (65-66 лет) - в регионах ДВФО, в областях ЦФО – Тверской, Смоленской, Владимирской, Тульской, Республиках Коми и Карелия.

Выше средней по России величины ожидаемой продолжительности жизни, кроме субъектов Южного федерального округа, можно отметить в Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком АО, Белгородской, Тюменской областях – территориях наибольшей миграционной активности. Почти треть субъектов РФ, в основном Уральского, Приволжского ФО имеют средние (68 лет) показатели.

Еще более значительные региональные различия имеет ожидаемая продолжительность предстоящей жизни мужского населения. Различия между минимальными значениями показателя (в Чукотском АО – 53,8 лет) и максимальными (75,0 лет – в Республике Ингушетия) составляют 22 года. Среди регионов с наименее благоприятными показателями ожидаемой продолжительности жизни мужского населения выделяются Республика Тыва (54,8), Еврейская АО (57,2), Новгородская, Псковская, Магаданская, Амурская, Тверская, Сахалинская,

³Высокие значения продолжительности жизни в республиках Северного Кавказа частично объясняется недостатками статистического учета

Смоленская области, Забайкальский край (57-58 лет). Наименьшие величины ожидаемой продолжительности жизни мужского населения отмечаются, главным образом, в северных и восточных регионах, депрессивных районах Центральной России. Ниже средних значения этого показателя в большинстве регионов Дальневосточного, Сибирского, Центрального и Северо-Западного федеральных округов, а также в республиках Алтай, Мари-Эл, Якутия, Пермском, Хабаровском краях.

Выше средних по РФ показатели ожидаемой продолжительности жизни при рождении у мужчин (64-65 лет) отмечаются в Краснодарском крае, Белгородской, Ростовской областях, Ставропольском и Краснодарском краях, Республике Татарстан, Ханты-Мансийском АО, Санкт-Петербурге. При средней ожидаемой продолжительности жизни женщин 74,7 лет разница между максимальными значениями в Республике Ингушетия (81,3 лет) и Чукотским АО, Республика Тыва (64,6 и 66,0 лет) составляет 15-17 лет. Более высокая продолжительность жизни женщин отмечается в регионах ЮФО, Москве, Санкт-Петербурге (75-77 лет). В регионах ДВФО, а также Псковской, Новгородской, Кемеровской, Тверской, Смоленской, Мурманской, Калининградской, Ивановской областях ожидаемая продолжительность жизни женщин ниже средней и составляет 71-73 года.

Региональные различия показателей ожидаемой продолжительности жизни среди городского и сельского населения имеют, также как и для всего населения, значительную дифференциацию. Показатели городского населения в среднем выше и составляют соответственно 69,4 лет для всего населения, 63,5 лет для мужчин, 75,1 лет для женщин. Заметно ниже показатели сельского населения : 66,7 лет для всего населения, 60,9 лет для мужчин, 73,4 лет для женщин. Можно отметить минимальные значения ожидаемой продолжительности жизни (45,8 лет) у сельского мужского населения Чукотского АО, максимальные (82,0 лет) у сельских женщин Ингушетии.

В целом, ранг большинства территорий – и субъектов РФ, и федеральных округов – сохраняется или меняется незначительно.

Так, Южный федеральный округ в течение 3 лет в ранжированном ряду показателей находится на 16-18 месте, Уральский – на 21-24, Дальневосточный – на 28-29, Сибирский – на 38-40, Приволжский – на 54-56, Северо-Западный – на 61-63, Центральный – на 64-68 местах. Помимо субъектов ЮФО ожидаемая продолжительность жизни при рождении превышает среднее значение показателя на территориях с наибольшей миграционной активностью и наивысшими показателями уровня жизни – в Москве, в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком АО, в Белгородской области.

Наименьшие показатели ожидаемой продолжительности жизни мужского населения отмечаются, главным образом, в северных и восточных регионах, депрессивных районах Центральной России. Специалисты отмечают, что потери продолжительности жизни российского населения определяются, с одной стороны, сравнительно низким уровнем экономического развития страны, с другой – не нацеленностью экономического развития на решение социальных проблем [26].

На демографические процессы, происходящие в стране в целом и отдельных регионах, важнейшее влияние оказывает возрастная структура населения, которая, в свою очередь, является результатом действующих ранее социально-демографических процессов – рождаемости, смертности, брачности, миграции, формирующихся под воздействием целого комплекса факторов – социально-экономических, этнических, демографических. Возрастная структура населения активно влияет на величину всех демографических показателей и процессов. Пол и возраст являются основными демографическими характеристиками человека, а половозрастная структура – одной из базовых характеристик населения [15]. Информация о распределении по полу и возрасту жителей государства, региона, того или иного административно-территориального образования необходима и должна быть востребована практически во всех сферах общественной жизни [21]. Вместе с тем, как отмечают специалисты, в нашей стране исследований, посвященных демографическим и социальным аспектам изменений возрастной структуры и ее региональной дифференциации явно недостаточно, в то время как

за рубежом исследования в области возрастного-полового состава и старения населения занимают одно из центральных мест в социальных науках [18]. Среди отечественных работ по данной проблематике можно назвать исследования Андреева Е.М., Дарского Л.Е., Харьковской Т.Л.[1], Денисенко М.Б., Калинин И.В. [10], Клупта М.А. [11], Миловидова А.С. [14], Сорокина А.А., Пирожкова С.И. [20] и т.д. [18].

В целом в РФ возрастная структура, как и показатели демографических процессов, на протяжении XX века значительно изменялись. Возросший в последние десятилетия интерес к половозрастной структуре населения связан с процессом демографического старения, с увеличением доли пожилых людей в общей численности населения [18]. Особое внимание при анализе возрастного-полового состава населения уделяется доле населения в возрасте 60 лет и старше – коэффициента старения или коэффициента демографической старости населения. В России, как и в большинстве стран, происходит постепенное старение населения - удельный вес лиц моложе трудоспособного возраста постепенно сокращается, доля людей старше трудоспособного возраста увеличивается.

По данным переписей населения 1939-2010 гг. доля детских возрастов в России сократилась с 38,8% в 1939 г. до 16,1% в 2010 г. Особенно значительным было сокращение доли детской возрастной группы за межпереписной период 1989-2002 гг. – на 5%. К 2002 г. удельный вес старших возрастов (20,7%) стал превышать удельный вес детской возрастной группы (18,6%). Доля старших возрастов увеличивалась в течение данного периода с 8,6% в 1939 г., 18,5% в 1989 г., 20,7% в 2002 г., до 21,6% в 2010 г. Как отмечают эксперты [25], в ближайшее время страну ожидает резкое сокращение численности населения в трудоспособном возрасте. Снижение численности населения в рабочем возрасте будет сопровождаться падением его доли во всем населении и увеличением демографической нагрузки – числа лиц в дорабочем и послерабочем возрастах на 1000 лиц трудоспособного возраста.

За последний межпереписной период продолжилось сокращение доли детского населения (с 18,6 до 16,1%) и

возрастание доли лиц в старших возрастах (с 20,7 до 21,7%). В Российской Федерации возрастно-половая структура населения, как и большинство демографических показателей, имеет существенную региональную дифференциацию. Сокращение численности большинства регионов страны сопровождается изменением возрастной структуры – сокращением доли детей и возрастанием доли пожилых людей в общей численности населения [18]. Анализ возрастной структуры по регионам России свидетельствует о значительной территориальной дифференциации - крайние значения доли населения младше и старше трудоспособного возраста различаются почти в 3 раза. Доля населения трудоспособного возраста (при средней величине в России 62,3%) имеет максимальное значение в северных и восточных регионах - в Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском АО, Тюменской, Мурманской, Магаданской областях, Камчатском крае, Республике Коми (66-70%). Наименьшая доля населения в трудоспособных возрастах отмечается в регионах Северного Кавказа, Центральной России (58-59%). Примерно в половине субъектов РФ доля населения в трудоспособных возрастах близка средней. При средней доли детских возрастов в населении России 16,1% разница между максимальными величинами (33% в Республике Дагестан) и минимальными (12,9% в Санкт-Петербурге) составляет 20%. Наиболее низкие показатели доли детских возрастов наблюдаются по данным переписи 2010 г. в Санкт-Петербурге (12,9%), Москве (13%), Ленинградской, Тульской, Воронежской, Рязанской, Ивановской, Московской, Смоленской, Пензенской областях (13-14%), в большинстве регионов Центрального и Северо-Западного федеральных округов. Наиболее высок удельный вес детей в населении Чеченской республики (33,1%), в республиках Тыва (29,2%), Ингушетия (28,1%), Дагестан (25,5%), Алтай (24,3%), Якутия (23,3%), Бурятия (21%), Калмыкия (20,8%), Ненецком, Ямало-Ненецком, Ханты-Мансийском АО (20-21%). Более трети территорий имеют близкие к средним по РФ показатели удельного веса детских возрастов в численности населения.

Доля населения старше трудоспособного возраста при среднем значении по России в 21,6% колеблется от максимальных

значений в 26-27% (Тульская, Рязанская, Тамбовская области) до минимальных величин 8,6-14% (в республиках Чечня, Ингушетия, Тыва, Дагестан, Якутия, Алтай, в Ямало-Ненецком, Ненецком, Ханты-Мансийском автономных округах). Старая возрастная структура отмечается в Воронежской, Тверской, Псковской, Ивановской Пензенской, Ярославской, Новгородской областях. В большинстве регионов Центрального и Северо-Западного федеральных округов доля пожилого населения выше среднего значения по РФ.

Дифференциация возрастной структуры населения по регионам Российской Федерации обусловлена различиями в воспроизводственных процессах и миграционной ситуацией в предшествующие периоды. Большое, а часто и определяющее влияние на формирование возрастной структуры страны, региона оказывает этническая составляющая. Этнические различия в демографических процессах являются одним из основных факторов, объясняющих различия половозрастного состава народов России. Среди исследований, посвященных изучению возрастных структур народов России можно назвать ряд работ [7,18], в которых рассматривается этническая дифференциация возрастных структур населения России. Главным фактором, определяющим этническую дифференциацию показателей возрастной структуры народов России, является рождаемость, в отдельных случаях существенное воздействие на характер изменения возрастного состава национальностей оказывали миграционные процессы и ассимиляция.

За межпереписной период 2002-2010 гг. естественная убыль населения России составила 4734,3 тыс. человек. Естественный прирост или естественная убыль региона, страны являются результатом разности между числом родившихся и умерших в расчетный период. Естественный прирост в России имел положительные значения до 1992 г., с которого началась естественная убыль и сокращение численности населения России (1991 г.). Наиболее значительная естественная убыль отмечалась в начале 2000-х гг. Положительный естественный прирост за 2007-2009 гг. отмечался на значительно меньшей территории РФ – при

некоторых ежегодных колебаниях в 20-22 субъектах. Среди них можно выделить группы регионов с сокращением населения за счет миграционного оттока, который поглощает и превышает естественный прирост, территории с возрастанием населения, где миграционный отток не превышает естественный прирост, и территории с положительными значениями миграционного прироста.

Показатели естественного движения в Российской Федерации, соответственно, как и его составляющие (рождаемость и смертность), имеют значительную региональную дифференциацию. В последний межпереписной период и 3 года перед переписью 2010 г. минимальные значения естественного прироста (естественная убыль) отмечались в Псковской, Тульской, Новгородской, Тверской, Новгородской, Ивановской, Смоленской, Рязанской, Ленинградской областях. Эти территории ежегодно находятся в десятке регионов с самыми низкими показателями. При среднем значении показателя естественной убыли в РФ в 2007-2009 гг. минус 1,8 – минус 3,3‰, в данных регионах отрицательный естественный прирост составлял минус 8 – минус 12‰. Максимальные значения естественного прироста в эти годы отмечаются в национальных республиках Северного Кавказа (самые высокие в Чеченской республике - 22-24‰, Республике Ингушетия - 13-15‰, Республике Дагестан – 11-12‰), в Республике Тыва – 12-14‰, Ямало-Ненецком АО – 8-9‰, Ханты-Мансийском АО – 8-9‰, Республике Алтай – 7-9‰, Республике Саха (Якутия) – 6-7‰, Тюменской области – 5-7‰. Ежегодно данные территории находятся в десятке регионов с самыми высокими показателями естественного прироста.

Миграционный прирост (отток) населения РФ. В целом за последний межпереписной период Россия за счет внешней миграции имела миграционный прирост, который составил +2472,8 тыс. человек. Ежегодный миграционный прирост населения составлял от 90 до 270 тысяч человек (или от 6,4 человек на 10000 жителей в 2003 г.) до 18 человек в 2007-2010 гг. Сальдо миграции городского населения все годы было устойчиво положительным и колебалось в пределах 127-280 тыс. человек или 14-25 человек на

10000 жителей. Сельское население имело весь период миграционный отток. Отрицательное сальдо колебалось от – 3 до – 35 тыс. человек или -0,7-8 человек на тысячу жителей.

За 3 года до переписи ежегодный прирост составлял около 250 тыс. человек или 18,1-18,3 человек на 10000 тысяч жителей. Миграционные процессы имели, как и в предыдущий период, значительную региональную дифференциацию. Различия между максимальными и минимальными значениями сальдо миграций составляли более 300 человек на 10000 жителей. Около 40 регионов РФ имеют ежегодный устойчивый отток населения, из них порядка двух десятков регионов имеют отрицательное сальдо миграции от - 20 до - 100 человек на 10000. Ранг субъектов России в ранжированном ряду показателей миграционного прироста (оттока) менялся не столь значительно. Наибольший ежегодный отток населения отмечался в регионах с наиболее неблагоприятными природно-климатическими и социально-экономическими условиями. В Чукотском АО (-200), Магаданской области (90-140), республиках Калмыкия (70-100), Коми (60-90), Якутии (50-78), Тыва (40-60), Мурманской, Сахалинской, Архангельской областях (40-60), Камчатском крае (40-60) ежегодный миграционный отток составлял довольно значительную величину. Заметная миграционная убыль от 20 до 40 человек на 10000 жителей (в ранжированном ряду их число составляет ежегодно 10-15 субъектов) отмечалась в регионах Дальневосточного округа, северных районах, а также в трудоизбыточных регионах Северного Кавказа.

Следует отметить, что более чем в 30 регионах с миграционным оттоком значительно сокращается общая численность населения, в том числе примерно в 20 регионах ежегодное сокращение численности происходит за счет значительного миграционного оттока и естественной убыли населения. Наиболее внушительное сокращение численности населения за счет миграционной убыли на фоне отрицательного естественного прироста происходит в Магаданской, Мурманской, Амурской, Архангельской, Курганской, Сахалинской, Кировской, Псковской областях, Республиках Коми, Мордовия.

Более 40 регионов имели в последние годы положительное сальдо миграции. Максимальная величина миграционного прироста отмечается в Московской области - 110-120 человек на 10 тысяч среднегодового населения, Ленинградской, Белгородской областях, Краснодарском крае (50-80 человек), Центральном федеральном округе.

Группировки регионов РФ по показателям демографического развития [4]

Наиболее эффективной формой проведения демографической политики являются региональные программы демографического развития, направленные на выявление ключевых проблем воспроизводства населения в регионе и определение наиболее важных направлений решения задач демографического развития [23]. Одним из предварительных этапов формирования региональных программ развития населения является комплексный подход к исследованию особенностей демографического развития регионов, выявление влияния различных факторов на воспроизводственные и миграционные процессы, систематизация и разработка типологии территории по показателям социально-демографических процессов. С точки зрения социально-экономического и демографического развития наибольшую озабоченность вызывают регионы, в которых естественная убыль населения происходит на фоне значительных миграционных потерь. В таблице в приложении эти территории представлены в блоке «регионы с естественной убылью, миграционным оттоком, сокращением численности населения». В эту группу входит часть территорий с неблагоприятными природно-климатическими и социально-экономическими условиями, низкими темпами социально-экономического роста, низкими или средними показателями рождаемости, суммарного коэффициента рождаемости. Наиболее значительное сокращение населения происходит в северных и восточных регионах страны. Максимальное сокращение численности населения за счет максимального миграционного оттока отмечается в Магаданской области. За счет значительного миграционного оттока при средних

по РФ показателях естественной убыли сокращается население Мурманской, Сахалинской, Амурской, Архангельской областей. Заметное сокращение численности населения за счет естественной убыли и высокого или среднего миграционного оттока отмечается в Псковской, Кировской, Костромской, Курганской, Ульяновской областях, Республике Мордовия. Все эти территории отличаются невысокой рождаемостью (коэффициенты средние или ниже средней величины) и высоким или средним уровнем смертности, более низкой продолжительностью жизни. В результате устойчивого превышения смертности над рождаемостью в этой группе регионов отмечается естественная убыль населения, показатели естественного прироста имеют устойчивые отрицательные значения.

Социально-демографическая политика в этих регионах должна быть направлена на преодоление депопуляции и, кроме общероссийских программ демографической политики, включать комплекс мер, направленный на улучшение демографической ситуации, повышение рождаемости, рост среднетных семей, помощь семьям, имеющим детей, снижение смертности, улучшение качества жизни населения, развитие социальной сферы, улучшение системы здравоохранения и т.д.

Миграционная политика должна быть дифференцирована в зависимости от конкретных условий. Меры социально-экономической и миграционной политики должны быть направлены, во-первых, на сокращение оттока населения, привлечение и формирование постоянного населения путем развития экономики и социально-экономической сферы, создания рабочих мест и т.д. Во-вторых, в силу высоких производственных расходов, неблагоприятных условий труда и жизни, отсутствия достойных льгот и надбавок, компенсирующих комплекс неблагоприятных условий, меры миграционной политики могут быть направлены на развитие различных форм временной миграции.

Следующая группа территорий – «регионы с сокращением населения за счет естественной убыли при миграционном приросте населения». К ним можно отнести большинство регионов центра,

восточных и северных территорий. Большая часть этих регионов принадлежит к территориям со средним уровнем развития. Показатели естественного прироста во всех регионах данной группы имеют отрицательные значения, значительно ниже средних, и хотя миграционный прирост в большинстве областей довольно значителен и выше среднего по РФ, он не возмещает естественной убыли, в результате чего численность населения имеет устойчивую тенденцию к сокращению.

Значительны показатели естественной убыли (-5-11%) в Тульской, Курской, Новгородской, Орловской, Тверской, Тамбовской, Ярославской, Рязанской, Калужской, Брянской, Воронежской, Липецкой, Пензенской областях. Большая часть этих регионов имеет значительный приток мигрантов – Калужская, Ярославская, Тульская, Тверская. Для всех данных регионов характерна низкая рождаемость и старение населения. Суммарные коэффициенты рождаемости средние и ниже средней величины, показатели рождаемости в большинстве регионов ниже среднего уровня. В то же время все эти регионы характеризует высокая смертность и средние или ниже среднего показатели ожидаемой продолжительности жизни.

Демографическая политика в данных регионах также кроме мер общегосударственной демографической политики должна включать меры, разрабатываемые для регионов с неблагоприятной демографической ситуацией, направленные на улучшение воспроизводственных процессов. В области миграционной политики с учетом привлекательности данных регионов для мигрантов, в том числе из ближнего и дальнего зарубежья, должны разрабатываться региональные миграционные программы, учитывающие потребности регионов в трудовых ресурсах, вопросы адаптации и интеграции иммигрантов, обеспечение социальных услуг.

Численность населения сокращается и в ряде регионов, имеющих естественный прирост населения. «Регионы с естественным приростом, миграционным оттоком и сокращением численности» - по соотношению показателей динамики численности, миграции и естественного движения в эту группу

вошли регионы: 1. с неблагоприятными природно-климатическими условиями (Чукотский АО, Камчатский край, Забайкальский край, Якутия), которые имеют довольно устойчивый естественный прирост и значительный миграционный отток; 2. Республики Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия-Алания – с заметным естественным приростом и значительной миграционной убылью. Естественный прирост населения в Республике Саха (Якутия), в Калмыкии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии-Алании, Чукотском АО устойчиво положительный. Вместе с тем миграционные потери в большинстве регионов данной группы значительны и приводят к сокращению населения. Наиболее значительный миграционный отток происходит из Чукотского АО, Карачаево-Черкесии, Калмыкии, Якутии, Северной Осетии-Алании. Меры демографической и миграционной политики в этих регионах могут существенно различаться и включать меры, направленные на улучшение демографической ситуации, разрабатываемые для районов с высокой рождаемостью, и меры, разрабатываемые для регионов с миграционным оттоком. В регионах с высокой рождаемостью должен осуществляться комплекс мер, направленных на поддержку и помощь семей с детьми, что требует значительного улучшения социально-экономической ситуации, развитие социальной сферы, улучшение системы здравоохранения и образования, особенно актуальными для данных регионов являются проблемы снижения детской смертности, оптимизации рождаемости. Миграционный отток из этих регионов свидетельствует о неблагоприятной обстановке с точки зрения возможности трудоустройства и обеспечения подрастающих поколений достойными местами в социально-экономической жизни. Меры социально-демографической и миграционной политики должны учитывать стремление части населения, особенно молодежи, выехать из данных регионов, для чего необходимо обращать внимание на качественное развитие и подготовку потенциальных мигрантов – образование, знание языка, развитие системы профессионального образования.

На фоне общего сокращения населения большинства регионов России в ряде регионов РФ численность населения имеет

устойчивые тенденции роста. К группе регионов «с естественным приростом, миграционным притоком и увеличением численности» относятся в основном территории интенсивного хозяйственного освоения, имеющие значительный приток мигрантов – Тюменская область, Ханты-Мансийский АО, Хакасия, Республика Алтай, а также Астраханская область и Ингушетия. Ханты-Мансийский АО, Республика Алтай, Тюменская области имеют довольно устойчивый рост населения и в результате естественного прироста (5-9%), и за счет миграции. Астраханская область при небольшом естественном приросте имеет довольно высокий миграционный прирост. Ингушетия при устойчивом высоком естественном приросте имеет в последние годы заметный приток мигрантов. Большинство регионов этой группы за счет более высокой численности молодых возрастов в структуре населения имеют высокие и выше средних показатели рождаемости и суммарного коэффициента рождаемости и более низкие или средние показатели смертности.

Демографическая и миграционная политика в этой группе регионов должна включать меры, направленные на поддержку семей с детьми, развитие и улучшение системы здравоохранения и образования, профессиональную подготовку кадров, создание рабочих мест и улучшение условий труда. С точки зрения социально-экономического и демографического развития в регионах с миграционным притоком должны учитываться потребности и возможности приема и обустройства мигрантов, миграционная политика должна включать меры по социально-экономической интеграции и адаптации мигрантов, закрепления прибывшего населения и т.д.

Рост численности населения отмечается и в группе «регионы с естественным приростом, миграционным оттоком, увеличением численности». Наиболее значительный естественный прирост отмечается в Чечне, Дагестане, Республике Тыва, Ямало-Ненецком АО (8-14%), который значительно превышает отрицательное сальдо миграции, в результате чего численность населения возрастает. Миграционная убыль наиболее значительна для Тывы (-40-60), Бурятии (-28-16), Кабардино-Балкарии, Дагестана. В эту группу входят территории с высокими (самыми

высокими в РФ) показателями рождаемости, суммарного коэффициента рождаемости (Чеченская Республика, Республика Дагестан, Тыва, Бурятия, Ямало-Ненецкий АО), низкими показателями смертности и высокими или средними показателями ожидаемой продолжительности жизни (кроме Тывы). Значительная часть территорий этой группы, особенно республики Кавказа, относятся к регионам с традиционно высокой рождаемостью, традиционным образом жизни. Несмотря на более благоприятные демографические показатели, регионы Северного Кавказа отличаются большими проблемами в социально-экономической сфере, политической нестабильностью, безработицей, низким уровнем образования. Направления демографической политики в данных регионах должны включать меры, направленные на создание условий для семей с детьми, развитие социальной сферы, создание и развитие системы подготовки кадров, образования, в том числе профессионального, для подрастающей молодежи, создание рабочих мест. Поскольку миграция из этих регионов в ближайшей перспективе будет продолжаться, необходимо в числе мер миграционной политики учитывать образовательную и профессиональную подготовку, знание языка и т.д.

Следующая группа территорий – «регионы с естественной убылью, миграционным притоком, увеличением численности населения». Население регионов этой группы увеличивает свою численность за счет положительного миграционного прироста, заметно превышающего естественную убыль. Наиболее значительные показатели естественной убыли отмечаются в Московской и Ленинградской областях (-5-9%), Санкт-Петербурге, Белгородской, Калининградской областях. Большинство регионов имеют средние или низкие показатели суммарного коэффициента рождаемости, средние показатели смертности и ожидаемой продолжительности жизни. Рост или стабилизация численности в этих регионах происходит за счет высоких показателей миграционного прироста. В Московской, Ленинградской, Белгородской, Калининградской областях, в Москве и Санкт-Петербурге, Краснодарском крае его значение составляет 40-120. На фоне остальных территорий России регионы данной группы

отличаются более высоким экономическим развитием, преимуществами в экономико-географическом положении, широкими возможностями трудоустройства, развитием социальной сферы и т.д. Наиболее значительный миграционный прирост, сопровождающийся отрицательным естественным приростом, имеют Московская и Ленинградская области и обе столицы. С точки зрения формирования дифференцированных мер миграционной политики для регионов с высокой миграционной прибылью и крайне неблагоприятными тенденциями демографического развития можно выделить два основных направления: 1. меры, направленные на преодоление негативных тенденций в демографических процессах, которые являются общими для территорий с депопуляцией; 2. формирование мер социально-демографической и миграционной политики с учетом значительного и часто бесконтрольного притока мигрантов, нелегальной миграции, проблем, сопровождающих иммиграционные процессы.

Даже весьма краткая характеристика показателей воспроизводственных и миграционных процессов и их соотношения в каждом регионе свидетельствуют о многообразном их проявлении и разной результативности. Значительная территориальная дифференциация социально-демографических, экономических, миграционных показателей на большей части территории РФ, по всей видимости, и в ближайшем будущем сохранится. Поэтому при проведении демографической политики, выявлении и решении задач демографического развития страны, наиболее пристальное внимание должно уделяться разработке и реализации региональных демографических программ.

Литература

1. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харьковская Т.Л. Демографическая история России: 1927-1959. М., 1998.
2. Борисов В.А.. Демографическая ситуация в современной России. В сб. статей «Демографические исследования. Отв. редактор А.И. Антонов. М., 2009.

3. Всероссийская перепись населения 2010 года. Предварительные итоги. Москва ИИЦ «Статистика России» 2011. с. 6-19.
4. Данилова И.А. Территориальная дифференциация воспроизводственных и миграционных процессов в России // Региональная демографическая политика. // «Демографические исследования» Под ред. В.В. Елизарова, Н.Г. Джанаевой. Выпуск 20. М. МАКС Пресс. 2012. с. 95-110.
5. Демографические процессы в СССР. М., 1990.
6. Демография. Учебное пособие. Под редакцией В.Г. Глушковой. М., 2006. с.254-256.
7. Денисенко М.Б., Хараева О.А. Возрастная структура народов РСФСР, 1959-1989 гг. // В сборнике «Население и кризисы», выпуск 10, М., МАКС-Пресс. 2004 г. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т.3.кн.1. М., РОССПЭН. 2005.
8. Доклад Берлинского института народонаселения и развития. - <http://www.online812.ru/2011/04/13/025/>
9. Доклад о развитии человека за 2004 г. Н.-Й., 2004.
10. Калинин И.В. Возрастная структура населения СССР. М., 1975.
11. Клупт М.А. Экономическое измерение демографической динамики. Л., 1990.
12. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351).
13. Медков В.М. Демография. Учебник. М., 2009 г. с. 421-427.
14. Миловидов А.С. Изменение в структуре экономической жизни мужчин и женщин в России и СССР., М., 1987.
15. Народонаселение. Энциклопедический словарь. М., «Большая Российская энциклопедия» 1994. с.199.
16. Население и кризисы. Выпуск 4. (Территориальное размещение населения). // Под ред. Б.С. Хорева, И.А. Даниловой, Л.В. Иванковой. М., 1998.
17. Население России в XX веке. Исторические очерки. Т.3. кн.1. М., РОССПЭН. 2005.

18. Население России на рубеже XX-XXI веков. Проблемы и перспективы. Под редакцией В.А. Ионцева, А.А. Саградова. М., 2002.
19. Основы демографии. Учебное пособие. Н.В. Зверева, В.В. Елизаров, И.Н. Веселкова. М., 2004. с. 120.
20. Пирожков С.И. Демографические процессы и возрастная структура населения. М., 1976.
21. Практическая демография. Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Рыбаковский Л.Л., Рязанцев С.В. Под редакцией Л.Л. Рыбаковского. М., 2005. с. 16-20, с. 122-146.
22. Проблемы расселения в СССР (Социально-демографический анализ сети поселений и задачи управления). Под ред. Б.С. Хорева. М., 1980.
23. Региональная демографическая политика/»Демографические исследования». Выпуск 20. Под ред. В.В.Елизарова, Н.Г. Джанаевой. М, МАКС Пресс, 2012.
24. Региональные и этнические особенности демографического развития России и СССР. // В сб.: Население и кризисы. Выпуск 10. Под ред. И.А.Даниловой, М.Б. Денисенко. М., МАКС-Пресс, 2004
25. Россия перед лицом демографических вызовов. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. 2008. Под ред. А.Г. Вишневого, С.Н. Бобылева. М., 2009. с. 22 - 79.
26. Рыбаковский Л.Л.. Программа действий по улучшению демографической ситуации. М., 2006
27. Симагин Ю.А. Территориальная организация населения и хозяйства. М., 2006.

Приложение

Группировки регионов РФ по показателям демографических процессов

Регионы	Доля городского населения(%) в общей численности населения	Доля региона в территории	Изменение численности (%) 2007-2009	Изменение численности (%) 2002-2010	Коэффициент естественного прироста (‰) 2007-2009	Коэффициент мигр. прироста на 10000 чел. 2007-2009	СКР 2009	ОПЖ 2009	Доля молодежи трудоспособного возраста (%) 2009	Доля старше трудоспособного возраста (%),2009	ВРП на душу населения, тыс. руб. 2009
РФ	73,08	100	-0,22	-1,6	-2,5	18,2	1,537	68,67	16,1	21,6	226
<i>Регионы с сокращением численности, миграционным оттоком и естественной убылью</i>											
Магаданская	95,58	2,7	-4,73	-14,1	-2,1	-125,8	1,505	64,06	17	16,4	296,9
Псковская	67,98	0,32	-3,50	-11,5	-11,1	-6,9	1,403	64,52	14,3	25,6	107,7
Смоленская	71,85	0,29	-2,82	-6,1	-9,3	0	1,387	65,55	14,1	24,2	129,1
Кировская	72,27	0,7	-2,52	-10,8	-5,7	-27,4	1,454	67,92	15	23,1	103,9
Тамбовская	58,05	0,2	-2,51	-7,3	-8,4	-2,7	1,278	68,78	14,1	26	122,3
Республика Мордовия	60,67	0,15	-2,48	-6,1	-6,1	-22,5	1,269	69,06	14,3	23,2	111,9

Республика Коми	76,04	2,44	-2,46	-11,5	-0,6	-75,5	1,49	66,54	17,5	16,4	315,7
Мурманская	91,21	0,85	-2,33	-10,8	-1,3	-67,2	1,349	67,19	15,8	16,8	240,3
Курганская	56,93	0,42	-2,27	-10,7	-3,7	-38,1	1,613	67,38	16,4	23	114,2
Архангельская	73,75	3,45	-2,03	-8,1	-2,5	-42,6	1,529	67,62	16,6	20,6	256,7
Костромская	68,63	0,35	-1,99	-9,4	-6,4	-2,3	1,524	67,17	15,3	23,5	114
Сахалинская	78,27	0,51	-1,92	-8,9	-2,3	-43,8	1,512	64,83	16,8	18,7	785,2
Ульяновская	72,99	0,22	-1,74	-6,6	-5,3	-5,8	1,344	68,75	14,4	23,1	117,2
Амурская	65,18	2,12	-1,60	-8,2	-1,8	-35,7	1,556	64,41	18	18,2	175,9
Республика Марий Эл	63,51	0,14	-1,27	-4,4	-2,8	-11,6	1,542	67,08	16,5	19,7	98,4
Алтайский край	53,41	0,98	-1,27	-7,2	-2,7	-15,9	1,507	68,52	16,2	21,6	107,3
Приморский край	75,39	0,96	-1,20	-5,5	-2,9	-11,6	1,468	66,72	15,7	20,6	185,2
Волгоградская	75,49	0,66	-1,15	-3,3	-3,4	-4,3	1,446	69,49	15,3	23,7	145,5
Пермский край	74,2	0,94	-1,10	-6,5	-2,6	-10,4	1,614	66,56	17,3	20,6	201,3
Омская	69,3	0,83	-0,69	-4,9	-1,9	-3,6	1,492	68,72	16,3	20,2	167
Оренбургская	57,39	0,72	-0,61	-6,7	-1,6	-3,7	1,635	67,86	17	20,2	196,3
<i>Регионы с сокращением численности за счет естественной убыли при миграционном приросте</i>											
Тульская	79,89	0,15	-2,53	-7,3	-11,1	25,1	1,309	66,69	13,3	27,4	138,1
Новгородская	69,76	0,32	-2,44	-8,7	-9,6	9,3	1,45	64,47	14,9	25	182,6
Тверская	74,53	0,49	-2,16	-8	-9,8	24,3	1,49	65,3	14,7	25,7	145

Владимирская	77,73	0,17	-1,99	-5,2	-8	12,3	1,432	66,23	14,5	24,9	131,3
Ивановская	80,74	0,13	-1,93	-7,5	-8,7	20,1	1,382	66,72	14	25,4	156,3
Брянская	68,62	0,2	-1,90	-7,3	-6,7	2,6	1,43	67,86	15,2	23,7	97,4
Курская	64,74	0,18	-1,88	-8,8	-7,4	10,8	1,44	68,06	14,9	24,6	140,2
Орловская	64,29	0,14	-1,81	-8,5	-7	13,1	1,363	68,68	14,7	24,7	110,1
Рязанская	70,25	0,23	-1,79	-6	-8,6	26	1,396	67,69	13,8	26,8	132,3
Нижегородская	79,03	0,45	-1,69	-6,1	-7,5	18,3	1,397	67,06	14,5	24,4	163,8
Пензенская	66,7	0,25	-1,65	-4,6	-6	5,3	1,366	69,38	14,1	25,2	109,6
Воронежская	63,54	0,31	-1,44	-1,8	-7,7	29,1	1,363	68,94	13,8	25,8	133,5
Липецкая	64,27	0,14	-1,36	-3,4	-6,2	16,7	1,444	68,44	14,8	24,5	195,1
Республика Карелия	76,45	1,06	-1,30	-9,9	-4,8	4,4	1,394	66,56	15,7	21,1	154,9
Саратовская	74,23	0,59	-1,16	-5,5	-4,7	7,4	1,33	69,1	14,8	23,5	127,4
Вологодская	69,05	0,85	-1,14	-5,3	-4,1	3,2	1,542	67,27	16,1	21,9	175
Ростовская	66,91	0,59	-1,08	-2,8	-4,3	6,2	1,358	69,54	14,9	23,8	131,3
Ярославская	81,84	0,21	-1,06	-6,9	-6,8	32	1,394	68,59	14,3	25,2	162,6
Калужская	76,27	0,17	-0,69	-2,9	-6,8	43,1	1,383	67,56	14,4	24,6	80,3
Чувашская Республика	58,03	0,11	-0,62	-4,7	-2,2	2	1,526	68,98	16,6	20,3	109,1
Еврейская АО	68,1	0,21	-0,54	-7,5	-1,7	5,8	1,534	63,34	18,2	18,1	136,8

Хабаровский край	80,46	4,61	-0,36	-6,4	-1,8	6,3	1,487	68,33	16,1	19,5	196,3
Самарская	80,59	0,31	-0,25	-0,7	-3,9	30,7	1,415	68,2	15	22,8	182,6
Челябинская	81,28	0,52	-0,23	-3,5	-2,2	14,5	1,568	68,26	16,4	21,8	160,9
РФ	73,08	100	-0,22	-1,6	-2,5	18,2	1,537	68,67	16,1	21,6	226
Кемеровская	84,93	0,56	-0,18	-4,4	-3,5	27,9	1,6	65,37	16,8	20,8	181,6
Свердловская	83,43	1,14	-0,14	-4,2	-2,3	19,2	1,546	68,39	15,9	21,9	187,5
Красноярский край	75,87	13,84	0,00	-4,6	-0,7	6,9	1,536	67,63	17	18,9	258,8
<i>Регионы с сокращением населения за счет миграционного оттока при естественном приросте</i>											
Чукотский АО	66,38	2,22	-2,00	-6,1	2,7	-153,5	2,009	58,22	18,2	18,1	925,4
Камчатский край	79,09	2,72	-1,44	-10,3	0,2	-49	1,502	66,06	16,7	16,3	278,8
Республика Калмыкия	44,6	0,44	-1,39	-1	4,1	-88,6	1,89	68,61	20,8	15,8	84,3
Карачаево- Черкесская Республика	43,4	0,08	-0,47	8,9	3,6	-48,7	1,749	71,54	19,5	18,6	90,3
Забайкальский край	63,9	2,53	-0,45	-4,2	1,4	-29,4	1,842	64,67	20,7	16,3	132,8
Иркутская	78,8	4,53	-0,44	-5,9	0,7	-21,3	1,768	65,45	18,9	18,6	181,9
Республика Саха (Якутия)	65,54	18,03	-0,11	1	6,5	-67,1	2	66,45	23,3	12,6	347,2
Республика Северная Осетия- Алания	64,38	0,05	0,00	0,4	2,7	-30,3	1,842	71,93	18,7	21	92,9

<i>Регионы с увеличением численности населения за счет естественного и миграционного приростов</i>											
Республика Ингушетия	43,11	0,02	4,87	-11,6	14,5	13,2	1,973	78,31	28,1	9	36,4
Ханты-Мансийский АО- Югра	91,54	3,13	3,43	6,9	8,5	26,1	1,773	70,45	19,8	10,5	
Республика Алтай	26,58	0,54	2,93	1,6	8,2	2,9	2,362	65,82	24,3	14,1	94,6
Тюменская	78,12	0,94	2,54	4	6	23,9	1,751	69,49	19,2	13,2	849,2
Астраханская	65,78	0,29	1,31	0,5	0,3	40,7	1,71	68,31	18	19,3	131,4
Республика Хакассия	68,19	0,36	0,37	-2,5	0,9	7,2	1,752	67,25	18,2	18,9	155,7
<i>Регионы с увеличением численности за счет естественного прироста при миграционном оттоке</i>											
Чеченская Республика	36,42	0,09	7,09	15	23,7	-7,9	3,376	73,22	33,1	8,6	51,1
Республика Тыва	51,51	0,99	2,59	0,8	13,6	-55,3	2,808	60,04	29,2	9,6	85,3
Республика Дагестан	42,36	0,29	2,93	15,6	12	-23,1	1,959	73,98	25,5	11,4	97,3
Ямало-Ненецкий ао	84,92	4,5	1,30	3,1	9,2	-43,1	1,799	71,3	21	8,8	
Кабардино-Балкарская Республика	55,99	0,07	0,34	-4,6	4	-30,4	1,506	72,08	18,9	16,7	74,4
Республика Бурятия	56,55	2,05	0,31	-0,9	3,6	-23,7	2	65,27	21	16,3	129,5

<i>Регионы с увеличением численности за счет миграционного прироста при естественной убыли</i>											
Московская	80,85	0,27	1,61	7,2	-6	113,4	1,397	68,21	14,1	23,6	227,3
г. Москва	100	0,01	1,15	10,9	-1,4	52,1	1,414	73,61	13	23,9	679,3
Краснодарский край	52,49	0,44	1,18	2	-2,1	60,3	1,568	70,66	16,2	23,3	166,5
Белгородская область	66,53	0,16	1,06	1,4	-3,9	74,6	1,374	71,07	14,8	23,5	199,2
Томская	69,3	1,84	0,97	0	-0,2	35,9	1,408	68,06	16,2	18,6	232,9
г. Санкт-Петербург	100	0,01	0,63	4	-4,1	62,2	1,396	71,19	12,9	25,5	320,9
Республика Татарстан	75,03	0,4	0,48	0,2	-1,2	28,3	1,514	70,82	16,6	21	234,3
Республика Адыгея	52,72	0,05	0,45	-1,5	-2,2	36,8	1,573	69,97	17	22,6	93,5
Республика Башкортостан	59,91	0,84	0,37	-0,8	-0,2	14,3	1,692	69,01	18	19,6	158,9
Новосибирская	75,69	1,04	0,34	-1	-2,2	33	1,539	68,94	15,7	21,7	160,3
Ставропольский край	56,97	0,39	0,37	1,9	-1,5	26,7	1,433	70,28	16,5	21,5	102,4
Калининградская	76,4	0,09	0,11	-1,4	-3,9	40,5	1,457	67,67	15	21,4	181,2
Ленинградская	66,35	0,49	-0,55	2,6	-9	72,8	1,185	66,73	13,2	24,1	260,7

Источник: Демографические ежегодники России 2007, 2008, 2009, 2010 гг., Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011

Козлов В.А.¹, Герасимова В.Ю.²
ОТНОШЕНИЕ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ К МОЛОДЕЖИ В
УСЛОВИЯХ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Проблема старения населения и ее последствия

В настоящее время последствия необратимого процесса старения населения, охватившего развитые и многие развивающиеся страны мира, представляют одну из важнейших глобальных проблем. По данным ООН в 2009 на Земле около 11% населения находится в возрасте старше 60 лет, а к 2050 году доля пожилого населения достигнет 22% (для развитых стран показатель составит 33%³). В то же время увеличится и глубина старения – среди шестидесятилетних увеличится с 14 до 20% доля людей в возрасте 80 лет и старше.

К 2050 году возрастные пирамиды в развитых странах будут иметь (за исключением самых старших возрастов) практически прямоугольный вид, где все возрастные группы практически сравняются по количеству представителей, начиная от категории детей, заканчивая категорией пожилых людей в возрасте до 75 лет (Рис.1).

Несколько иной картиной будет представлена возрастная пирамида в мире, где из-за процесса демографической инерции в развивающихся⁴ странах число рожденных (несмотря на снижение суммарных коэффициентов рождаемости) по-прежнему будет оставаться достаточно высокими. Возрастная пирамида мира из классического треугольника приобретет форму купола с высоким числом как молодого (в развивающихся), так и относительно пожилого (в развитых странах) населения (Рис. 2).

¹ Козлов Владимир Александрович – к.э.н., доцент кафедры демографии НИУ ВШЭ.

² Герасимова Вероника Юрьевна – аспирантка кафедры демографии НИУ ВШЭ

³ Рекордсменами по данным показателям в настоящий момент являются Япония, Италия, Германия. Табл. 1.

⁴ Разделение согласно классификации ООН. В дальнейшем в работе согласно аналогичной классификации происходит подразделение развивающихся стран на развивающиеся и наименее развитые. Авторы понимают, что к 2050 г., вероятно, часть развивающихся стран присоединится к развитым.

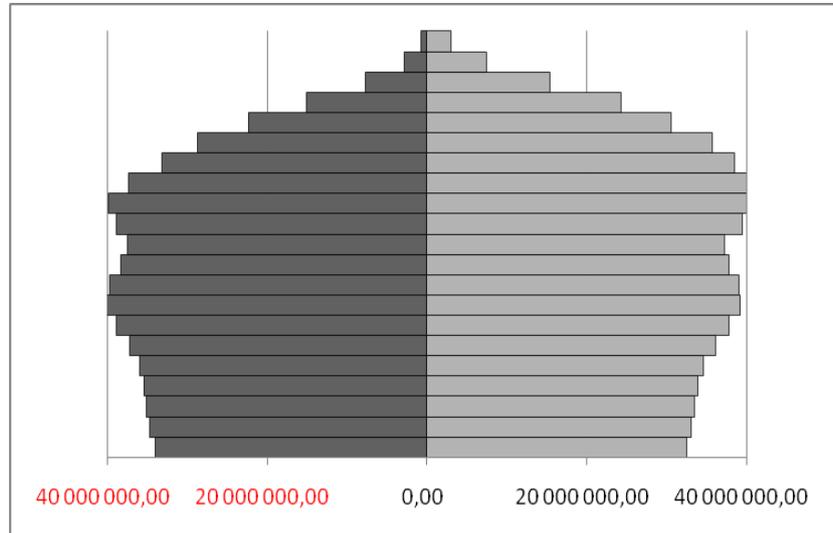

Рис. 1. Демографическая пирамида в развитых странах, 2050 (абсолютные значения, млн) (составлено и скорректировано авторами по материалам [47]).

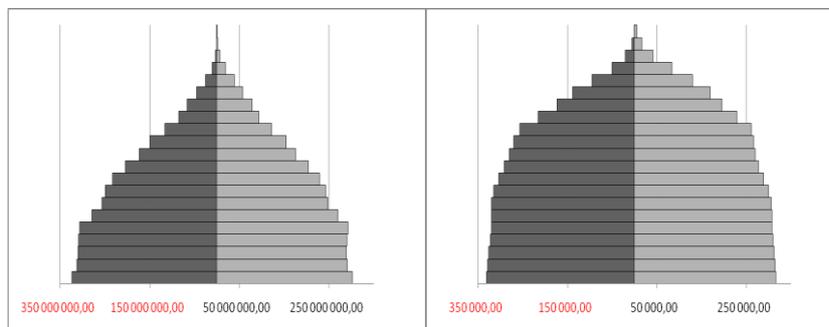

Рис. 2. Демографические пирамиды мира, 2010 – слева и 2050 – справа (абсолютные значения, млн) (составлено и скорректировано авторами по материалам [47]).

Стоит заметить, что в нынешних локомотивах мирового экономического роста – развивающихся густонаселенных восточноазиатских странах – процесс старения населения из-за быстрого снижения рождаемости и роста продолжительности жизни

будет происходить быстрее по сравнению со всем миром (Табл. 1). В итоге к 2050 году в возрасте 60 лет и старше будет находиться 41% населения Южной Кореи, 40% населения Сингапура, 31% - Китая, 25% - Индонезии. В Индии показатель составит 20%, в Бразилии – 29%, а в России произойдет рост с 18% (2009 г.) до 32% (2050 г.).

Таблица 1
Показатели старения населения (сравнение европейских и азиатских стран)

	Доля населения в возрасте 60 лет и старше, %		Доля 80-летних в старших возрастах, %	
	2009	2050	2009	2050
Европа	22	34	19	28
Италия	26	39	22	34
Германия	26	40	19	36
Франция	23	33	24	35
Азия	10	24	11	18
Ю.Корея	15	41	12	31
Сингапур	15	40	13	37
Китай	12	31	12	23
Индонезия	9	25	8	16
Япония	30	44	20	35

Составлено и скорректировано авторами по материалам [39]

Таким образом, к 2050 году подавляющее большинство пожилых – почти 80% (показатель за 2009 год – 64%) [39] сконцентрируется в развивающихся странах, во многих из которых, даже переживающих впечатляющие темпы экономического роста, не сформированы пенсионные системы и в процессе формирования находятся адекватные современным вызовам общедоступные системы здравоохранения.

Возрастная пирамида развивающихся (без учета наименее развитых) стран мира, в настоящее время все ещё похожая на возрастные структуры традиционного общества, через 40 лет будет мало чем отличаться от пирамид развитых стран (Рис. 3).

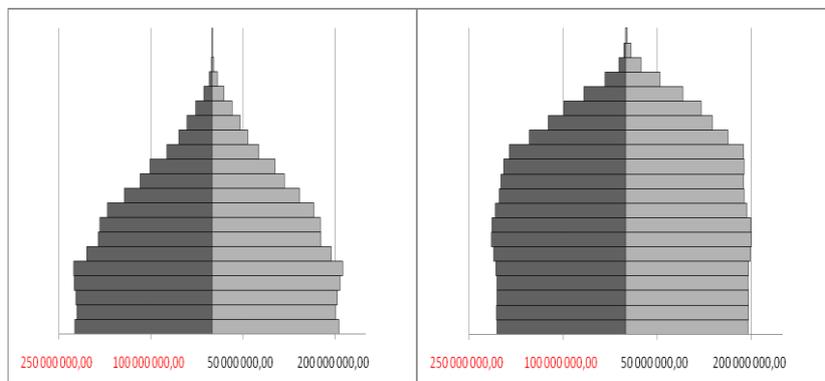

Рис. 3. Демографические пирамиды развивающихся стран, 2010 – слева и 2050 – справа (абсолютные значения, млн.) (составлено и скорректировано авторами по материалам [47]).

Очевидным последствием старения населения является изменение баланса между возрастными группами и представителями различных поколений. В настоящий момент в развитых странах, а к 2050 г. и в ряде развивающихся, самой малочисленной категорией становятся дети. Кроме того, в условиях роста продолжительности жизни и низкой рождаемости численность не только детей, но и молодежи до 30 лет в самое ближайшее время может примерно сравняться с численностью пожилых. Изменение в количестве повлечет за собой изменение в качестве отношений между представителями различных возрастных групп. Систему таких отношений часто называют социальным контрактом, под которым понимают комплекс писанных и неписанных норм, ожиданий и обязательств, регулирующих отношения между поколениями и между возрастными группами [13]. В ходе фундаментальных социально-экономических изменений, к числу которых относится и современное глобальное старение населения, подобные контракты пересматриваются. Подобные изменения от традиционной семьи, когда низкая продолжительность жизни была одним из факторов дешевизны содержания стариков, а также ранней передачи наследства детям, до

современного общества с кризисом пенсионной системы подробно описаны в работе М.Б. Денисенко «Тихая революция» [2].

Стоит заметить, что в сложившихся условиях существующие социальные (в первую очередь пенсионные) системы не способствуют эффективному перераспределению доходов внутри общества и могут, наоборот, усилить межпоколенческие конфликты. Так, например, небогатые молодые люди в Европе вряд ли согласятся с предоставлением высоких пенсий по старости с 60 лет, в то время как доля стариков составляет 22%, а их ожидаемая продолжительность жизни в данном возрасте – 18 лет (для мужчин) и 23 года (для женщин). В то же время пожилые люди Европы тоже не настроены на повышение пенсионного возраста (после 60 занято 18% мужчин и 10% женщин, в то время как в мире - 40% и 20%, а в наименее развитых странах, где уровень здоровья стариков куда ниже европейского – 67% и 41% соответственно) [39]. Повышение пенсионного возраста наряду с экономией бюджетных средств может усилить конфликты поколений на рынке труда: в 2011 году безработица среди молодых людей в ЕС составляла 21,4% (практически доходя до 50% в Греции и Испании)⁵ – в то же время законодательное увеличение пенсионного возраста с высокой вероятностью приводит к закреплению мест за старшими работниками ещё на несколько лет и ещё большему росту безработицы среди молодежи. Высокие социальные расходы стран ЕС почти на 40% состоят из выплат по старости (для сравнения 8% - на семью и детей и 5,1% - в связи с безработицей) [9].

Однако если в рамках общества солидарности поколений достичь трудно, то в рамках отдельных семей такое явление вполне возможно. Более того, в большинстве случаев в выигрыше оказываются уже не старшие, а малочисленные младшие поколения. С другой стороны, помимо изменения экономического баланса между поколениями, которое выравнивается трансфертами, вместе

⁵ Под молодежью понимается население в возрасте 15-24 года. Во многом величина данного показателя объясняется тем, что многие молодые люди исключены из состава рабочей силы, так как учатся на дневных отделениях университетов, а в ряде стран в школах. Тем не менее, при использовании в знаменателе всего населения, получается показатель 9 %, растущий с 2008 года.

со старением населения увеличивается и доля в нем хронически больных и инвалидов. В этих условиях традиционная помощь старшему поколению внутри семьи — эмоциональная, инструментальная и финансовая — чрезвычайно важна [5].

В настоящее время даже с учетом увеличения возраста матери при рождении ребенка число связей между поколениями и число членов семьи, проживающих одновременно, существенно увеличилось. Так, например, если для родившихся в 1900 году к возрасту 30 лет только 21% имели в живых по меньшей мере одного из родственников старшего возраста (бабушек/дедушек), то для родившихся в 2000 году к возрасту 30 лет - 76% [10]. Таким образом, можно заключить, что отношения внутри поколений в рамках семьи и даже целого общества начинают играть если не основную, то очень важную роль.

По мнению ряда исследователей (подробный обзор литературы сторонников и оппонентов данного подхода приведен в работе Синявской, Гладниковой [5]), в рамках современной городской нуклеарной семьи прежде сильные межсемейные и межпоколенные отношения утратили свое значение. Действительно, в последние десятилетия существенно увеличилась доля одиноко проживающих стариков (в развитых странах отдельно проживает 13% мужчин и 32% женщин пожилого возраста, а в Северной Европе - 22% и 44% соответственно) [34], чему способствуют и демографические (увеличение прослойки малодетных семей и бездетных людей), и социально-экономические факторы (улучшение здоровья, финансового положения, уровня образования) [2].

С другой стороны, ряд эмпирических исследований [33] показывают, что интенсивность контакта между родителями и взрослыми детьми даже в условиях отдельного проживания высока. Так, в Италии дети встречаются с отдельно проживающими родителями (от 65 лет и старше) как минимум раз в неделю. Чуть ниже частота контактов во Франции и Финляндии [2, 5].

В России многопоколенные, расширенные семьи распространены больше, чем в странах Северной и Западной Европы, однако большинство семей все-таки является нуклеарными

(с детьми или без детей). Согласно Всероссийской переписи населения 2002 года 81,4% домохозяйств состоят из одного взрослого или супружеской пары с детьми или без детей до 18 лет. Тем не менее, частота и интенсивность контактов между поколениями очень высока. По данным РИДМИЖ около 22% живут хотя бы с одним из родителей; почти 3/4 респондентов, оба родителя которых живы, не живут вместе хотя бы с одним из них, но контактируют с ними; только более 4% не включены ни в личные встречи, ни в обмен денежными ресурсами с родителями, хотя они имеют с ними другие контакты, например, созваниваются или списываются [5].

Следовательно, старение населения сопровождается изменением межпоколенческого баланса и перераспределением межпоколенческих трансфертов как в семье, так и в обществе. В связи с этим возникает множество вопросов. Например, на уровне семьи интересно знать, нуждаются ли пожилые в особом уходе и внимании со стороны более молодых членов семьи, есть ли необходимость регулярного общения между пожилыми людьми, их детьми и внуками. Кроме того, на уровне общества важно определить, какой характер носят взаимоотношения между молодым и пожилым поколениями и какие факторы откладывают особый отпечаток на характер этих взаимоотношений.

Исследовательский вопрос

Принимая во внимание неготовность многих развивающихся обществ, в том числе российского, к последствиям старения населения, увеличивается вероятность сложностей и конфликтных ситуаций внутри поколений. Усугубляет данную проблему и сдвиг во времени многих демографических событий в жизни человека, что увеличивает интервал между молодыми и пожилыми и может снижать степень взаимопонимания между поколениями.

В рамках данной аналитической работы авторы более подробно остановятся на оценке субъективного благополучия пожилых и их отношении к представителям молодых поколений в

зависимости от наличия молодых родственников, частоты и глубины их общения, совместного (раздельного) проживания.

Несмотря на очевидность данной проблемы и необходимость ее внимательного изучения, на сегодняшний день ей посвящено не так много исследований в рамках российского научного сообщества, в то время как на западе ее стали изучать еще в начале 1950-х гг.

Семья и субъективное счастье

О роли семьи в индустриальном обществе и жизни каждого человека писали Парсонс и Бейлс [37] в своей классической работе 1955 года. Ученые отмечали особую важность эмоциональных связей, порождаемых семьей, и имеющих гораздо большее значение для общества, чем необходимость технических знаний. При этом наиболее успешной формой семьи, по мнению исследователей, является простая нуклеарная семья⁶. Причина заключается в том, что расширенный тип семьи сталкивается с такими сложностями, как неравенство прав внутри семьи, большая профессиональная необходимость в географических и межфирменных перемещениях.

Позиция Бенгстона [14] по данному вопросу звучала противоположным образом: только расширенный тип семьи способен выжить в современном обществе, на что есть несколько причин. Во-первых, более высокая продолжительность жизни теперь способствует формированию трех- и даже четырехпоколенных семей. Во-вторых, согласно проведенным лонгитудным исследованиям, в трехпоколенных семьях чувства привязанности, взаимной солидарности, обмена взаимными услугами, гораздо сильнее, чем в нуклеарных. Несколько позже французские исследователи Аттиас-Донфут и Арбер на примере трехпоколенных семей подтвердили более тесные отношения внутри них по отношению к нуклеарным [11].

⁶ Правда, по мнению Парсонса и Бейлса, что совпадает с позиций многих исследователей 1950-х гг., важным условием успеха является наличие одного кормильца в семье. В настоящий момент в современных условиях наличие одного кормильца не является необходимым и достаточным условием поддержания как экономического благосостояния, так и эмоциональных связей на высоком уровне.

Основываясь на многолетнем опыте работы с пожилыми и проведенных интервью с клиентами, доктор Заль⁷ утверждал, что при слабом взаимодействии с семьей у пожилых людей наблюдается ослабление эмоциональных связей, изоляция, чувство отдаленности и одиночества. Исследователь отмечает, что депрессивность в пожилом возрасте может быть вызвана многими причинами, в числе которых формирование определенного склада мышления и рассуждений, в результате которого пожилые становятся менее терпимыми, более ранимыми. В условиях роста в связи с увеличением продолжительности жизни, повышением возраста рождения детей, числа представителей поколения «сэндвич»⁸ («sandwich generation») все больше людей оказываются перед выбором: совместное проживание с пожилыми родителями или оказание помощи и поддержки, но при раздельном проживании.

Заль отмечает, что для сохранения эмоционального здоровья, а следовательно, и высокого уровня субъективного благополучия у стариков, молодым родственникам необязательно жить с пожилыми людьми, так как поддержание теплых родственных связей вполне возможно и при раздельном проживании [45].

Об особой значимости общения между бабушками и дедушками и внуками писали российские исследователи Шапиро В.Д., Краснова О.В., Семенова В.В, Туманова Е. Н., Ермилова И. С.. Так, Краснова О.В. [3] выделяет несколько типов бабушек в зависимости от частоты и близости контактов с внуками: активный, формальный и далекий. Причем, Краснова отмечает зависимость типов бабушек от возраста. Скорее всего, именно активные бабушки будут получать большее счастье от общения с внуками, особенно на близкие темы. Однако данная теория применима в

⁷ Заль сочетал теорию с практикой, он долгое время работал профессором клинической психологии Департамента Психиатрии Колледжа в области Остеопатической Медицины штата Филадельфия.

⁸ Люди, находящиеся в том возрасте, в котором их дети еще не достигли возраста самостоятельности, а их родители уже в том возрасте, в котором они нуждаются в физической, моральной и материальной поддержке. При этом распределение «помощи» зависит не только от возраста, но и от пола, часто к «sandwich generation» относят только женщин.

первую очередь к малолетним внукам, в то время как нас в данной работе интересуют молодые родственники.

В контексте всех вышеперечисленных теорий необходимо рассмотреть влияние совместного проживания с молодыми родственниками (разграничить детей и внуков не представляется целесообразным, так как количество детей до 30 лет у респондентов старше 70 лет будет невелико) на субъективное счастье пожилых людей.

Для этого сформулируем и проверим гипотезу, соответствующую утверждению Заля. **Гипотеза 1. Показатель субъективного счастья пожилых возрастает при возможности тесно общаться с молодыми родственниками (от 15 до 30 лет) безотносительно их совместного проживания в домохозяйстве.**

В поддержку данной гипотезы также можно предположить, что пожилые люди в этом случае могут выступать ретрансляторами культурных ценностей и опыта предыдущих поколений и, в случае положительного восприятия молодыми людьми этих знаний, ценностей и опыта, они ощущают себя еще более востребованными и нужными, а следовательно, счастливыми [4]

Важно заметить, что работ по изменению субъективного счастья с возрастом в настоящий момент насчитывается довольно много.

С одной стороны, растущие проблемы со здоровьем, потеря социальных связей (в том числе и в связи со смертью друзей и знакомых) ведет к тому, что с возрастом субъективное восприятие жизни ухудшается [22]. С другой стороны, с возрастом может приходиться понимать собственную значимость и осознание совершенных в жизни поступков, что в общем приводит к повышению показателя субъективного счастья [24]. Более точные эмпирические исследования показали, что влияние возраста на показатели счастья может быть:

- негативным [40],
- позитивным [17],
- незначимым [18],
- U-образным, с минимальным уровнем между 30 и 40 годами [35],

- в форме перевернутого U, с максимальным уровнем между 55-60 годами [44].

Иногда к данным исследованиям прибавляются закономерности, объясняющие влияние различных поколений на субъективное счастье. Особенно в контексте исследований поколений baby-boomer`ов в Европе и США, которые во многом вкусили основные достижения XX века и не испытали основных потрясений (войны, великая депрессия). Они первые стали выходить на пенсию, сохранив здоровье и накопления, поэтому процесс старения у них происходит иным образом [34].

В то же время ряд исследователей считают, что, несмотря на уникальную комбинацию роста богатства, возможностей для досуга и потребления, ощущение счастья среди данных когорт не будет высоким:

- за счет роста риска и субъективной опасности [23].
- за счет перехода от легко удовлетворяемых ценностей к ценностям «постматериализма», среди которых такие проблемы, как экология, политика и человеческие отношения [40].
- за счет усиления конкуренции в более многочисленных поколениях за рабочие места и места в образовательных учреждениях [19].

Эмпирический анализ поколения baby-boomer`ов в США показал меньшие показатели субъективного счастья среди них [44].

С другой стороны, лучшие социально-экономические условия, в котором родились и выросли данные когорты, должны способствовать повышению счастья с возрастом [19, 21].

Пек [38] писал о восприятии пожилыми себя сквозь призму профессиональных достижений, которые к моменту наступления пенсионного возраста остаются позади, ощущения неизбежного ухудшения здоровья и старения тела. Кроме того, отдельным пунктом и Пек, и многие другие исследователи, выделяют страх перед неизбежной смертью. Хасин Г.А. называет наступление старости "заключительным этапом жизни" [7]. Левинсон же [31; 32], соглашаясь с Пеком, также писал о роли пожилого человека в семье, подчеркивая, что находясь в преклонном возрасте, пожилой

человек вынужден заново учиться социальным ролям. Теперь у него совершенно другая социальная роль – роль пенсионера, и он вынужден с ней смириться, уступить лидерство детям, перейти на «второй» план. Этот процесс Левинсон обозначает метафоричным термином «взгляд с моста».

В данной работе мы склоняемся к тому, что убывание счастья с возрастом действительно связано с концепцией изменения социальных ролей. Особенно тяжело переносят старение люди, чей социальный статус (образование, доход) всегда был невысоким (для образования) или резко снижается (для дохода). Однако в условиях регулярного и теплого общения с другими членами семьи старики осознают себя нужными и не потерянными для общества. Стоит заметить, что и в рамках категории 70 лет и старше возраст может играть существенную роль, поэтому должен быть включен в модель.

Общение и отношения между поколениями

Важным исследовательским вопросом для нас также является и взаимоотношение между поколениями. Мы рассмотрим отношение пожилых людей к молодым.

Существует достаточное число различных теорий относительно разницы оценок и восприятий молодых и пожилых людей.

В основу гипотезы о разнице в восприятиях можно также положить теории перспектив и теории об эйджизме (ageism). Стоит заметить, что в рамках данных теорий в первую очередь эмпирически рассматривалось отношение молодых людей к пожилым, а не наоборот, как в нашем случае. Тем не менее, допустим, что закономерности работают как в ту, так и в другую стороны.

Согласно теории эйджизма [16]⁹ восприятие противоположных поколений друг другом невозможно по той же причине, что и восприятие противоположного пола и других рас.

⁹ В настоящий момент теория развита исследователями, представляющими различные направления социальных и естественных наук, см. например работы Kite или Nelson [28].

Теорию перспектив в свою очередь можно разделить на нескольких видов. Так, Шнайдер и Майне [41] являются сторонниками теории функциональной перспективы. В основе теории лежит предположение, что стереотипы помогают молодым людям отрицать возможность принадлежности в будущем к группе пожилых и, соответственно, обладанию всеми признаками, которые они присваивают пожилым (как правило, негативных признаков: плохое здоровье, неспособность ухаживать за собой). Эдвардс и Ветслер [20] утверждали, что молодые люди видят в пожилых потенциальную угрозу - беспокойство, вызванное факторами, сопутствующими старению (немошь, слабость, возможная физическая несостоятельность). Именно это беспокойство перед немощью и смертью и заставляют относиться молодых к пожилым как к потенциальной угрозе.

Тем не менее, данные страхи могут быть порождением, в первую очередь, незнанием проблем пожилых людей. С противоположной стороны, можно утверждать, что негативное отношение стариков к молодежи порождается по этой же самой причине. Соответственно, если представители противоположных поколений могут общаться друг с другом в рамках семьи, значит, они в большей степени осведомлены о проблемах друг друга и будут относиться друг к другу лучше и дружелюбнее. Эдвардс и Вестлер считали, что восприятие пожилых как угрозы преодолевается и беспокойство молодых снижается, если молодые люди изначально воспринимают себя как часть одной группы с пожилыми, к которой они в будущем присоединятся.

Также при принятии бабушками участия в процессе воспитания и обучения взрослых внуков [3,4] вероятно повышение статуса молодежи в целом в их глазах.

Положительное восприятие пожилыми людьми молодых, оценка их как «дружелюбных», ощущение счастья от совместного с ними проживания может формироваться в случае положительного опыта общения пожилых людей с представителями молодого поколения.

В связи с данным предположением справедливым видится следующая гипотеза

Гипотеза 2. При регулярной возможности обсуждать вопросы личного характера с молодыми членами семьи старики в целом лучше относятся ко всем молодым. При этом совместное или раздельное проживание в домохозяйстве не оказывает влияния на отношение.

Интересным в рамках обеих сформулированных гипотез представляется проверка позитивного влияния на показатели субъективного счастья и отношения между поколениями уровня образования стариков и проживания их в сельской местности

Согласно утверждению Семеновой [4], пожилые образованные (имеющие высшее образование) прародители в процессе воспитания внуков выполняют не просто функцию «няни», но и передают культурный и семейный капитал, который впоследствии влияет на уровень образования внуков.

Кинг и Элдер [27] выводили особую связь между прародителями и внуками, утверждая, что в сельской местности эта связь гораздо сильнее, чем в городской среде. Это можно объяснить тем, что контакт между молодым и пожилым поколениями не сводится лишь к периодическим встречам и визитам. Прародители здесь могут выступать полноценными участниками воспитательного процесса младшего поколения.

Проверка гипотез

Основной базой данных для текущей работы послужили результаты международного Европейского социального исследования (4-ая волна, 2008 г.), далее ESS-4¹⁰. Выбор Европы в качестве региона для исследования объясняется высокой долей пожилого населения, а также длительностью процесса старения населения в регионе. Таким образом, представляется возможным использование богатого европейского опыта в других странах.

¹⁰ Международное обследование, охватившее в 2008 году 29 стран Европы. Проводится каждые 2 года. Выборка целевая, совокупное число опрошенных в выборке 56 752, стандартная ошибка выборки для разных стран составляет от +/-3.4 до 4,6 %.

Описание моделей

Для оценки наших гипотез используется линейная регрессия с оценкой коэффициентов методом наименьших квадратов. Так как в обследовании включены 29 европейских стран с разными уровнями социально-экономического развития и культурными особенностями, необходимо зафиксировать страновые эффекты¹¹. В результате мы используем модели линейных регрессий с фиксированными эффектами. Тем не менее, ниже мы рассмотрим, изменяется ли знак и значимость коэффициентов при интересующих нас переменных для стран Западной и Восточной Европы.

В модель включены респонденты в возрасте 70 лет и старше, подобный критерий был приведен в ESS-4 для определения границы пожилого возраста¹². Смещение границы старости к возрасту 70 лет (в отличие от используемых ООН 60 и 65) говорит о значительных улучшениях в здравоохранении и социально-экономическом развитии Европы.

Модель 1 (проверка 1 гипотезы).

Зависимая переменная: «субъективное счастье». Оценка респондентом параметров собственного счастья по шкале от 0 до 10 по возрастанию.

Объясняющие переменные:

1. «Общение». Частота общения с друзьями, родственниками и коллегами, по возрастающей шкале от 1 до 7. Данная переменная показывает, насколько субъективное счастье в пожилом возрасте зависит от общения, причем не только с родственниками.
2. «Нет родственников». Отсутствие детей или внуков и прочих родственников в возрасте 15-30 лет. - Фиктивная переменная (0 или 1).

¹¹ По большому счету, мы создаем фиктивные переменные для всех, включенных в выборку стран.

¹² Когда подобный блок вопросов использовался в WVS (6 волна 2011-12 гг.), в котором присутствуют страны мира, находящиеся на различных этапах социально-экономического развития; для менее развитых стран применялся возраст старости - 60 лет.

3. «Есть родственники». Наличие любых родственников в возрасте 15-30 лет, проживающих в одном домохозяйстве с респондентами. - Фиктивная переменная.
4. «Недоверие». Вопросы личного характера, которые можно обсуждать с детьми и др. родственниками 15-30 лет, по шкале от 1 (практически все) до 6 (практически никаких).
5. «Личные вопросы. Совместное». Возможность обсуждать большинство личных вопросов с детьми и др. родственниками в возрасте 15-30 лет при условии их совместного проживания в домохозяйстве. - Фиктивная переменная.
6. «Личные вопросы. Раздельное». Возможность обсуждать большинство личных вопросов с детьми и др. родственниками в возрасте 15-30 лет при условии их раздельного проживания. - Фиктивная переменная.

Контрольные переменные:

Отдельного рассмотрения для обеих гипотез заслуживают показатели образования и проживания в городе.

- «Религиозность». Насколько респондент религиозен по самоопределению, измеряется по шкале от 0 до 10.
- «Образование». Измеряется по шкале от 1 до 5 (от отсутствия среднего до высшего).
- «Нездоровье». Субъективное восприятие здоровья, измеряется по обратной шкале от 1 до 5 (от очень хорошего к очень плохому).
- «Доход»¹³. Удовлетворенность доходом семьи, измеряется по обратной шкале от 1 до 4 (от «хватает на комфортное проживание» до «не хватает на жизнь»)
- «Возраст». Возраст респондента

Остальные контрольные переменные фиктивные:

- «Партнер». Проживание с партнером (безотносительно регистрации брака)

¹³ Интересная для рассмотрения переменная, которая может оказывать противоположный эффект на показатель счастья. Так парадокс Истерлина [19] указывает на снижение уровня счастья с ростом благосостояния, а исследования Винховена [42] говорят о прямой зависимости, как на микро-, так и на макроуровне.

- «Город». Проживание в городе
- «Пол» (мужской)
- «Дискриминация». Принадлежность к дискриминируемой группе (любой) согласно субъективному восприятию респондента

Модель 2 (проверка 2 гипотезы).

Стоит заметить, что вопросы субъективного восприятия также довольно сложно формулировать. В обследовании ESS есть 2 вопроса, позволяющих аппроксимировать отношение к молодым. Мы рассмотрим модели с включением обеих переменных в качестве зависимых.

Зависимая переменная:

1. Оценка дружелюбия. Ответ на вопрос «Считаете ли Вы людей в возрасте до 20 лет дружелюбными?» Измеряется по шкале от 0 до 4 (0 – не согласен с утверждением, 4 – согласен с утверждением).
2. Общее отношение к молодежи (людям в возрасте 20 лет). Измеряется по шкале от 0 до 10 (0 – крайне негативное, 10 – крайне позитивное).

Из объясняющих переменных используем только 4 последних.

Контрольные переменные остаются теми же.

Прежде чем перейти к оценке модели необходимо отметить, что субъективные оценки могут существенно различаться по возрастам. О проблеме разницы восприятий, субъективного восприятия себя пожилыми и восприятия их детьми писали, например, Туманова и Ермилова [6]. Согласно проведенным ими исследованиям выявлено достоверное различие ($p = 0,02$) между представлением о своих добросердечии и общительности у женщин, имеющих внуков, и представлением об общительности матерей у их дочерей.

В нашем случае, аналогично следует ожидать, что человек будет при прочих равных лучше относиться к собственным ровесникам и воспринимать их как более дружелюбных. Действительно, выявляется достоверное ($p < 0,01$) различие между показателями. Чем выше возраст респондента, тем положительнее он оценивает стариков (средние значения показателя: 7,23 для 20-

летних; 7,35 для 30-летних; 7,77 для 70-летних) и считает их дружелюбнее (средние значения: 2,88 для 20- и 30-летних; 2,97 для 70-летних). В то же время, чем моложе респондент, тем лучше он оценивает молодежь (7,83 для 20-летних, 6,99 для 60-летних и 6,93 для 70-летних) и считает её более дружелюбной (2,64 для 20-летних, 2,5 для 60 и 70-летних).

Во избежание искажения результатов вследствие мультиколлениарности обратим внимание на наличие корреляций между переменными. Переменные с сильной и значимой корреляцией (в первую очередь среди объясняющих) будем включать в модели по очереди. С данной мерой предосторожности связано наличие в исследовании такого количества моделей.

Интерпретация результатов

Основные результаты регрессий приведены в Приложении. В 1 модели на показатель субъектного счастья значимо (1% уровень) положительно влияют как частота встреч с друзьями, родственниками и коллегами, так и возможность обсуждения личных вопросов с друзьями и родственниками в возрасте 15-30 лет (и в случае их совместного, и в случае их раздельного проживания). Таким образом, наша 1 гипотеза подтверждается.

В то же время отрицательно влияет на счастье отсутствие молодых родственников, а также отсутствие возможности поговорить с ними на персональные темы даже при их наличии в домохозяйстве. Что ещё раз подтверждает нашу гипотезу о том, что важно не совместное проживание, а частота и глубина общения.

Из контрольных переменных устойчиво значимое положительное влияние религиозности на счастье, также счастливы люди, не имеющие проблем с благосостоянием и здоровьем. Принадлежность к любой дискриминируемой группе ожидаемо устойчиво снижает уровень счастья. Проживание с партнером также повышает уровень счастья пожилых.

Проживание в сельской местности и уровень образования (значимо только при рассмотрении возможности общения без основных объясняющих переменных) устойчиво значимого влияния на субъективное счастье не оказывает. Более того, в ряде

случаев проживание в сельской местности снижает показатель субъективного счастья.

Из 2 модели следует, что на более позитивное восприятие молодых (как с точки зрения дружелюбия, так и в общем виде) значимо (на 1% уровне) положительно влияет возможность обсуждения вопросов личного характера, причем не обязательно проживание их в одном домохозяйстве (переменная значима, но только на 10% уровне), более сильный эффект получается для отдельного проживания. В то же время незначимым оказалось влияние наличия родственников на отношение к молодым.

Таким образом, вторая гипотеза также подтверждается.

Из контрольных переменных в обоих случаях на оценку молодых положительное влияние оказывают религиозность, женский пол, отсутствие проблем с благосостоянием. Отрицательное влияние оказывает дискриминация.

При этом в случае дружелюбия также положительное влияние оказывает возраст. А в случае общего отношения к молодежи – здоровье.

При проверке утверждений Семеновской и Кинга-Элдера установлено, что проживание в сельской местности и уровень образования пожилых оказывают следующее влияние на зависимую переменную. Проживание в сельской местности положительно, но довольно неустойчиво (5% уровень значимости наблюдается только при условии возможности общения с молодыми на личные темы) и слабо влияет на отношение к молодежи. Более высокий уровень образования, при прочих равных, положительно влияет на субъективные показатели отношения к молодежи.

Проверка моделей для стран Западной и Восточной Европы

Вместе с рассмотрением регрессий с фиксированными эффектами рассмотрим отдельно подвыборки для Западной и Восточной Европы (бывшего социалистического лагеря). Южная Европа (Испания, Греция, Кипр, Португалия) и страны, часто относимые к азиатским (Турция и Израиль), рассмотрены не будут.

Для стран Западной Европы в модели при проверке 1 гипотезы сохраняются те же закономерности, что и в модели с

фиксированными переменными. Частота общения с друзьями и родственниками позитивно влияет на ощущения счастья в пожилом возрасте. При добавлении в модель переменных, отвечающих за отсутствие детей и возможность общения с молодыми родственниками, эффекты остаются точно такими же, как и для стран Европы в целом. В то же время для Западной Европы становится менее устойчивым эффект от совместного проживания детей или внуков в домохозяйстве и возможности общения с ним на личные темы.

Что касается проверки 2 гипотезы, то в данном случае наблюдается следующая зависимость. Все объясняющие переменные сохраняет знак и значимость (незначимость), в том числе и совместное проживание.

В Восточной Европе получают следующие показатели. Для счастья значимым оказывается показатель частоты встреч, а также возможность обсуждать вопросы при раздельном проживании детей, в то же время в случае совместного проживания переменная переходит из неустойчивой в незначимую.

Аналогичная ситуация наблюдается и с точки зрения отношения к молодежи и восприятия ее как дружелюбной: совместное проживание, в отличие от раздельного, не оказывает значимого влияния (даже на 10% уровне) на показатели дружелюбия и отношения.

Таким образом, в Восточной Европе совместное проживание молодых родственников в домохозяйстве уже не гарантирует старикам счастья и лучшего отношения к молодым.

Следующим этапом исследовательской работы будет определение влияния возможности близкого общения с пожилыми родителями и прародителями, а также пожилыми людьми вообще на показатель субъективного счастья молодых людей и их отношение к старикам.

Важным дополнением будет рассмотрение многоуровневых моделей, которые уже не рассматривают фиксированные страновые эффекты, а обращают внимание на влияние страновых характеристик (демографических, социально-экономических) на

показатели субъективного счастья и отношения между представителями различных поколений.

Кроме того, в силу ограниченности вопросника ESS-4 не представляется возможным проверить гипотезы о влиянии зависимости пожилых людей от своих более молодых родных (в первую очередь в экономическом плане) на показатели субъективного счастья и восприятия молодежи. Например, Шапиро В.Д. [8] отмечает, что одним из основных мотивов продолжения работы пожилые называют «нежелание зависеть от родственников материально».

Заключение

Разница в восприятии себя пожилыми и молодыми бесспорно существует. Пожилые люди зачастую воспринимают себя более положительно и считают себя более доброжелательными, чем это кажется окружающим. С другой стороны, аналогичная переоценка себя характерна и для молодых людей.

Старость в глазах общественности неизменно ведет к немощности, беспомощности, зависимости от родственников (как моральной, физической, так и материальной), снижению уровня значимости как профессиональной, так и социальной, а в российском обществе, что весьма существенно, и к бедности. В то же время, с точки зрения стариков, молодежь видится неопытной, неспособной решать самостоятельные задачи, испорченной, не имеющей достаточной квалификации и пр. Во многом стереотипность мышлений связана с отсутствием информации о реальных условиях жизни представителей других поколений.

В то же время, как показано в данной работе, регулярное общение представителей различных поколений между собой способно не только улучшить их взаимоотношения (в данном случае показано на примере отношения пожилых к молодежи), но и в целом поднять уровень субъективного счастья пожилых. При этом вовсе не обязательно их совместное проживание (что уже мало распространено в условиях современных нуклеарных семей).

Данное утверждение справедливо для Европейских стран, включая Россию, однако в нашей стране роль семьи может быть ещё больше. В виду неразвитости российских социальных институтов и их неготовности к новым вызовам современности проблема социальных взаимоотношений внутри каждой семьи в результате старения населения становится очень острой. И если семья или близкие люди не всегда готовы и не в состоянии оказать поддержку пожилым людям, на поддержку социальных и государственных институтов часто бывает очень тяжело рассчитывать.

Литература

1. Вишневский А.Г. Похвала старению // Отечественные записки, 2005 №3 (23).
2. Денисенко М.Б. Тихая революция // Отечественные записки, 2005 №3 (23).
3. Краснова О.В., Лидерс А.Г. Социальная психология старости, Издательство Академия, 2002.
4. Семенова В. В. Бабушки: семейные и социальные функции прародительского поколения // Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / Институт социологии РАН. М., 1996. С. 326-354.
5. Синявская О. В., Гладникова Е. В. Взрослые дети и их родители: интенсивность контактов между поколениями // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. — М.: НИСП, 2007.
6. Туманова Е. Н., Ермилова И. С. Личностные характеристики и особенности межличностных отношений женщин, осваивающих роль бабушки// Современные проблемы психологии семьи: феномены, методы, концепции. Вып. 2. – СПб.: Изд-во АНО «ИПП», 2008. – С. 114-122.

7. Хасин Г.А. Старость: Социальные вопросы. - Челябинск: Изд-во "Челябинский дом печати", 1995. - 111 с.
8. Шапиро В.Д. Человек на пенсии, Изд-во «Мысль», Москва, 1980.
9. Щербакова Е.М. Европейский демографический барометр // Демоскоп Weekly, №№ 439-440, 18-11 октября 2010 <http://demoscope.ru/weekly/2010/0439/barom03.php>
10. Яцемирская Р.С., Хохлова Л.Н. Проблемы старости: духовные, медицинские и социальные аспекты, .. Издательство "Свято-Димитриевское училище сестер милосердия", 2003.
11. Arber, Sara, Claudine Attias-Donfut, and Inc ebrary. *The Myth of Generational Conflict: The Family and State in Ageing Societies*. London ; New York: Routledge, 2000.
12. Bengston, V. L., Giarrusso, R., Feng, D., & Silverstein, M.. Grandparent-adult grandchild affection and consensus. *Journal of Family Issues*, 22, 456-477, 2001.
13. V. L. Bengtson Is the «Contract Across Generations» Changing? Effects of Population Aging on Obligations and Expectations Across Age Group. In: Bengston V. L. and W. A. Achenbaum (eds.), *The Changing Contract Across Generation*. N. Y. 1993.
14. V.L.Bengtson Beyond the nuclear family: The increasing importance of multigenerational bonds// *Journal of Marriage and Family*. Feb. 2001, № 63 (1): Research Library, p. 1-16.
15. V.L.Bengtson, A.Lowenstein, Aldine de Gruyter *Global Aging and Challenges to families*, New York, 2003.
16. Butler R., "Age-ism" Another form of bigotry. // *Gerontologist*, 1969 No 9.
17. Charles, Susan T., Chandra A. Reynolds, and Margaret Gatz. Age-Related Differences and Change in Positive and Negative Affect over 23 Years. // *Journal of Personality and Social Psychology* 80:136–151, 2001.
18. Costa, Paul T., Alan B. Zonderman, Robert R. McCrae, Joan Cornoni-Huntley, Ben Z. Locke, and Helen E. Barbano *Longitudinal Analyses of Psychosocial Well-Being in a National*

- Sample: Stability of Mean Levels. // *Journal of Gerontology* 42:50–55, 1987.
19. Easterlin, Richard A.. Birth and Fortune: The Impact of Numbers on Personal Welfare. Chicago, IL: University of Chicago, 1987.
 20. K. Edwards & J. Wetzler Too young to be old: The roles of self-threat and psychological distancing in social categorization of the elderly, 1998.
 21. Elder & Johnson The life course and aging: Challenges, lessons, and new directions In: Settersten & Hendricks Invitation to the life course, 2002. - Pp. 49-81
 22. George, Linda K. "Perceived Quality of Life." pp. 320–36 in: Handbook of Aging and the Social Sciences, 6th ed., edited by R. H. Binstock and L. K. George. San Diego, CA: Elsevier, 2006.
 23. Gilleard, C. and Higgs, P. The third age: class, cohort or generation? // *Ageing & Society* 22, p. 369-382. 2002
 24. Gove, Walter R., Suzanne T. Ortega, and Carolyn Briggs Style. "The Maturational and Role Perspectives on Aging and Self through the Adult Years: An Empirical Evaluation." // *American Journal of Sociology* 94:1117–45, 1989
 25. J. Greenberg, T. Pyszczynski & S. Solomon The causes and consequences of a need for self-esteem: A terror management theory// R.F. Baumeister (Ed.) Public self and Private self . New York: Springer, 1986 - pp. 188-212.
 26. Inglehart, R. Gender, aging, and subjective well-being. *International Journal of Comparative Sociology*, 43, 391–408., 2002.
 27. King, V. and G.H. Elder American Children View Their Grandparents, Linked Lives Across Three Rural Generations // *Journal of Marriage & the Family*, No 57(1), 1995, - pp.165-178
 28. M.E. Kite & B.T. Johnson Attitudes toward older and younger adults: A meta-analysis. // *Psychology and Aging*. No 3 (3), 1988, - pp. 233-244.

29. M.E. Kite, K. Deaux & M. Miele Stereotypes of young and old: Does age outweigh gender? // *Psychology and Aging*, No. 6, 1991, - pp.19-27.
30. Laslett P. A Fresh Map of Life: the Emergence of the Third Age. London. 1990
31. Levinson, D. J., with Darrow, C. N, Klein, E. B. & Levinson, M. (1978). *Seasons of a Man's Life*. New York: Random House
32. Levinson, D. J., with Levinson, J. D. (1996). *Seasons of a Woman's Life*. New York, NY: Alfred A. Knopf.
33. Mancini J. A., Blieszner R. Aging Parents and Adult Children: Research Themes in Intergenerational Relations // *Journal of Marriage and the Family*. 1989. Vol. 51. № 2. P. 275–290.
34. Marwick, A. *The Sixties*. Oxford University Press, Oxford, 1998.
35. Mroczek, Daniel K. and Christian M. Kolarz. “The Effect of Age on Positive and Negative Affect: A Developmental Perspective on Happiness.” // *Journal of Personality and Social Psychology* 75:1333–49, 1998.
36. T.D. Nelson Ageism: Prejudice Against Our Feared Future Self. *Journal of Social Issues*, Vol. 61, No. 2, 2005, pp. 207-221.
37. T.Parsons and R.F.Bales. *Family, Socialization and Interaction*.- N.Y.: 1955
38. Peck, R. C. (1968). Psychological developments in the second half of life. In B. L. Neugarten (Ed.), *Middle age and aging*. Chicago: University of Chicago Press.
39. Population Ageing and Development 2009 <http://www.un.org/esa/population/publications/ageing/ageing2009chart.pdf>
40. Rodgers, Willard. Trends in Reported Happiness within Demographically Defined Subgroups, 1957–78. // *Social Forces* 60:826–42, 1982
41. M. Snyder & P. Meine Stereotyping of the elderly: a functional approach. *British Journal of Social Psychology*, No 33, 1994, - pp. 63-82.
42. R. Veenhoven, and M. Hagerty. Rising Happiness in Nations 1946–2004: A Reply to Easterlin. // *Social Indicators Research* 79:421–36, 2006.

43. D.Weisstub, D.C.Thomosma, S.Gautheer, G.F.Tomossy Aging: Caring for our Elders, Muwer academic Publishers, Dordreeht/Boston/London, 2001.
44. Yang, Yang. Social Inequalities in Happiness in the U.S. 1972-2004: An Age-Period-Cohort Analysis // *American Sociological Review* 73:204-226., 2008
45. H.M. Zal, D.O., F.A.C.N. The Sandwich Generation// Caught between Growing Children and Aging Parent, Insight Books: Plenum Press, New York and London, 1992, - p. 251.
46. <http://www.icpsr.umich.edu/icpsrweb/NACDA/studies/04076/version/1>
47. United States Census Bureau
<http://www.census.gov/population/international/data/idb/informationGateway.php>

Приложение
Модели по всем странам (с фиксированными эффектами)
1 гипотеза. Зависимая переменная. «Субъективное счастье»

Объясняющая переменная	Модель 1		Модель 2		Модель 3		Модель 4		Модель 5	
	B	t	B	t	B	t	B	t	B	t
Общение	0,147***	11,3	0,174***	12,4	0,164***	12,4	0,126***	9,75	0,136***	10,6
Контрольные переменные										
Религиозность	0,062***	7,51	0,06***	7,19	0,06***	7,17	0,064***	7,81	0,065***	8,24
Возраст	0,015***	3,55	0,001	0,28	-0,01***	-2,58	-0,00	-0,2	0,01***	2,44
Образование	0,059***	4,03	0,042***	2,81	0,047***	3,31	0,022	1,49	0,017	1,14
Партнер	0,64***	13,3	0,616***	12,5					0,566***	12,6
Город	0,118***	2,57	0,082*	1,75	0,061	1,29	0,067	1,47	0,088**	1,95
Пол (мужской)	-0,009	-0,18	0,003	0,06	0,212***	4,49	0,145***	3,17		
Дискриминация	-0,71***	-7,00	-0,66***	-6,47	-0,69***	-6,66	-0,58***	5,79	-0,56***	5,67
Нездоровье	-0,667***	-26,0					-0,59***	22,6	-0,58***	22,4
Доход			-0,62***	20,835	-0,65***	-21,7	-0,52***	17,4	-0,48***	16,6
Constant	5,004***	14,1	5,569	15,068	6,853	19,102	7,827***	22,3	6,586***	18,2
R-sq	0,352		0,334		0,32		0,362		0,374	

*- 10% уровень значимости, ** - 5% уровень значимости, *** - 1% уровень значимости

Объясняющая переменная	Модель 6		Модель 7		Модель 8		Модель 9	
	B	t	B	t	B	t	B	t
Общение	0,132***	10,23	0,122***	9,355	0,113***	7,172	0,124***	7,892
Нет родственников	-0,153***	-3,241	-0,201***	-4,215				
Недоверие					-0,128***	-7,847	-0,12***	-7,458
Контрольные переменные								
Религиозность	0,066***	8,391	0,065***	7,921	0,056***	5,711	0,055***	5,740
Возраст	0,01***	2,322	-0,001	-0,29	-0,005	-1,007	0,006	1,116
Образование	0,19	1,3	0,024*	1,645	0,023	1,404	0,019	1,133
Партнер	0,544***	12,295					0,54***	10,039
Город	0,087*	1,930					0,068	1,480
Пол (мужской)			0,141***	3,083	0,201***	3,670		
Дискриминация	-0,569***	-5,717	-0,585***	-5,816	-0,483***	-3,812	-0,45***	-3,735
Нездоровье	-0,58***	-22,38	-0,59***	-22,81	-0,57***	-18,5	-0,56***	-18,47
Доход	-0,481***	-16,66	-0,521***	-17,57	-0,53***	-15,06	-0,506***	-14,46
Constant	6,855***	18,43	8,159***	22,73	8,55***	19,8	7,316***	16,5
R-sq	0,376		0,364		0,365		0,375	

*- 10% уровень значимости, ** - 5% уровень значимости, *** - 1% уровень значимости

	Модель 10		Модель 11		Модель 12	
	B	t	B	t	B	t
Объясняющая переменная						
Есть родственники	0,265**	2,375	0,261**	2,328		
Личные вопросы. Совместное					0,439***	2,986
Личные вопросы. Раздельное						
Контрольные переменные						
Религиозность	0,069***	8,714	0,067***	8,232	0,067***	8,252
Возраст	0,008	1,862	-0,002	-0,571	-0,002	-0,555
Образование	0,02	1,358	0,025*	1,68	0,025*	1,685
Партнер	0,527***	11,739				
Город	0,089**	1,96	0,069	1,516	0,069	1,509
Пол (мужской)			0,132***	2,876	0,134***	2,915
Дискриминация	-0,577***	-5,793	-0,591***	-5,885	-0,592***	-5,889
Здоровье	-0,613***	-23,951	-0,622***	-24,056	-0,621***	-24,032
Доход	-0,512***	-17,401	-0,539***	-18,18	-0,539***	-18,206
Constant	7,594***	21,735	8,688***	25,619	8,682***	25,604
R-sq	0,367		0,356		0,357	

	Модель 13		Модель 14		Модель 15	
	B	t	B	t	B	t
Объясняющая переменная						
Есть родственники						
Личные вопросы. Совместное	0,427***	2,93				
Личные вопросы. Раздельное			0,325***	7,39	0,359***	8,108
Контрольные переменные						
Религиозность	0,069***	8,725	0,068***	8,657	0,067***	8,271
Возраст	0,008*	1,872	0,008*	1,887	-0,002	-0,442
Образование	0,02*	1,366	0,022	1,483	0,026	1,781*
Партнер	0,526***	11,725	0,508***	11,324		
Город	0,088*	1,947	0,081*	1,795	0,063	1,381
Пол (мужской)					0,145***	3,181
Дискриминация	-0,577***	-5,795	-0,563***	-5,67	-0,577***	-5,761
Здоровье	-0,613***	-23,93	-0,608***	-23,787	-0,614***	-23,846
Доход	-0,513***	-17,432	-0,511***	-17,426	-0,536***	-18,14
Constant	7,592***	21,734	7,459***	21,383	8,474***	25,001
R-sq	0,367		0,371		0,361	

*- 10% уровень значимости, ** - 5% уровень значимости, *** - 1% уровень значимости

Гипотеза 2

Зависимая переменная «Оценка дружелюбия»

	Модель 1		Модель 2		Модель 3		Модель 4	
	B	t	B	t	B	t	B	t
Объясняющая переменная								
Недоверие					-0,042 ***	-4,93	-0,043 ***	-5,05
Есть родственники					-0,055	0,874	-0,053	0,847
Личные вопросы. Совместное	0,139*	1,792	0,144*	1,845				
Личные вопросы. Раздельное	0,136** *	5,692	0,138** *	5,775				
Контрольные переменные								
Религиозность	0,008*	1,782	0,011**	2,469	0,01**	2,023	0,013* *	2,521
Возраст	0,006**	2,544	0,006**	2,586	0,006* *	2,232	0,005* *	2,027
Образование	0,001	0,174	-0,000	-0,008	0,000	0,039	-0,001	-0,09
Партнер			0,009	0,387			-0,017	-0,59
Город	-0,041*	-1,678	-0,037	1,528	-0,036	-1,247	-0,033	-1,16
Пол (мужской)	-0,07***	-2,718			-0,068* *	-2,346		
Дискриминация	-0,27***	-4,026	-0,22***	-4,109	-0,233 ***	-3,457	-0,23 ***	-3,53
Здоровье	-0,017	-1,225	-0,014	-1,04	-0,004	0,267	-0,002	-0,11
Доход	-0,046 ***	-2,899	-0,042 ***	-2,625	-0,045 **	-2,397	-0,042 **	-2,24
Constant	2,432	13,388	2,348	12,473	2,619	11,942	2,609	4,99
R-sq	0,087		0,086		0,102		0,101	

*- 10% уровень значимости, ** - 5% уровень значимости, *** - 1% уровень значимости

Зависимая переменная «Общее отношение к молодежи»

	Модель 5		Модель 6		Модель 7		Модель 8	
	B	t	B	t	B	t	B	t
Объясняющая переменная								
Недоверие					-0,099 ***	- 5,859	-0,095 ***	5,646
Есть родственники					-0,098	-0,79	-0,105	-0,85
Личные вопросы. Совместное	0,268 *	1,74	0,252	1,642				
Личные вопросы. Раздельное	0,34 ***	7,185	0,33 ***	7,009				
Контрольные переменные								
Религиозность	0,045 ***	5,332	0,036 ***	4,217	0,054 ***	5,469	0,045 ***	4,475
Возраст	0,002	0,486	0,002	0,435	-0,003	-0,49	-0,002	- 0,302
Образование	0,058 ***	3,807	0,062 ***	4,07	0,045 ***	2,617	0,049 ***	2,876
Партнер	0,003	0,059			-0,039	-0,69		
Город	- 0,083 *	-1,75	-0,094 **	-1,96	-0,054	-0,96	-0,064	-1,14
Пол (мужской)			-0,218 ***	-4,57	-0,26 ***	-4,56		
Дискриминация	-0,422 ***	- 4,001	-0,406 ***	- 3,859	-0,351 ***	- 2,765	-0,33 ***	- 2,062
Здоровье	-0,149 ***	5,534	-0,157 ***	-5,82	-0,147 ***	-4,62	-0,157 ***	-4,93
Доход	-0,155 ***	- 4,979	-0,167 ***	- 5,398	-0,183 ***	-4,98	-0,196 ***	- 5,335
Constant	6,349 ***	17,21 8	6,57** *	18,49 4	7,298* **	16,17 7	7,404* **	17,11 3
R-sq	0,102		0,104		0,103		0,106	

*- 10% уровень значимости, ** - 5% уровень значимости, *** - 1% уровень значимости

Синица А.Л.¹

УХОД ЗА ДЕТЬМИ И ИХ ВОСПИТАНИЕ КАК ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Промышленная революция и процесс урбанизации, который является ее следствием, затронули практически все сферы общественной жизни. Наиболее ярко эти изменения проявились в отношении ухода за детьми и их воспитания и получения женщинами доступа к оплачиваемой деятельности вне дома.

В XIX в. основной доход в семью приносил мужчина, причем часто в его заработную плату входила компенсация материальных расходов на содержание детей [14, 19, 55, 58], тогда как оплаты труда женщины не хватало даже на их содержание [31].

Это связано с тем, что уровень рождаемости был тогда достаточно высоким, а система дошкольных образовательных учреждений (далее – ДОУ) была развита очень слабо. В результате уходом за детьми занималась женщина, а издержки упущенных возможностей для нее были низкими.

На теоретическом уровне преобладали сторонники разделения труда внутри семьи по полу, хотя их концепции переставали удовлетворять меняющимся социально-экономическим условиям и общественным ценностям. Это позволило сторонникам обобществления ухода за детьми дошкольного возраста и вовлечения женщин на рынок труда усилить свои позиции² (более подробно про теоретические подходы см. [27]).

Тем не менее, даже на рубеже XIX-XX веков, когда ситуация изменилась, А. Маршалл, основоположник современной экономической науки, отмечал, что уход за детьми является производительным трудом [20], а роль женщины в этом процессе незаменима [20].

События XX в. (мировые войны, экономические кризисы и снижение уровня рождаемости) закрепили отношение к уходу за детьми как к труду, менее важному, чем профессиональная занятость (например, см. [57]), даже несмотря на примеры США и

¹ Синица Арсений Леонидович - к.э.н., научный сотрудник Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

² Достаточно полно их взгляды выразил Ш. Фурье, который считал, что воспитание является лишь субституту нормальной трудовой деятельности, а не работой [32: 399]. Кроме того, по его мнению, склонность к материнству имеют только 1/8 всех женщин [33: 402].

Италии [48, 49]. К каким последствиям привело подобное отношение к женской занятости?

Долгое время уход за детьми считался общественно полезным трудом, направленным на продолжение рода. Это был вклад женщины в существование семьи и всего общества, а мужчина был ответственен не только за материальное содержание семьи, но и за воспитание детей (более подробно см. [27]), что соответствовало светским и церковным законам. Например, даже столь вольнодумный философ, как К.А. Гельвеций, признавал, что мужчина может «требовать плату, достаточную для поддержания приличного существования – своего и своей семьи» [7], «ибо в первые годы брака жена всецело занята нянчанием и кормлением детей и не может ничего зарабатывать» [19] и его рекомендации выполнялись вплоть до середины XIX в. [14].

Движение за женское равноправие в сфере профессионального труда изменило культурные нормы и повысило для женщин значимость этой сферы общественной жизни. Это привело к тому, что занятость вне дома стало неотъемлемым правом женщины, но ее рабочий день стал «двойным», а значимость домашнего труда, в том числе ухода за детьми, понизилась.

Теоретические подходы в области рождаемости, которые появились в 1960-е годы («чикагский» Г. Бэкера и «пенсильванский» Р. Истерлина), находятся в рамках этих же представлений. Они оперируют инструментальными переменными (предпочтениями) и постулируют обратную связь между занятостью и рождаемостью [35, 36, 37, 42, 43]. В настоящее время ряд выводов этих подходов не подтверждаются эмпирическими исследованиями, поэтому они подвергаются критике [34, 40].

За последние 20 лет было опубликовано много исследований, показывающих, что с середины 1980-х годов связь между рождаемостью и женской занятостью на макроуровне стала прямой, хотя на микроуровне все равно остается обратной, но со временем прямая связь на макроуровне снова может смениться на обратную. Такую точку зрения поддерживают не все специалисты, но большинство работ, в которых утверждается об обратной связи между рождаемостью и женской занятостью хронологически предшествуют работам, в которых утверждается обратное (более подробно см. [29]).

Л. Крейг отметила, что неравенство в разделении труда внутри дома ведет к неравенству в финансовой сфере, однако

вопросы домашней занятости изучены крайне слабо. По ее мнению, одной из причин этого является общепринятая экономическая концепция [40]. Одним из следствий подобного отношения к уходу за детьми является то, что уход за детьми никогда не лежит в основе проводимой политики, а всегда служит средством достижения определенной цели (в каждой стране – своих) [53]. Признанию ухода за детьми в качестве трудовой деятельности препятствует убеждение, что женщины осуществляют уход за детьми во имя любви [54].

Феминисты считают, что домашняя работа является производительной с экономической точки зрения³, и благодаря им появились новые подходы в отношении того, что считать работой. Основываясь на фундаментальном труде М. Рейд [56], Д. Айронмонгер предложил считать работой любую деятельность, которая создает блага для любого человека [50]. Подобным образом рассуждает и Дж. Гершуни, который утверждает, что работа должна включать в себя любую деятельность, за совершение которой можно заплатить без потери полезности для плательщика⁴ [47].

Тем не менее, даже среди феминистов нет согласия относительно того, считать ли уход за детьми трудом. Хотя эта деятельность является тяжелой и требующей много сил и времени, однако она может приносить много удовольствия и другие виды вознаграждений. Кроме того, связь родителей и детей важна сама по себе [44]: например, дети, за которыми в течение первого года их жизни 20 и более часов в неделю ухаживали не матери, имеют проблемы с развитием [38].

Н Фолбре указала, что оплачиваемая работа тоже может приносить удовольствие, поэтому это не может быть подходящим критерием [46]. По ее мнению, работой является деятельность, которая создает блага независимо от получения удовольствия, а уход за детьми создает такое благо. По мнению Л. Крейг, этим важным общественным благом, которое создается в процессе ухода за детьми, являются взрослые [40]. По этой причине дети имеют экономическую ценность не только для растящих их родителей, но и для государства и общества [39, 41, 45, 52].

³ Литературу по данному вопросу можно посмотреть в нашей работе [29].

⁴ Наиболее простой иллюстрацией этого подхода является приготовление пищи и ее потребление.

В России вопросу ухода за детьми как трудовой деятельности тоже уделялось достаточное внимание. До революции 1917 г. уход за детьми считался производительным трудом. Г.П. Каменский отмечал, что затраты на труд по уходу за детьми в детстве являются достаточно большими и совершенно необходимыми для общества, так как они представляют собой часть расходов, «необходимых для производства», то есть инвестиции в будущих производительных работников [13]. Этот труд создает богатство в нематериальной форме [13], поэтому его необходимо считать производительным, даже если люди, осуществляющие его, руководствуются не только желанием получить отдачу от своих вложений [13].

Н.П. Гиляров-Платонов считал, что «время... которое могло бы быть употреблено на труд... есть стоимость» [8], поэтому человек, ухаживающий за ребенком, осуществляет трудовую деятельность, за которую должен получать вознаграждение, ибо «время обязано само давать заработок» [8]. Стоимость услуг по уходу определяется затратами не только физической энергии, но и умственной. Последние оценить очень сложно, но учитывать их совершенно необходимо [8], потому что именно они во многом определяют приобретенные свойства объекта труда.

После революции 1917 г. подход к проблеме несколько изменился. В 1920-е годы во многих публицистических выступлениях и научных работах семейно-бытовые роли женщины рассматривались как препятствие для ее общественной деятельности и угроза возвращения мещанства. Проблема сочетания общественных и семейных ролей решалась в духе классиков утопизма: отказ от личных отношений во имя общественных, а освобождение женщины от прежнего быта путем вовлечения ее в наемный труд и общественную деятельность невозможно решить без освобождения от домашнего труда.

Многие утверждали, что семья как общественный институт вообще должна отмереть, а воспитание должно быть полностью обобществлено [4, 6, 24, 25]. Другие предлагали решить эту проблему, передав все нетворческие виды домашнего труда (стирка, уборка, приготовление пищи) учреждениям общественного питания и службам быта, а воспитание детей – общественным детским учреждениям, с использованием в определенной степени семейной кооперации, при сохранении семьи, однако работающая мать не

будет различать «своих» и «чужих» детей [15, 17, 18]⁵. Следовательно, уход за детьми, по крайней мере домашний, стал признаваться для женщины недостойным видом деятельности.

После Великой Отечественной войны сторонники подхода, что уход за детьми является трудом [2, 3, 5, 10, 12, 16], который не оплачивается [15], смогли усилить свои позиции на теоретическом уровне, хотя на практическом уровне эту деятельность трудом не признали⁶.

В наше время при анализе ухода за детьми часто используется такое понятие как «репродуктивный труд». Он «представляет собой часть человеческой деятельности - материальной и социальной - по уходу за имеющейся и будущей рабочей силой и человеческим родом в целом. Он трактуется экономистами иначе, чем, например, содержание и уход за оборудованием, которые однозначно рассматриваются как экономическая деятельность. Репродуктивный же труд обычно является неоплачиваемым и, как правило, не включается в систему национальных счетов ...» [11]. Это позволяет утверждать, что ведение домашнего хозяйства в отечественной научной традиции продолжает считаться трудом.

Хотя В.А. Артемов утверждает, что уход за детьми является трудовой нагрузкой, а их воспитание – нет [1], однако В.В. Радаев, чья позиция нам ближе, отмечает, что домашняя деятельность признается трудом, если ее можно заместить рыночным аналогом [23]. У труда по уходу за детьми, осуществляемого дома, есть аналог в виде дошкольных образовательных учреждений (далее – ДООУ) и института приходящих нянь, поэтому его можно считать трудом, который является производительным и направлен на удовлетворение потребностей детей в здоровье и получении ими знаний, умений и навыков, необходимых для жизни

По нашему мнению, уход за детьми можно назвать трудом, так как:

- 1) данная деятельность имеет все формальные признаки труда (наблюдаются затраты энергии организма, воздействие на предмет средствами производства, взаимодействие работников друг с другом, взаимодействие с потребителями);

⁵ Более подробно с вопросом можно ознакомиться в работе С.И. Голода [9]

⁶ Наиболее ярким примером является то, что женщина, находящаяся в отпуске по уходу за ребенком, «сидит» дома.

- 2) в процессе ухода за детьми создаются различные блага, удовлетворяющие потребности общества в уходе за детьми (например, биологически и социально созревшие дети [22]);
- 3) в отличие от свободного времени, которое человек может тратить по своему усмотрению, уход за ребенком является деятельностью, отказаться от выполнения которой при сохранении статуса родителя нельзя;
- 4) стоимость труда по уходу за детьми может быть выражена с помощью затрат денег и иных затрат.

Следовательно, уход за детьми можно признать трудом, который имеет следующие основные функции: экономическую, демографическую, социально-психологическую и воспитательную.

Экономическая функция состоит в обеспечении ухода за детьми необходимыми ресурсами, формировании человеческого потенциала и инвестирования в будущее семьи и общества. Демографическая – в возобновлении поколений через рождение детей и обеспечение их выживания и развития. Социально-психологическая – в удовлетворении потребности взрослых в детях, в общении с детьми. Суть воспитательной функции заключается в обучении ребенка необходимым навыкам в рамках определенных норм и его знакомство с окружающим миром, подготовка ребенка к обучению в школе и общению со сверстниками.

Под трудом по уходу за детьми дошкольного возраста и их воспитанию, который является частным видом репродуктивного труда, потому что затрагивает только детей, мы понимаем деятельность, которая *обеспечивает удовлетворение витальных, социальных и духовных потребностей детей и во многом влияет на воспроизводство населения и будущей рабочей силы*. Выделяют две формы ухода за детьми и их воспитания: общественную и домашнюю. Любой способ ухода за детьми может быть отнесен к одной из этих форм в соответствии со следующим критерием: если уход за детьми осуществляют сами родители, родственники или знакомые на возмездной или безвозмездной основе и уход осуществляется в доме родителей или в доме лиц, которые его осуществляют, то такой способ относится к домашней форме.

Труд по уходу за детьми имеет многие характеристики, которые выделяют из всех прочих видов труда:

- 1) необходимость данного вида труда;
- 2) значительное влияние данного труда на образ жизни населения, что выражается в:

- широком вовлечении населения в этот процесс;
 - непрерывности процесса и большой трудоемкости;
 - разделению труда по полу;
- 3) большая доля косвенных издержек;
 - 4) он имеет форму институционального соглашения;
 - 5) вложения в детей, осуществляемые при уходе за ними, имеют большой период отдачи.

Рассмотрим каждую особенность более подробно.

Необходимость данного вида труда является очевидной, поскольку ребенок не может выжить и получить необходимые навыки без посторонней помощи. Эта особенность является самой важной, так как она показывает, что воспроизводство и развитие общества невозможно без выделения ресурсов на уход за подрастающим поколением и его воспитание и выполнения данного труда даже достаточный уровень коэффициента суммарной рождаемости не позволит обеспечить воспроизводство поколений.

Характерной особенностью труда по уходу за детьми является большое влияние, которое он оказывает на образ жизни людей. Труд по уходу за детьми подразумевает широкое вовлечение населения в процесс труда. Он может осуществляться различными людьми, в том числе не имеющими специального образования в данной области. Помимо родителей и воспитателей ребенок знакомится с внешним миром в процессе общения с различными людьми: родственниками, врачами, прочими взрослыми, сверстниками.

Процесс труда по уходу за детьми является непрерывным. На протяжении всего дня ребенок является объектом труда, поэтому данный труд определяет режим дня людей, его осуществляющих: невозможность замены этого вида труда машинным трудом ведет к тому, что его выполняют только люди [21].

Труд по уходу за детьми имеет ярко выраженный гендерный характер, несмотря на то, что уход за детьми могут осуществлять как женщины, так и мужчины. Это связано с физиологическими особенностями женского организма, с культурными и религиозными нормами и с тем, что матерям маленьких детей сложно работать.

Отказ женщины от продолжения трудовой деятельности на оплачиваемой работе означает потерю денег, которые она могла бы заработать, если бы продолжила работать, а для общества – потерю работника, на обучение которого были затрачены значительные

ресурсы. После длительного перерыва женщинам очень сложно вернуться на работу, так как часто требуется полная переподготовка. В наши дни экономика более динамичная, знания устаревают быстрее, и работодатели менее склонны нанимать женщин. Поэтому одна из наиболее острых проблем, которую должна решить современная социальная и семейная политика в развитых странах, в том числе в России, состоит в трудности ослабления конфликта между женской занятостью и материнством.

Для труда по уходу за детьми характерна большая доля косвенных издержек. Если мы разделим все издержки, которые несет человек в процессе осуществления труда по уходу за детьми, на прямые и косвенные, то увидим, что на современном этапе развития последние будут преобладать.

Примечательной чертой труда по уходу за детьми является то, что он, с точки зрения институциональной экономики, имеет форму соглашения, заключаемого между родителями и детьми, родителями и государством и государством и детьми. Соглашение между родителями и детьми является пожизненным и подразумевает помощь в трудные периоды жизни: детство, старость и иногда во взрослом состоянии. Соглашение между родителями и государством заключается на период воспитания детей: родители воспитывают работника и члена общества, общество помогает им путем предоставления льгот и пособий в натуральной и денежной формах, а ребенок, став взрослым, возвращает, и с избытком, вложенные средства. Длительность соглашения между государством и детьми определить сложно, поскольку дети, став взрослыми, могут сменить место проживания. Оно включает в себя помощь со стороны общества в период детства и юношества с последующим возвратом средств в трудоспособном возрасте.

Последняя особенность заключается в том, что расходы на уход за детьми родители и общество начинают нести еще до рождения ребенка, а отдача от детей начинает поступать только через много лет после начала процесса инвестирования, поэтому для семьи на современном этапе экономического развития часто необходима помощь со стороны крупного экономического игрока, способного ждать возврата вложенных средств достаточно долго.

Признав, что уход за детьми является трудом, мы сталкиваемся со следующим вопросом: должен ли он оплачиваться, или нет? Ответить на него сложно.

Если уходом за детьми занимаются специально подготовленные люди – профессиональные педагоги, то их труд должен оплачиваться, так как:

- во-первых, раз существует профессия воспитатель, то общество признает, что труд по уходу за детьми имеет определенную важность и люди, его осуществляющие, имеют право получать ресурсы в обмен на свои услуги;
- во-вторых, современное общество не может обучать людей, которые не будут потом применять полученные знания.

В отношении оплаты труда родителей ответить сложнее. Можно привести аргументы в пользу обеих точек зрения, но универсального решения не существует.

К аргументам в пользу оплаты труда можно отнести следующие:

- любой труд должен оплачиваться, тем более труд, столь важный для общества;
- пособие по уходу за ребенком представляет собой компенсацию снижения дохода, а не оплату труда;
- оплата данного труда снизит зависимость женщин от мужчин;
- оплата ухода за детьми повысит престиж этого вида деятельности;
- оплата труда по уходу за детьми повысит уровень жизни населения;

Против оплаты труда по уходу за детьми можно привести такие аргументы:

- уход за детьми – обязанность родителей, закрепленная в Конституции РФ⁷ и Законе РФ «Об образовании»⁸;
- оплата труда по уходу за детьми способна ослабить институт семьи;
- родительские хлопоты необходимы, чтобы человек в полной мере ощутил себя родителем;

⁷ Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей (п. 2 ст. 38 Конституции РФ).

⁸ Согласно Закону РФ от 10.07.1992 г. № 3266-1 «Об образовании» общее образование является обязательным (п. 3 ст. 19), тогда как первыми педагогами дошкольного образования являются родители (п. 1 ст. 18), а сеть дошкольных образовательных учреждений и органы местного самоуправления осуществляют лишь помощь семье в этом вопросе (п. 3 ст. 18, п. 5 ст. 18).

- оплата труда означает, что родители выполняют работу для государства, которое имеет преимущественное право на произведенный продукт, то есть низведение института семьи до одного из государственных учреждений;

Если уход за детьми осуществляют родители, то при этом они теряют не только свое время, но и доход, который мог бы быть получен, если бы они продолжали работать, а не ухаживали за детьми. Именно поэтому труд родителей может оплачиваться, однако форма оплаты (пособия и льготы, повышенная ставка оплаты труда работающего родителя, выплата зарплаты родителю, ухаживающему за ребенком и т.д.) должна выбираться, исходя из культурных и социально-экономических особенностей региона.

Какие значения для современной политики и репродуктивного поведения имеют эти теоретические подходы?

Уход за детьми лежит в основе значительной части решений, принимаемых как в социально-экономической сфере, поскольку влияет на политику занятости, миграционную и бюджетную политики, так и в жизни семьи [26]. Следовательно, уход за ребенком является не только важным инструментом государственной политики, позволяющим решать актуальные государственные задачи, но и позволяет реализовывать семье ее функции более полно.

Одного и того же результата (например, повышение уровня рождаемости до уровня простого воспроизводства населения) можно добиться разными путями, но не учитывать поведение людей, особенно в таком важном вопросе как уход за детьми, при разработке государственной политики нельзя. Поэтому пренебрежение трудом по уходу за детьми создает много социально-экономических проблем. Покажем это на примере России.

Проблемы в сфере ухода за детьми в нашем обществе значительны: нехватка мест в ДОУ и недостаточно высокий уровень качества их услуг, низкая оплата труда воспитателей ДОУ, низкий престиж труда по уходу за детьми в общественном сознании и многие другие. Это ведет к потерям в экономике (родители не могут сосредоточиться на профессиональных обязанностях в рабочее время), низкому уровню жизни семей с детьми (часть родителей не могут выйти на работу в условиях низкой оплаты труда второго супруга) и недоинвестированию в человеческий капитал детей. Наконец, подобное положение дел мешает переходу к двухдетной

семье. Еще в 1970-е годы В.А. Борисов отмечал, что изменение социального положения женщины, связанного с получением доступа к занятости в общественном производстве: процесс качественных изменений женской занятости (повышение уровня образования, квалификации, общественной активности и т.д.) при неизменной структуре ценностей, вероятнее всего, ведет к тому, что процесс роста женской профессиональной квалификации происходит А.В. Борисов, за счет отказа от рождения третьих, а в дальнейшем – и вторых детей [3]?

Как можно ответить на эти вызовы? Первое, что необходимо сделать – это определить приоритеты государства в сфере ухода за детьми: предпочитаемую форму ухода за детьми, положение женщин на рынке труда, меру государственной поддержки данного вида труда, минимальные стандарты качества предоставления услуг в этой сфере.

Необходимость подобного не вызывает сомнений. По состоянию на конец 2011 г. в очереди, вызванной наличием неудовлетворенного спроса на услуги ДОУ, стояло около 2,1 млн. детей [30] (а следовательно, и их родителей, которые испытывают проблемы в реализации права на труд), но заработная плата работников была низкой, что позволяет сохраняться низкому уровню жизни семей с детьми дошкольного возраста. Президент РФ в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 10 мая 2006⁹ отметил необходимость развивать сеть ДОУ, но, например, по данным Федерального казначейства России на 1 июня текущего года федеральный бюджет России в отношении дошкольного образования исполнен всего на примерно 24 %, что ниже среднего уровня на 15 (!) процентных пункта. Наконец, такие страны как Нидерланды и Швеция имеют очень разные подходы в отношении ухода за детьми [51, 59], но в обеих коэффициент суммарной рождаемости значительно выше среднего по Европе (1,8 и 2 в 2010 г. – соответственно)¹⁰. Подобные намерения могут быть выражены в форме концепции или иного документа, принятие которого позволит всем заинтересованным лицам иметь представление о намерениях государства.

Также следует повысить престиж труда по уходу за детьми в глазах всех его субъектов. Для этого можно использовать

⁹

http://www.kremlin.ru/appears/2006/05/10/1357_type63372type63374type82634_105546.shtml

¹⁰ http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=demo_frate&lang=en

пропагандистские, информационные и финансовые меры. В качестве примера можно привести семейные детские сады. Семейный детский сад является структурным подразделением муниципального ДООУ, родители находятся в его штате и за уход за своими детьми получают зарплату. Данная мера вводится с целью снижения очередей в муниципальные ДООУ, однако ее можно применять более широко, потому что по нашим расчетам [28], матерям с двумя-тремя детьми дошкольного возраста для государства с экономической точки зрения выгоднее не предоставлять места в ДООУ, а стимулировать домашние формы ухода за детьми. Можно предложить и другие меры, например, полностью включать время, проведенное в отпуске по уходу за детьми в пенсионный стаж, и предоставлять матерям, воспитавшим более определенного числа детей, по достижении ими совершеннолетия единовременное пособие¹¹.

Наконец, для принятия правильных решений, необходимо повысить уровень информационной обеспеченности данного процесса: провести обследования бюджетов времени, труда по уходу за детьми как фактора репродуктивного поведения и репродуктивных установок.

Литература

1. Артемов В.А. Тенденции изменения повседневной деятельности населения в 1970-1990-е годы // Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-е, 1999. – С. 573-593.
2. Архангельский В.Н., Дудченко О.Н., Мытиль А.В., Шилова Л.С. Судьба семьи – судьба человечества // Проблемы родительства и планирования семьи. М.: ИС РАН, 1992. – С. 28-59.
3. Борисов В.А. Перспективы рождаемости // Демографическая дезорганизация России: 1897-2007. Избранные труды. Редактор-составитель А.И. Антонов. М.: NOTA BENE, 2007. – С. 14-217.
4. Булатов И.П. Любовь и семья. Вологда: Товарищеское издание, 1924.

¹¹ Похожее пособие в настоящее время предоставляется в республиках Татарстан и Марий Эл.

5. Валентей Д.И., Ягодкин В.Н. Воспроизводство рабочей силы при социализме. М.: Высшая школа, 1967.
6. Вольфсон С.Я. Социология брака и семьи: Опыт введения в марксистскую гененомию. Минск: БГУ, 1929.
7. Гельвеций К.А. Об уме. М.: Государственное социально-экономическое издательство. 1938.
8. Гиляров-Платонов Н.П. Основные начала экономии. М.: Техник, 1889.
9. Голод С.И. Будущая семья, какова она? (социально-нравственный аспект). М.: Знание, 1990.
10. Демографические проблемы занятости / Литвяков П.П. (ред). М.: Экономика, 1969.
11. Ильшев А.М., Лаврентьева И.В. Стратегия репродуктивного труда в производство // Социологические исследования, № 3, 2003. – С. 58-66.
12. Кваша А.Я. Проблемы экономико-демографического развития СССР. М.: Статистика, 1974.
13. Каменский Г.П. Новый опыт о богатстве народном. Санктпетербург: Типография Главного Штаба Его Императорского Величества по Военно-Учебным заведениям, 1856.
14. Карлсон А. Общество – Семья – Личность: Социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход / Перевод с английского под ред. профессора А.И. Антонова. М.: Издательский дом «Грааль», 2003.
15. Киселева Г.П. Положение женщин и демографическая политика // Женщины на работе и дома. М.: Статистика, 1978. – С. 3-18.
16. Коллонтай А.М. Семья и коммунистическое государство. М., Пг.: Тип. Т-ва Кушнерев и К. 1918.
17. Ленин В.И. Великий почин (О героизме рабочих в тылу. По поводу «коммунистических субботников»). Полн. собр. соч. Т. 39. – С. 1-29.
18. Луначарский А.В. Мораль с марксистской точки зрения. Харьков: Пролетарий, 1925.
19. Маркс К. Собр. соч. Т. 23. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1960.
20. Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. I. М.: Прогресс, 1993. М.: Прогресс, 1993.

21. Мещерякова С.М. Особенности “комплекса оживления” у младенцев при воздействии предметов и при общении со взрослыми // Вопросы психологии. 1975. № 5. – С. 81-89.
22. Никитенко В.В. Длина поколения как масштаб демографического времени и его практическое применение // Демографические тетради. Вып. 9. Киев: Институт экономики АН УССР, 1974. – С. 142-161.
23. Радаев В.В. Экономическая социология. Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1998.
24. Сабсович Л.М. Социалистические города. М., 1929.
25. Сабсович Л.М. О строительстве социалистического города. М.: Московский рабочий, 1930.
26. Сеница А.Л. Социально-экономические аспекты выбора способа ухода за ребенком // Социально-экономическая политика: уровень жизни населения Российской Федерации. Вып. 6. – М.: ВЦУЖ, 2007. – С. 82-85.
27. Сеница А.Л. Труд по уходу за детьми и их воспитанию в доклассической европейской экономической мысли // Вестник МГУ. Серия Экономика, 2009. – № 6. – С. 56-66.
28. Сеница А.Л. Экономическая эффективность форм ухода за детьми дошкольного возраста и их воспитания // Инновационное развитие экономики России: институциональная среда: Четвертая международная научная конференция; Сборник статей: Том 4 / Под ред. В.П. Колесова, Л.А. Тутова. М.: МАКС Пресс, 2011. – С. 1060-1068.
29. Сеница А.Л. Уход за детьми дошкольного возраста как фактор репродуктивного поведения в современной науке: теоретические подходы. – В печати.
30. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011: Стат.сб. / Росстат - М. : ИИЦ «Статистика России», 2011.
31. Сэй Ж.-Б. Трактат по политической экономии. М.: Дело, 2000.
32. Фурье Ш. Новый хозяйственный и социетарный мир, или Открытие способа привлекательного и природосообразного труда, распределенного в сериях по страсти // Избранные сочинения. Т. III. М.: издательство Академии Наук СССР, 1954.

33. Фурье Ш. Новый хозяйственный и социетарный мир, или Открытие способа привлекательного и природосообразного труда, распределенного в сериях по страсти // Избранные сочинения. Т. IV. М.: издательство Академии Наук СССР, 1954.
34. Adserà A. Changing Fertility Rates in Developed Countries. The Impact of Labor Market Institutions // *Journal of Population Economics*, Vol. 17, № 1, 2004. – P. 17-43.
35. Becker G. S. An economic analysis of fertility // *Demographic and Economic Change in Developed Countries*. Princeton, NJ: National Bureau of Economic Research, 1960. – P. 225-256.
36. Becker G.S. Theory of the Allocation of Time // *The Economic Journal*, Vol. 75, № 299, 1965. - P. 493-517.
37. Becker G.S. A Treatise on the Family. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981.
38. Belsky J., Lerner R.M., Spanier G.B. The Child in the Family. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1984.
39. Chesnais J.-C. Below-replacement Fertility in the European Union (EU-15): Facts and Policies, 1960–1997 // *Review of Population and Social Policy*, Vol. 7, 1998. – P. 83–101.
40. Craig L. Children and the revolution: A time-diary analysis of the impact of motherhood on daily workload // *Journal of Sociology*, Vol. 42, № 2, 2006. – P. 125-143.
41. Crittenden A. The Price of Motherhood. New York: Henry Holt and Co, 2001.
42. Easterlin R.A. On the relation of economic factors to recent and projected fertility changes // *Demography*, Vol. 3, № 16 1966. – P. 131-153.
43. Easterlin R.A., Pollak R.A., Wachter M.L. Towards a more general model of fertility determination: Endogenous preferences and natural fertility // *Population and Economic Change in Less Developed Countries* / R.A. Easterlin (ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1980. – P. 81-150.
44. England P., Folbre N. Contracting for Care // *Feminist Economics Today: Beyond Economic Man* / Ferber N. and Nelson J. (eds.). Chicago, IL and London: University of Chicago Press, 2003. – P. 61-80.
45. Folbre N. Who Pays for the Kids? Gender and the Structures of Constraint. London and New York: Routledge, 1994.

46. Folbre N. Valuing Parental Time: New Estimates of Expenditures on Children in the United States in 2000. Paper presented at «Supporting Children: English-speaking Countries in an International Context». Princeton University, Princeton, NJ, January, 2004.
47. Gershuny J. Changing Times: Work and Leisure in Post-industrial Societies. Oxford: Oxford University Press, 2000.
48. Gini C. The Italian Demographic Problem and the Fascist Policy on Population // *The Journal of Political Economy*, Vol. 38, № 6, 1930. – P. 682-697.
49. Gini C., Caranti E. The Family in Italy // *Marriage and Family Living*, Vol. 16, № 4, International Issue on the Family, 1954. – P. 350+355-361.
50. Ironmonger D. Counting Outputs, Capital Input and Caring Labour: Estimating Gross Household Product // *Feminist Economics*, Vol. 2, № 3, 1996. – P. 37–64.
51. Kalwij A. The Impact of Family Policy Expenditure on Fertility in Western Europe // *Demography*, Vol. 47, № 2, 2010. – P. 503-519.
52. Klevmarken, N. A., Stafford F.P. Measuring investment in young children with time diaries // *Wealth, Work, and Health: Innovations in Measurement in the Social Sciences* / Smith J. P., Willis R. J. (eds.). Ann Arbor: University of Michigan Press, 1999. – P. 34- 63.
53. Lewis J. Employment and care: The policy problem, gender equality and the issue of choice // *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*, Vol. 8, № 2 2006. – P. 103-114.
54. McMahon A. Taking Care of Men: Sexual Politics in the Public Mind. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
55. Parliamentary Papers. Report from the Select Committee on Labourers Wages. London: House of Commons, 1824.
56. Reid M. Economics of Household Production. New York: John Wiley and Sons, 1934.
57. Reid, M.G. Trends in Work of Married Women // *Marriage and Family Living*, Vol. 5, № 4, 1943. – P. 80-83+95.
58. Report from His Majesty's Commissioners for inquiring into the administration and practical operation of the Poor Laws. London: B. Fellowes, 1834.

59. Rindfuss R.R., Guilkey D.K., Morgan S.P., Kravdal Ø. Child-Care Availability and Fertility in Norway // Population and Development Review, Vol. 36, № 46 2010ю – P. 725–748.

Мкртчян Н.В.¹

**ПРОБЛЕМЫ УЧЕТА НАСЕЛЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ
ВОЗРАСТНЫХ ГРУПП В ХОДЕ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ
2010 Г.: ПРИЧИНЫ ОТКЛОНЕНИЙ ПОЛУЧЕННЫХ
ДАННЫХ ОТ ОЖИДАЕМЫХ²**

Последняя перепись населения России, прошедшая в 2010 г., скорректировала в сторону увеличения численность населения России и отдельных ее регионов. Глубоко не вдаваясь в подробности расчетов расхождений в численности населения, полученного методом оценки на дату переписи (производилась Росстатом), и данных переписи, отметим, что суммарное отклонение в данных переписи 2010 г. от текущей оценки на дату переписи составило +979,6 тыс. человек, что само по себе немного. Достаточно вспомнить, что отклонение данных по итогам предыдущей (2002 г.) переписи составляло 1,8 млн человек, однако, тот межпереписной период был почти вдвое продолжительнее, на него пришлось наиболее сложные события в жизни страны: распад СССР и связанные с этим массовые вынужденные миграции, вооруженные конфликты на Кавказе и др. Серьезным изменением подверглись системы сбора данных о населении, де-юре была отменена прописка, произошла ее замена на регистрацию населения по месту жительства и месту пребывания. Все это, с одной стороны, отразилось на процедурах текущего учета населения, и с другой стороны, усложнило проведение постсоветских переписей населения.

По итогам переписи 2002 г. сельское население оказалось на 544,1 тыс. ниже оценки, а городское – на 1523,9 тыс. выше. Это является подтверждением тенденции стягивания населения в города, т.к., по данным текущего учета, за 2003-2010 гг. во внутрироссийской миграции отток из сельской местности в города составил 644,2 тыс. человек. Получается, что суммарный отток населения из сельской местности в города за межпереписной период составил почти 1,2 млн человек или 150 тыс. в среднегодовом исчислении. В сравнении с 1950-1970 гг. это

¹Мкртчян Никита Владимирович – в.н.с. Центра демографических исследований Института демографии НИУ ВШЭ

² Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 году.

немного, но этот отток, учитывая его возрастной профиль и качественную составляющую, серьезно усугубляет депопуляционные процессы в сельской местности.

Как и по итогам переписи 2002 г., наибольшие отклонения «вверх» отмечены в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области, ряде регионов Южного и Северо-Кавказского округов. При этом большая часть регионов России (45 из 83) населения недосчитались [6].

Росстат, как и после переписи 2002 г., относит отклонение численности населения на недоучет миграции в межпереписной период. Это – наиболее простой и, на первый взгляд, логичный путь, тем более что проблемы текущего учета миграции – как международной, так и внутренней – общеизвестны. На основе анализа данных об общей численности населения, полученных по отдельным регионам, эта позиция уже подвергалась сомнению [6]. В данной статье предпринята попытка провести анализ различий отклонений в численности отдельных возрастных групп населения между оценкой на дату переписи и данными переписи 2010 г. В основу оценки положена прогнозируемая оценка численности и состава населения, полученных с использованием метода когортного компонента, основанного на результатах Всероссийской переписи населения 2002 года, а также на данных о рождаемости, смертности и миграции за межпереписной период, соотнесенная с результатами Всероссийской переписи населения 2010 года³.

Анализ специфики вышеназванных различий в половозрастном разрезе, в т.ч. по отдельным регионам страны, позволяет понять их природу, выявить наиболее острые проблемные места в данных текущего учета и переписей населения и учитывать их в исследовательских работах. Сознательно отходя от анализа «традиционных» ошибок переписей (проблемы возрастной аккумуляции, завышения возраста пожилыми людьми и т.п. [1]), а также такого важного источника для сопоставлений, как данные об этническом составе населения по рассматриваемым переписям [3], рассмотрим данные по отдельным возрастным группам.

Население в возрасте 0-16 лет. Перепись обнаружила «нехватку» детей в возрасте 0-6 лет, суммарно оцениваемую в 214,3 тыс. человек, в т.ч. в возрасте 0-2 лет – 193 тыс., т.е. данные

³ Оценка численности и расхождений между разными источниками данных произведены Е.М. Андреевым (РЭШ)

переписи о численности детей оказались ниже текущей оценки. Нехватка детей имеет место как для городского, так и для сельского населения. Данные прошлой переписи никак не влияют на численность данной возрастной группы населения. Переучет рождений в ходе текущего учета населения теоретически возможен, учитывая выплаты семьям (пособия и материнский капитал), но вряд ли мог повлиять на численность детей столь сильным образом. Недоучет текущим учетом детских смертей также не мог быть так велик. Нехватка детей в дошкольном возрасте отмечается в подавляющем большинстве регионов России, в т.ч. в возрасте 0-2 лет – в 76 регионах из 83.

Предположение, что эти расхождения могут быть вызваны эмиграцией, видимо, безосновательны, т.к. дети в данном возрасте мигрируют только в составе семей, и их оттоку должен был бы соответствовать отток из страны людей в возрасте 20-40 лет. Возможны случаи международных усыновлений, но они имели существенно меньшие масштабы, и, скорее всего, отражались в статистике. «Переоценка» текущим учетом прибытий детей данного возраста также не может объяснить расхождение данных: ежегодно в Россию прибывают, по данным текущей статистики, менее 1 тыс. детей в возрасте 0 лет и 1-1,5 тыс. детей в возрасте 1 года, т.е. сильно это повлиять не могло.

По всей вероятности, детей в данном возрасте перепись недоучла, эта проблема была характерна, правда, в меньшей степени, и для переписи 2002 г. [1]. Недоучла настолько, что, во избежание явного провала в численности данной возрастной группы, необходимо пользоваться данными оценки, основанной на данных текущего учета, а не переписи.

В возрастной группе 7-16 лет данные переписи, напротив, превысили текущую оценку на 310 тыс. человек. Но дети не ездят самостоятельно, такое превышение возможно в случае въезда, иммиграции семей. По оценке Центра миграционных исследований, сделанной на основе выборочных социологических опросов временных трудовых мигрантов из стран СНГ в Россию, примерно 10% мигрантов приезжают в Россию с детьми. Если принять эту оценку, то отмеченное отклонение числа детей за счет международной миграции должно соответствовать отклонению численности взрослого населения в возрастах 25-50 лет в 3 млн человек, а оно было в разы меньшим. В то же время, оценки численности временных трудовых мигрантов в России в 2008 г.

составляли от 2,9 до 4,3 млн человек, в 2009 г. – от 2,5 до 3,6 млн человек [12]. Если бы этих людей удалось учесть в ходе переписи, отклонения в численности населения в рабочих возрастах между переписью в текущей составляли бы не 0,5 млн человек, а 3-4 млн.

В региональном разрезе 2/3 превышения в числе детей приходится на Москву (109 тыс.), Московскую область (36 тыс.) и регионы Северного Кавказа. В столице такая ситуация сложно объяснима. В Москве, по данным текущей оценки, число детей в возрасте 7-16 лет составляло 776,5 тыс. человек, а по данным переписи – 885 тыс. человек. По оценке ФГНУ «Центр социологических исследований» Минобразования России [10], в Москве число детей, посещающих школу, в 2010/2011 учебных годах составляло 734 тыс. человек. Предположить, что в ходе переписи в Москве удалось учесть более 100 тыс. детей, не посещающих школу, наверное, не представляется возможным, если они и были, то, скорее, могли быть недоучтены переписью. Но и в республиках Северного Кавказа, характеризующихся оттоком населения, а также слабой надежностью данных переписи 2002 г. (превышение над текущей оценкой примерно в 1 млн. человек), объяснение «избыточного» числа детей их миграционным притоком выглядит более чем странным.

Представляется, что целесообразно провести сравнение численности детей школьного возраста с численностью детей, посещающих общеобразовательные учреждения, и по отдельным регионам оценить причины полученных несоответствий.

Какую-то долю превышения числа детей можно объяснить их недоучетом, особенно если речь идет о самых маленьких детях, в ходе переписи 2002 г., и соответствующей недооценкой в ходе текущих расчетов на дату переписи. Из 310 тыс. превышения численности детей в возрасте 7-16 лет 140 тыс. приходится на возраст 8-10 лет, им при прошлой переписи было, соответственно, 0-2 года, их число могло в 2002 г. быть недооценено [1]. Но все превышение объяснить погрешностями прошлой переписи трудно.

Возможно, в столичном регионе часть превышения численности детей объясняется их реально лучшим учетом, т.к. в переписи могли участвовать семьи условно-временных мигрантов, не имеющих регистрации по месту жительства (что весьма распространено). По-видимому, основной причиной превышения численности детей школьного возраста по данным переписи в сравнении с текущей оценкой является двойной учет, возможно,

наиболее выраженный в таких регионах, как Москва, Московская область и регионы Северного Кавказа.

Население в трудоспособном возрасте. Перепись показала существенное превышение численности населения в возрастах от 17 до 22 лет – возраст наиболее активного обучения в вузах, ссузах, службы в армии по призыву. В сравнении с текущей оценкой превышение составляет 647 тыс. человек, это 2/3 суммарного превышения данных переписи над текущей оценкой. На учебную миграцию из-за пределов страны такую величину прироста списать невозможно. По данным Росстата [9], в России в 2009/2010 учебном году очно обучались 25,6 тыс. студентов из стран СНГ, а общее число иностранных граждан очной формы обучения (иностранцы студенты, стажеры, аспиранты, слушатели подготовительных отделений) в российских вузах составляло, по данным А.Л. Арефьева [2], в 2008/2009 учебных годах 108,6 тыс. человек. Следует иметь в виду, что и число российских граждан соответствующих возрастов, обучающихся за рубежом, составляет сопоставимую величину, и они переписью были, в большинстве случаев, учтены в населении России.

Как показывают данные текущей статистики, на данный возраст приходится пик миграционной активности россиян (рис. 1), причем в большей мере это касается внутренней миграции, чем международной, у которой пик смещен в сторону старших возрастных групп (25-35 лет). Это же показывают данные выборочных обследований. Поэтому в том, что такое существенное превышение численности населения в возрасте 17-22 лет объясняется сравнительно лучшим учетом международной миграции, есть серьезные сомнения, т.к.:

1) международные мигранты в большинстве приезжают в Россию в более зрелом возрасте, и вряд ли переписи удалось собрать сведения только о наиболее молодой их части. Если предположить, что миграционный прирост молодежи, полученный по результатам переписи, накапливался несколько лет, то это будет означать, что они приезжали в Россию в еще более юном, фактически в детском возрасте, т.к. не все эти «мигранты» приехали в Россию в предпереписной год;

2) превышение равномерно распределено по полу, тогда как известно, что в потоке временных трудовых мигрантов, явно недоучитываемых текущей статистикой, преобладают мужчины, особенно в группе самых молодых иностранных работников. По

оценкам, основанным на данных выборочных обследований мигрантов, в 2000-е гг. соотношение мужчин и женщин в потоке несколько выровнялось [8], но все равно перевес мужчин очевиден.

Рис. 1. Распределение прибывших по возрасту, % от всего потока. Россия, внутренняя и международная миграция, 2005-2009 гг.

Источник: Росстат, данные текущего учета

Можно предположить, что в целом по стране превышение численности населения в данной группе возникло в результате двойного учета студентов, обучающихся не в своем городе (Е.М. Андреев пишет о двойном учете «подвижных групп населения», включая сюда как студентов, так и проходящих военную службу по призыву [1]). В силу особенностей текущего учета миграции подавляющая часть их, прежде всего, проживающие в общежитиях, были невидимы для текущей статистики (т.к. оформляли регистрацию на срок менее 1 года) [11]⁴. Двойной учет данной группы населения возможен вследствие прохождения переписи по месту учебы и включения в состав членов домохозяйств по месту постоянного проживания, со слов родителей и других родственников. Т.е. при переписи, в сравнении с текущим учетом,

⁴ Новая норма, согласно которой учету подлежат зарегистрированные по месту пребывания на срок 9 месяцев и более и позволяющая учитывать миграцию студентов, была введена с 2011 г., т.е. после проведения переписи.

студенческая миграция была учтена более полно, однако учет студентов одновременно по месту постоянного жительства привел к искажению численности населения в данном возрасте по России в целом, а также в регионах и поселениях преимущественного выезда молодежи на учебу. В этих регионах население в студенческих возрастах завышено.

Наиболее сильное превышение переписных данных о населении в возрасте 17-22 лет над оценками на основе текущего учета отмечено в следующих 10 регионах: Москве, Санкт-Петербурге, Ставропольском крае, Ростовской области, Республике Дагестан, Московской области, Краснодарском крае, Новосибирской, Нижегородской и Томской областях. Только одна Москва получила дополнительный приток населения в данном возрасте в размере 276 тыс. человек. Во всех вышеназванных регионах, за исключением Дагестана, это можно объяснить притоком молодежи из других регионов на учебу. С другой стороны, 36 регионов России недосчитались молодежи основных студенческих возрастов, эта суммарная «нехватка» составляет 211 тыс. человек. Большинство из регионов, недосчитавшихся молодежи в возрасте 17-22 лет – территории со сравнительно слабо развитой инфраструктурой высшего профессионального образования, демонстрирующие миграционный отток и по данным текущего учета населения или отток лиц в молодых возрастах (например, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа).

«Нехватка» населения в сельской местности прежде всего касается молодежи в студенческих возрастах (17-22 лет): село недосчиталось 533,6 тыс. жителей данного возраста. В возрасте 25-30 лет перепись показала на 137 тыс. больше сельских жителей, чем давала текущая оценка, что может свидетельствовать о возвращении части студентов, зафиксированных переписью 2002 г. в городах, на прежнее место жительства после окончания учебы.

Неправильный счет при переписи населения студенческих возрастов, их двойной учет приведет к разным последствиям для регионов, «принимающих» и «отдающих» молодежь. Ведь после завершения учебы часть студентов возвращается к месту постоянного проживания, часть остается проживать по месту прохождения учебы. В условиях неполноты текущего учета, это может иметь следующие следствия:

1) для регионов, где перепись учла «иногородних» студентов, выезд части из них к месту постоянного жительства не

будет учтен текущей статистикой. С этим, в частности, связана «нехватка» по данным переписи населения в возрасте 24-29 лет (те, кому на дату предыдущей переписи (2002 года) было 16-21 год) – на 457 тыс. человек. В результате численность людей в соответствующих возрастах в регионах и городах, наиболее активно привлекающих молодежь на учебу (Москва, СПб, Новосибирск, Томск, Екатеринбург и другие крупные вузовские центры), будет преувеличена вплоть до следующей переписи населения. Ведь их выезда текущая статистика не фиксирует, как не фиксировала въезда.

Ту часть бывших студентов, которые остались проживать по месту учебы, текущая статистика, скорее всего, учтет с определенным временным лагом, по мере того, как они обзаведутся семьями и зарегистрируются по месту пребывания или жительства у мужа (жены), или приобретут жилье, или иным образом оформят постоянную регистрацию;

2) для регионов, районов и поселений, молодежь из которых выезжает на учебу, в условиях их неправильного, двойного учета при переписи, их возврат будет означать «исправление» ситуации, т.к. в текущем учете эта миграция, по большей части, не получила отражение. По-видимому, студентов при переписи правильнее было бы учитывать по месту постоянного проживания, а еще лучше было бы вернуться к сбору сведений о постоянном и наличном населении, как это практикуется в ряде стран, например Кыргызстане [7].

Получается, что студенты, обучающиеся не по месту постоянного проживания – своего рода «нестареющий спецконтингент», который в ходе переписи формирует основу двойного счета населения. Как было показано, проблемы с учетом лиц в данном возрасте влияют не только на корректность данных последней переписи, но и создают проблемы для следующего ценса.

К этому стоит добавить, что сравнение численности населения отдельных возрастных групп по муниципалитетам ранга городов и административных районов по данным трех последних переписей (1989, 2002 и 2010 гг.) методом передвижки возрастов подтверждает процесс стягивания молодого населения в региональные центры с внутрирегиональной периферии. Расчеты по 20 регионам России показали, что в период 1989-2002 гг. сельская местность (районы кроме ближайшей зоны городов) ежегодно теряла 20-25% молодежи в результате выезда в города, прежде всего – региональные столицы [4]. В отдельных регионах эти

потери доходили до 40% (Бурятия, Омская, Томская области). При этом практически не играет роли, на каком расстоянии от регионального центра находится сельская местность (если только это не маятниковая доступность) – все районы теряют молодежь примерно одинаково. Региональные столицы в свою очередь притягивают дополнительно 25-30% молодежи.

В межпереписной период 2003-2010 гг. процесс стягивания молодежи в региональные центры продолжался. Согласно расчетам по 7 субъектам РФ (Табл. 1), столицы регионов и пристоличные районы прирастали молодежью студенческих возрастов более чем на 20%, зачастую более чем на 40%, а периферия теряла 20-40%. В городах, где функционируют крупнейшие вузы (Томск, Ростов) приток молодежи идет не только из «своего» региона, но и из соседних. Даже в тех областях и республиках, откуда идет отток молодежи (суммарно по региону), столицы притягивают молодежь.

Таблица 1
Численность населения в возрасте 18-22 лет в 2010 г. в региональных центрах и остальных городах и районах, в % к соответствующим детским контингентам (10-14 лет) на дату переписи 2002 г.

Название региона	Столица региона и «пристоличный» район*	Остальные города и районы
Костромская область	127,4	60,2
Курская область	133,9	62,8
Ростовская область	148,6	98,2
Республика Башкортостан	143,2	77,5
Пермский край**	122,2	71,2
Томская область	205,5	59,7
Иркутская область	140,1	67,9

* выделение «пристоличных районов связано с тем, что они образуют со столицей фактически единое пространство расселения, разделенное только административной границей

** без районов, ранее входивших в Коми-Пермяцкий АО

В наиболее удаленной сельской периферии потери молодежи могут достигать 60% (Костромская область), т.е. такая доля выпускников школ выезжает из своих районов и небольших городов на учебу или работу. Учитывая, что студентов могли

учитываться дважды, это – минимальная оценка потерь молодежи региональной периферией. Население внутрирегиональной периферии в последний межпереписной период сокращалось быстрыми темпами, прежде всего благодаря миграционному оттоку в региональные центры. Выезд молодежи меняет возрастную структуру населения и ускоряет депопуляцию.

В отличие от молодежи, население в возрасте 30-59 лет по данным переписи увеличилось умеренно – на 232 тыс., что можно бы было отнести на счет неучтенной международной миграции. В сравнении с другими возрастными группами эти отклонения самые незначительные и легко объяснимые за счет более полного учета переписью международных мигрантов.

Однако и здесь не обходится без сложно объяснимых расхождений в данных. Так, в Москве недосчитались 73 тыс. мужчин в возрасте 38-60 лет, наглядно это показано в работе К. Китовой по Москве [5]. Скорее всего, это является следствием переучета переписью мужчин в средних возрастах в ходе переписи 2002 г. и не говорит, скажем, о неучтенном статистикой выезде мужчин в трудоспособных возрастах из Москвы. Именно по мужчинам трудоспособных возрастов отклонения данных по Москве в ходе переписи населения 2002 г. были наиболее велики. Не будь их, отклонения в данных переписи 2010 г. по ряду регионов были бы больше. Здесь мы вновь сталкиваемся с необходимостью комплексного рассмотрения проблем, возникших при переписях 2002 и 2010 гг.

Население в пенсионном возрасте. Превышение численности населения в возрасте 60 лет и старше составляет 475 тыс. человек, это почти половина добавленного переписью населения. Вряд ли такое большое расхождение в численности населения по стране в целом можно отнести на счет более полного учета международных мигрантов в пожилых возрастах при переписи:

1) лица в данной возрастной группе в сравнении с другими категориями населения являются, видимо, наиболее законопослушными и заинтересованными в оформлении регистрации, т.к. с ней связано оформление пенсии и получение социальных выплат;

2) в международной миграции люди в возрасте около 60 лет участвуют, но вряд ли их переезд в Россию не видит статистика, хотя бы с временным лагом. В таком возрасте люди приезжают в

Россию не в качестве временных мигрантов, а на ПМЖ, что обычно сопровождается соответствующим оформлением, т.е. миграционная статистика их в большинстве учитывает. Исключения возможны, но вряд ли они могут быть определяющими. Массовый недоучет лиц в предпенсионных и ранних пенсионных возрастах маловероятен и в ходе переписи 2002 г., т.е. недостатки предыдущей переписи так сильно повлиять вряд ли могли.

Учтенный статистикой миграционный прирост населения в данной возрастной группе за межпереписной период составил 180 тыс. человек. Если признать, что перепись позволила учесть незарегистрированную миграцию лиц данной возрастной группы, получается, что более 70% миграционного прироста пожилых людей не учтено статистикой. Каковы же тогда должны быть реальные масштабы миграции лиц в трудоспособных возрастах, если их недоучет пропорционален недоучету пожилых?

Возможно, превышение числа пожилых людей в ходе переписи в основном объясняется их двойным учетом. Он мог происходить по месту их регистрации по месту жительства (при заполнении переписных опросников по данным домовых книг) и по фактическому месту пребывания – в городе у родственников (у детей), на даче (в деревне). Люди в данных возрастах могли чаще других быть переписаны по месту фактического пребывания в больницах и иных заведениях и по месту регистрации по домовым книгам.

Важно, что большая доля «переучтенного» переписью пожилого населения приходится на Москву, Московскую область, Санкт-Петербург и Ленинградскую область. Вряд ли лица в пенсионных возрастах приезжали в эти регионы и не оформляли длительной регистрации. Именно в этих регионах выше пенсионные выплаты (региональные надбавки), но получать их можно при оформлении регистрации, т.е. для текущего учета эти люди должны быть видимы. Скорее всего, именно эти регионы прежде всего «ответственны» за двойной учет лиц пенсионного возраста.

«Переучет» лиц пенсионных возрастов при переписи – явление практически повсеместное, как и недоучет детей. Исключением здесь служат республики Северного Кавказа (за исключением Карачаево-Черкессии), а также ХМАО, ЯНАО и некоторые другие регионы севера страны. Но причины «нехватки» пенсионеров в них разные. На Северном Кавказе это, возможно, следствие сильного переучета населения при переписи 2002 г., в

северных территориях – недоучет выезда пенсионеров на «большую землю». Имеет место и нехватка лиц пенсионного возраста в сельской местности – перепись недосчиталась 153 тыс. людей в возрасте старше 70 лет.

Как уже говорилось, понять проблемность данных можно сочетанием рассмотрения расхождений по отдельным возрастным группам и отдельным регионам. Показательны расхождения в численности населения отдельных возрастов в отдельных группах регионов. Так, по возрастной структуре «нехватки» населения 12 регионов, где ее величина превышает -3% от оценки⁵ (т.е. в наибольшей мере «недобравших» население по переписи), представлено на рис. 2. Этот профиль очень близок к профилю внутренней миграции в России в 2000-е гг. с той лишь разницей, что в пожилых возрастах отмечено небольшое отклонение в положительную сторону (т.е. проблема переучета пожилых имеет место и здесь). Переписи не в полной мере удалось «увидеть» неучтенный статистикой выезд населения из этих регионов в регионах притока.

⁵ Республики Коми и Карелия, Мурманская, Кировская, Оренбургская, Курганская области, Ямало-Ненецкий АО, Тыва, Амурская, Камчатская области, Хабаровский край и Еврейская АО

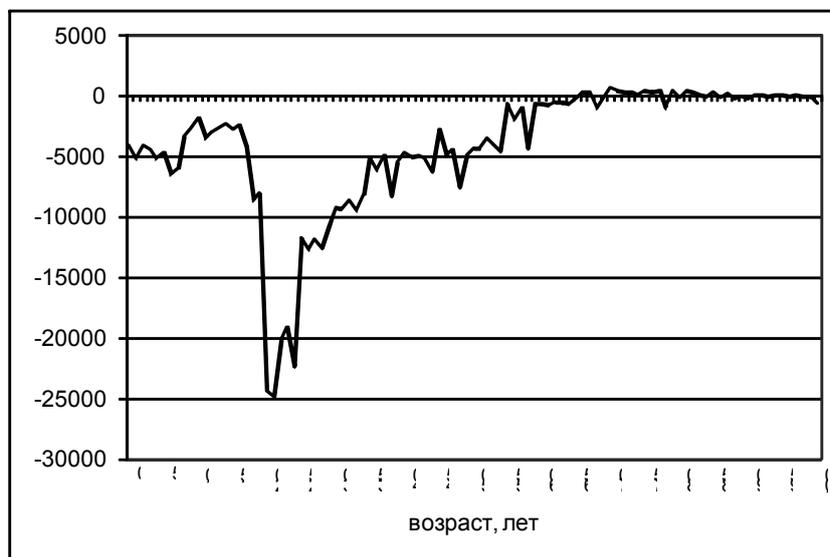

Рис. 2. Распределение отклонений численности населения по переписи 2010 г. от оценки на основе текущего учета по 12 регионам с отклонением -3% и более по возрасту, человек

К этому стоит добавить, что в других регионах, недосчитавшихся населения в меньшей мере (например, Челябинская, Омская, Свердловская, Иркутская области, Алтайский край), превышение отмечено только по студентам (что вполне справедливо для многих из этих регионов, где есть крупные вузовские центры, но не исключает двойной учет этой категории населения в целом по стране) и пенсионерам. Здесь отток населения микшируется двойным учетом по отдельным возрастам, что сглаживает общий недостаток населения (Рис. 3).

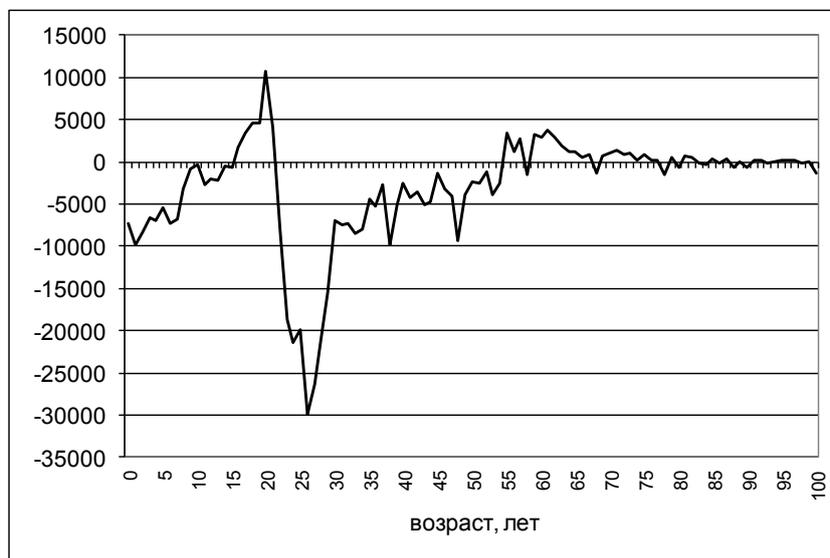

Рис. 3. Распределение отклонений численности населения по переписи 2010 г. от оценки на основе текущего учета по 5 регионам с отклонением 1-3%, по возрасту, человек

В обоих случаях (Рис. 2 и 3) мы сталкиваемся не только с проблемами переписи 2010 г., но и с вероятным переучетом отдельных возрастных групп населения (прежде всего 17-22 лет) при переписи 2002 г., т.е. с необходимостью комплексного рассмотрения проблем обеих переписей.

Итак, если объяснять расхождение в численности отдельных возрастных групп населения по текущей оценке и данным переписей, возрастная структура мигрантов, прибывших в Россию в последний межпереписной период, скорректированная с учетом итогов переписей (Рис. 4), выглядит неправдоподобно. Провал в возрасте 0-4 лет является следствием недоучета детей при переписи. Но и в возрастах старше 5 лет кривая трудно поддается интерпретации. Не понятно, откуда взялось такое число детей 10-14 лет, почему лица в возрасте 25-29 лет так интенсивно покидают Россию (предположить эмиграцию можно, но не только в данной возрастной группе). Не менее загадочно выглядит большое число прибывших в Россию лиц в возрастах 55 лет и старше.

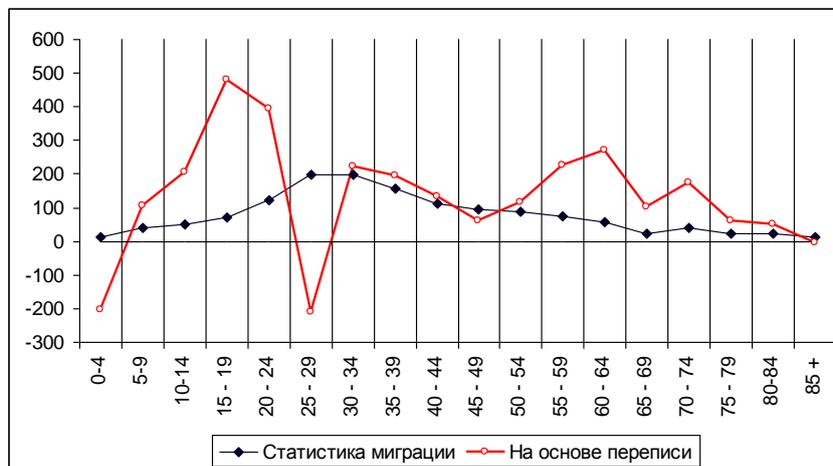

Рис. 4. Распределение по возрасту миграционного прироста России в межпереписной период, тыс. человек

Источник: расчеты Е.М. Андреева (РЭШ)

Если сойти с позиции об объяснении причин расхождения численности населения за счет неучтенной статистикой миграции и допустить, что расхождение итогов переписи 2010 г. с текущими оценками может иметь иное объяснение, то можно утверждать, что пик расхождений в возрастах 10-14, 15-19 и 20-24 лет есть следствие двойного счета. Молодые люди, сменившие место пребывания в связи с учебой или службой в армии по призыву, оказались учтенными и по месту их фактического нахождения, и в родительской семье. Аналогичная ошибка в 2002 г. привела к нехватке людей в возрасте 25-29 лет. Превышение численности пожилых, скорее всего, связано с наличием у них двух мест жительства: городского и загородного, и возможностью быть учтенными переписью по двум адресам.

Сопоставление отклонений в численности населения России в целом и отдельных регионов позволяет сделать следующие общие **выводы**.

1. При оценке расхождений данных переписи и текущего учета населения по отдельным возрастным группам населения выявились проблемы, которые имели повсеместный характер:

- недоучет детей в возрасте 0-6 лет и особенно – 0-3 лет;

- двойной учет «иногородних» студентов, т.е. лиц в возрасте 17-22 лет;

- двойной учет лиц пенсионных возрастов.

2. Многие проблемы учета населения наиболее ярко проявились в отдельных регионах и их группах. Так, проблемы учета студентов наиболее ярко проявились в крупнейших городах, здесь же более видны последствия переучета отдельных групп населения в ходе прошлой переписи. Есть и регионы (Дагестан, Карачаево-Черкессия, Москва) [6], где общие проблемы учета населения повлияли на результаты переписи сильнее, чем ошибки учета отдельных проблемных групп населения.

Надо понимать, что двойной учет отдельных категорий лиц, стремление учесть как можно больше населения в отдельных регионах и муниципалитетах при всей кажимости не означает более полного учета проблемных (с точки зрения текущего учета, и, приходится признать, переписи) категорий населения. Двойной учет студентов и пенсионеров не дает представления о реальной численности неучтенных статистикой мигрантов. Не может послужить этой цели и преувеличение численности населения Дагестана и даже Москвы.

3. Поэтому, понимая региональные и общие проблемы учета населения при переписи 2010 г., можно судить о том, насколько адекватно перепись оценила суммарную численность жителей России. То население, от которого отталкивается текущий учет (постоянное население), скорее всего, преувеличено на 2-3 миллиона, учитывая нерешенные проблемы, связанные с переписью 2002 г. Но вместе с тем, слабый учет переписью международных мигрантов позволяет утверждать, что фактическое население России все же больше «увиденных» переписью 143 млн чел. По оценкам, на территории России в зависимости от сезона года находятся 2,5–4,5 млн иностранных граждан [12], переписчики общались лишь с очень небольшой их частью. Можно говорить и о том, что постоянное (юридическое) население России преувеличено, а наличное (фактическое) преуменьшено. Представляется, что, учитывая это, следовало бы собирать информацию по двум категориям населения, это сняло бы ряд проблем переписи, в т.ч. региональных.

4. Если исходить из того, что целью переписи и гарантом ее практической и научной значимости является получение объективных данных, то необходима разработка и применение

различных “тестовых” процедур на всех этапах ее подготовки и проведения, в том числе и проверки результатов переписи ретроспективными учетными рядами и различными более тонкими структурно-балансовыми методами.

И последнее. Предпринятый критический анализ данных переписи, их «возрастного» профиля не связан с попыткой критики переписей, а направлен на подчеркивание необходимости учета особенностей счета населения отдельных, в определенной мере «проблемных», возрастов в демографических и социально-географических исследованиях.

Литература

1. Андреев Е.М. О точности результатов российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации / Вопросы статистики №11 2012. с. 21-35
2. Арефьев А.Л. Российское образование на экспорт / Демоскоп Weekly № 441-442, 1-14 ноября 2010 года URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0441/tema03.php>
3. Богоявленский Д. Перепись 2010: этнический срез / Демоскоп Weekly № 531-532, 12-25 ноября 2012 года, URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0531/tema01.php>
4. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Миграционная подвижность молодежи и сдвиги в возрастной структуре населения городов и районов России (1989–2002) / Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Майергойза. Москва: Новый хронограф, 2012. С. 688—707
5. Китова К. Роль миграции в изменении населения Москвы и Московской области: опыт оценки на основе материалов переписи 1989, 2002 и 2010 годов / Демоскоп Weekly № 519-520, 20 августа – 2 сентября 2012 года, URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0519/analit05.php>
6. Мкртчян Н.В. Динамика населения регионов России и роль миграции: критическая оценка на основе данных переписей 2002 и 2010 гг. / Известия РАН. Серия географическая. №5 2011. с. 28-41
7. Мкртчян Н.В., Сарыгулов Б.А. Миграционная подвижность населения / Население Кыргызстана в начале XXI века / под ред. М.Б. Денисенко, 2011. С. 214—245
8. Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. А.Г. Вишневский. –М.: Издат. дом НИУ ВШЭ, 2011. с. 266

9. Российский статистический ежегодник 2010.
10. Численность учащейся молодежи образовательных учреждений Российской Федерации: Среднесрочный прогноз до 2014 года и оценка тенденций до 2025 года / Под ред. Ф.Э. Шереги и А.Л. Арефьева. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 320 с.
11. Чудиновских О.С. О критическом состоянии учета миграции в России // Вопросы статистики. 2004. № 10. С. 27–36.
12. Экспертное совещание «Консенсус-оценка численности трудовых мигрантов в России», Москва, июль 2010 г. Основные результаты / сайт ЦЭПРИ: URL: <http://www.indem.ru/Ceprs/Migration/OsItExSo.htm>

Васин С.А.¹, Козлов В.А.²

ОСНОВНЫЕ И ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ИСТОНИКИ СРЕДСТВ К СУЩЕСТВОВАНИЮ СОГЛАСНО ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ – 2010

Состав населения по источникам средств к существованию

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. содержат данные о распределении населения по 12 источникам средств к существованию (далее по тексту в ряде случаев ИСС), список которых приведен в таблице 1. Различия в распространенности данных источников позволяют разделить их на 4 основных ряда

- Три самых популярных источника (источники первого ряда) – в порядке убывания их распространенности: трудовая деятельность, иждивение, пенсия³;

- Источники второго ряда: личное подсобное хозяйство (ЛПХ), пособия⁴;

- Источники третьего ряда: пенсии по инвалидности, стипендия, другой вид государственного обеспечения, пособие по безработице.

- Источники четвертого ряда: сбережения, рента с имущества.

Как показано на рисунке 1, почти три четверти населения имеют единственный источник дохода, который для этих людей и является основным. Из таблицы 1 следует, что источники «первого ряда» в большей мере концентрируются в населении с одним источником, все остальные – с несколькими, и что структуры населения с одним и несколькими источниками – очень разнятся. Также число и состав источников средств к существованию зависят от возраста и от места проживания.

¹ Васин Сергей Алексеевич – старший научный сотрудник Института демографии НИУ ВШЭ.

² Козлов Владимир Александрович – к.э.н., доцент кафедры демографии НИУ ВШЭ.

³ Здесь и далее под пенсиями подразумеваются «пенсии (кроме пенсий по инвалидности)».

⁴ Здесь и далее под пособиями подразумеваются «пособия (кроме пособий по безработице)».

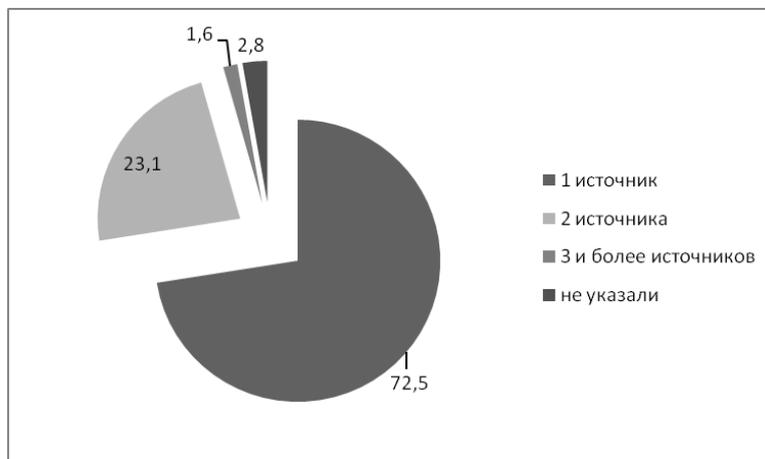

Рис 1. Количество источников дохода на 100 человек населения (составлено авторами по материалам [1])

Различия между городом и селом по составу источников средств к существованию значительны и во многом определяются различиями по числу источников. В городе приходится 120,7 ИСС на 100 человек, тогда как в селе – почти 144,5. Множественность источников средств к существованию – специфическая черта сельского уклада жизни, главным образом, благодаря распространенности ЛПХ: среди назвавших несколько источников дохода личное подсобное хозяйство встречается в 1,6 раза чаще трудовой деятельности и является на селе доминирующим. Вместе с тем, как показывает таблица 1, в качестве единственного или основного источника личное подсобное хозяйство почти не распространено.

Состав источников средств к существованию городского населения предельно прост: трудовая деятельность, иждивение и пенсии. Распространенность остальных источников гораздо меньше любого из этих трех.

В показателях структуры (нижняя панель Табл. 1) нивелируются различия в числе источников средств к существованию на душу населения, и это смягчает контрастность различий между городским и сельским населением. Среди единственных источников, по-прежнему, трудовая деятельность значительно больше весит в

городе, чем в селе. Но в селе становится очевидной роль ЛПХ, а также – пособий по безработице. Структура источников средств к существованию у населения с несколькими источниками в городе и в селе также заметно сближается. Существенными остаются только различия в роли личного подсобного хозяйство (в пользу села) и значительно усиливаются различия по стипендиям - типично городскому источнику средств к существованию.

Таблица 1

Состав населения по источникам средств к существованию и структура источников средств к существованию у населения с одним и с несколькими источниками

Источники средств к существованию	Единственный источник			Два и более источников		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
Состав населения по источникам средств к существованию, на 100 жителей						
Трудовая деятельность	36,6	41,1	24,4	11,4	9,9	15,3
Личное подсобное хозяйство	1	0,2	3,3	9,8	4,4	24,4
Стипендия	0,3	0,4	0,2	1,6	1,9	1
Пенсия (кроме инвалидности)	14,3	15,2	12	9,8	9	11,8
Пенсия по инвалидности	1,9	1,8	2,1	1,8	1,7	2,3
Пособие (кроме безработицы)	0,9	0,7	1,4	6,9	4,8	12,6
Пособие по безработице	0,6	0,5	0,8	0,5	0,2	1,1
ДВГО	0,6	0,6	0,5	0,7	0,6	0,8
Сбережения, дивиденды, проценты	0,2	0,2	0,1	0,3	0,3	0,3
Сдача в аренду имущества, патенты, авторские права	0	0	0	0,2	0,1	0,5
Иждивение	18,2	19,9	13,6	9,4	7,1	15,8
Иной источник	0,1	0,1	0	0	0	0
<i>Сумма по столбцу</i>	<i>74,6</i>	<i>80,6</i>	<i>58,5</i>	<i>52,4</i>	<i>40,1</i>	<i>86</i>

Источники средств к существованию	Едиственный источник			Два и более источников		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
Структура источников средств к существованию, %						
Трудовая деятельность	49	51	41,8	21,7	24,7	17,8
Личное подсобное хозяйство	1,4	0,3	5,6	18,6	10,9	28,3
Стипендия	0,5	0,5	0,3	3,1	4,7	1,2
Пенсия (кроме инвалидности)	19,2	18,8	20,6	18,6	22,5	13,8
Пенсия по инвалидности	2,5	2,2	3,6	3,5	4,1	2,7
Пособие (кроме безработицы)	1,1	0,8	2,4	13,2	12	14,7
Пособие по безработице	0,7	0,6	1,3	0,9	0,6	1,3
Другой вид государственного обеспечения	0,7	0,7	0,8	1,3	1,6	0,9
Сбережения, дивиденды, проценты	0,2	0,2	0,2	0,6	0,8	0,3
Сдача в аренду имущества, патенты, авторские права	0	0	0	0,5	0,3	0,6
Иждивение	24,4	24,7	23,3	18	17,7	18,3
Иной источник	0,1	0,1	0,1	0	0,1	0
<i>Сумма по столбцу</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>

Рассчитано и составлено авторами по данным [1]

Повозрастные различия. Три доминирующих источника средств к существованию естественным образом сменяют друг друга при переходе от младших возрастов к старшим: иждивение - трудовая деятельность – пенсия (Рис. 2.). Возрастные кривые по числу источников средств к существованию (Рис. 3.) показывают, что большинство населения имеет единственный источник на протяжении всей возрастной шкалы и колеблется от 81% в 25-29 лет до 54% в 55-64 года. Удельный вес населения с двумя источниками меняется зеркальным образом по отношению к кривой населения с

единственным источником, соответственно, своего максимума – 40% - он достигает в возрастах следующих за выходом на пенсию, т.е. в те же 55-64 года. Доля лиц с тремя источниками средств к существованию вообще крайне мала и имеет два максимума: первый – в 15-19 лет (2,4%) и второй – в первом пятилетии после выхода на пенсию (4,9 на 100 женщин 55-59 лет и 3,9 на 100 мужчин 60-64 лет).

Совместный анализ числа источников средств к существованию (Рис. 3) и их состава (Рис. 2) позволяет расшифровать рассмотренные изменения среднего числа источников средств к существованию. Как и полагается, почти все дети находятся на иждивении, а у каждого второго из них к нему добавляется пособие. В возрасте 16-19 лет значительную распространенность приобретают стипендии (20 на 100), что и приводит к возникновению пика распространенности в населении трех источников в этом возрасте. В старших возрастах основные комбинации источников образуют пенсии с трудовой деятельностью и личного подсобного хозяйства. А в самых старших возрастах трудовая деятельность замещается пенсиями по инвалидности.

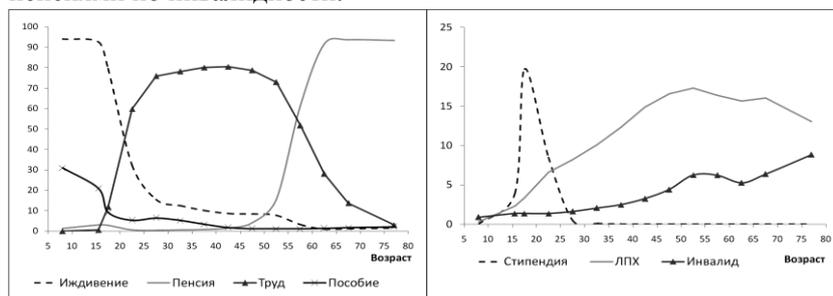

Рис. 2. Распространенность семи самых часто указываемых источников средств к существованию по возрасту, на 100 человек обоего пола (составлено авторами по материалам [1])

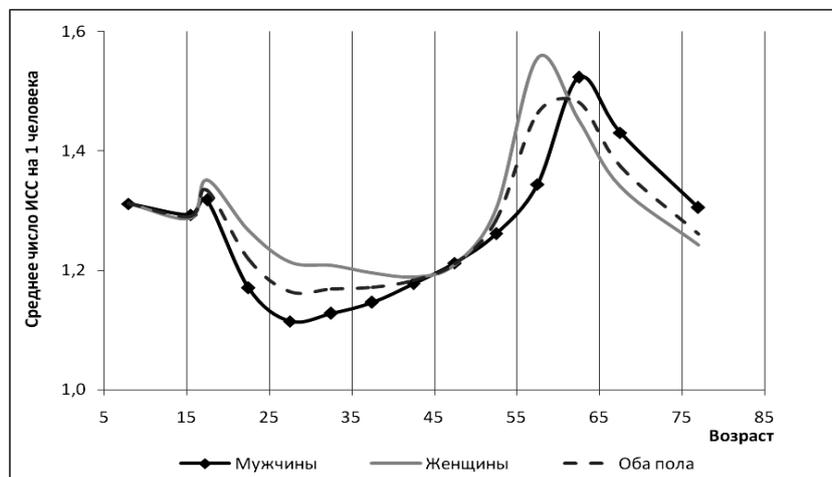

Рис. 3. Число источников средств к существованию по возрасту и полу, 2010 г., все население (составлено авторами по материалам [1])

Основные и дополнительные источники средств к существованию

Анализ распространенности источников средств к существованию без разделения их на основные и дополнительные дает примерное представление о их распределении, в то же время классификация источников на основные и дополнительные уточняет это представление. Сравнение структуры «всех» и «всех основных» (или «1 и более» в Табл. 2) источников показывает, что структура последних значительно проще. Если в структуре по всем источникам три источника: трудовая деятельность, иждивение и пенсии аккумулируют 78,5% ответов на вопрос об основном источнике, а следующие за ними по упоминаемости ЛПХ и «пособия» - 14,6% ответов, то в ответах на вопрос об основном источнике соответствующие доли составляют 92,0 и 2,7 %. Столь редкое упоминание ЛПХ и «пособий» как основных источников, а также то, что их удельный вес среди дополнительных источников близок 61% (правый столбец Табл. 2) указывают, что они являются не основными, а дополнительными источниками средств к существованию.

Таблица 2

Структура источников средств к существованию: по всем из них, по основному (в т.ч. для населения с одним и двумя источниками) и дополнительному (у населения с двумя источниками), все население, оба пола, %

Источники средств к существованию (*)	Все источники	Основной по числу источников:			Дополнительный источник у имеющих два источника
		1 и более	1	2	
Труд	37,8	46,0	49,0	36,5	6,9
ЛПХ	8,5	1,5	1,4	2,0	35,8
Стипендия	1,6	0,4	0,5	0,3	5,8
Пенсия	19,0	20,0	19,2	22,3	14,8
П. по инв.	2,9	2,5	2,5	2,5	4,0
Пособия	6,1	1,2	1,1	1,4	25,1
Пос. безр.	0,8	0,7	0,7	0,5	1,3
ДВГО	1,0	0,9	0,7	1,3	0,8
Сбережения	0,4	0,2	0,2	0,2	0,7
Доход от	0,2	0,0	0,0	0,1	0,5
Иждивение	21,8	26,3	24,4	32,9	4,2
Иной источник	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0
Итого	100,0	100,0	100,	100,	100,0

(*) Здесь и далее в таблицах приведено сокращенное название источников. Полное название источников средств к существованию см. в таблице 1. Рассчитано и составлено авторами по данным [1]

Вместе с тем, структура основных источников в населении с двумя источниками отличается от структуры населения с одним источником, главным образом, за счет значительно более низкого – на четверть – удельного веса рубрики «трудовая деятельность» и более высокого удельного веса двух других доминирующих источников: иждивения и пенсий, удельный вес которых выше, соответственно, в 1,35 и в 1,16 раза. Однако, как будет показано ниже, эти и другие, представленные в таблице 2 различия частично обусловлены различиями в возрастной структуре населения с разным числом источников средств к существованию.

«Истинно основные» и «истинно дополнительные» источники.

Структура источников для всего населения сложнее и размытее, чем структура по основному доходу, потому что представляет собой смесь дополнительных и основных источников, а также потому что в населении с несколькими источниками дополнительные источники могут выступать в роли основных, а основные – в роли дополнительных, что и показывают данные в таблице 2 для населения с двумя источниками средств к существованию. Среди дополнительных источников удельный вес триады ведущих основных источников составляет 25%, в т.ч. пенсий – 14,8%. В целом структура основных источников позволяет выявить доминирование тех или иных причин в списке основных или дополнительных, оставляя открытым вопрос о том, какие среди относительно редких встречающихся источников относятся преимущественно к одному из этих двух видов.

Таблица 3

Процент, указавших данный источник как основной среди всех отметивших данный источник в населении с двумя источниками средств к существованию, по трем основным возрастным группам, все население, оба пола.

Источник средств к существованию	Всего	младше трудоспособного	в трудоспособном	старше трудоспособного
Иждивение	88,6	95,5	82,8	41,2
Труд	84,1	32,4	90,6	69,2
ДВГО	62,0	55,6	65,7	52,7
Пенсия	60,1	40,9	33,7	66,8
П. по инв.	39,0	31,7	53,2	24,9
Иной источник	31,4	21,7	34,2	21,1
Пос. безр.	27,5	-	27,5	-
Сбережения	18,3	7,2	20,8	8,4
Сдача в аренду	15,4	38,4	16,5	12,5
Пособия	5,4	3,4	12,5	0,8
ЛПХ	5,4	1,7	7,2	1,8
Стипендия	4,6	3,3	4,7	-

Расчитано и составлено авторами по данным [1]. Примечание. Источники ранжированы по доле во всех возрастах.

Судить о том, является ли в населении с двумя источниками средств к существованию источник основным, можно по тому, сколько раз он назван как основной, а сколько раз – как дополнительный. Как следует из таблицы 3, для населения с двумя источниками среди основных «самым основным» является иждивение, «рейтинг» которого относительно высок даже в пенсионном возрасте. За ним следует трудовая деятельность, а далее – не пенсии, как можно было ожидать, а источник третьего ряда – другой вид государственного обеспечения и только за ним – пенсии.

Кроме того, в трудоспособном возрасте более чем в половине случаев в качестве основного источника выступают пенсии по инвалидности. В этом же возрасте бросается в глаза необычно сильное преобладание выбора иждивения в качестве основного источника (82,8%), а также довольно высокий рейтинг (40%) пенсий в детских возрастах, что предположительно можно отнести к пенсиям по потере кормильца. Среди всех источников, не считая стипендии, самый низкий рейтинг имеют источники второго ряда: ЛПХ и пособия, что еще раз подчеркивает их «истинно дополнительную» природу.

Основные источники средств к существованию населения с одним и двумя источниками по трем возрастным группам

Различия в структуре основных источников средств к существованию в населении с одним и с двумя источниками отчасти проистекают из-за огромной разницы в их возрастных структурах. В населении с двумя источниками средств к существованию значительно ниже (на четверть) доля лиц трудоспособного возраста (см. Табл. 4), соответственно, в нем должен быть ниже удельный вес трудовой деятельности и больше вес иждивения и пенсий, причем в городском населении – больше пенсионеров, в сельском – иждивенцев. И пусть различия в возрастных структурах этих населений не полностью объясняют различия в их структурах по источникам средств к существованию, они оказывают значительное влияние на их величину и могут привести к ошибочным выводам. Поэтому чтобы ответить на вопрос о том, каковы особенности структуры основных источников этих двух населений, следует обратиться к таблице 5., в которой они представлены по трем

возрастным группам для шести самых распространенных источников средств к существованию.

Таблица 4

Возрастная структура населения с одним и с двумя источниками средств к существованию по переписи 2010 г., оба пола, %

Население в возрасте:	городское и сельское		городское		Сельское	
	ИСС=1	ИСС=2	ИСС=1	ИСС=2	ИСС=1	ИСС=2
До 16 лет	15,2	20,3	15,3	16,5	14,8	25,2
16-54/59 лет	65,5	49,1	65,7	47,4	64,6	51,2
55+/ 60+ лет	19,3	30,6	18,9	36,1	20,6	23,6
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Рассчитано и составлено авторами по данным [1].

Как следует из таблицы, в городском и сельском населении с единственным источником средств к существованию структура предсказуемо проста: в младших возрастах основным является – иждивение, в старших – пенсии, а между ними – трудовая деятельность, наряду с которой довольно часто в качестве основного источника выступает иждивение (15%). Из сельско-городских особенностей можно отметить:

1. в городском населении:

- неожиданно высокий удельный вес пенсий по инвалидности в старших возрастах,

2. в сельском населении:

- значительный процент (8,6%) лиц трудоспособного возраста, имеющих основным источником ЛПХ;

- высокий процент (10,4%) пособий как основного источника в детском возрасте. Поскольку размер ежемесячного пособия на детей мал и выплачивается малоимущим это свидетельство крайне неблагоприятного экономического положения этой группы сельских детей.

В населении с двумя источниками средств к существованию, за исключением детского возраста, структура основных источников заметно разнообразнее. В рабочем возрасте удельный вес трудовой деятельности на 18 пунктов ниже, чем в населении с единственным источником, а во всех других – выше. Особенно высок удельный вес иждивения, которое стало основным источником средств к существованию в каждом четвертом случае. «Оттеснение» трудовой деятельности иждивением характерно именно для городского населения, в котором иждивение в трудоспособном возрасте является основным источником средств к существованию почти в каждом третьем случае, тогда как в селе – в каждом пятом.

Похожие, но более резкие расхождения в структуре основных источников средств к существованию между населением с единственным и населением с двумя источниками наблюдаются в пенсионном возрасте. В населении с двумя источниками ведущий основной источник – пенсии – ниже на 27 пунктов и ровно на столько же выше удельный трудовых доходов. Можно сделать вывод о том, что значительная часть группы населения с двумя источниками в этом возрасте и работает, и получает пенсию, тогда как группа с единственным источником живет только на пенсию. Сказанное справедливо для горожан и в значительно меньшей степени – для сельчан. Но более точно об этом можно судить, рассмотрев структуру комбинаций основных и дополнительных источников средств к существованию.

Основные и дополнительные источники средств к существованию у населения с двумя источниками

Помимо структуры основных источников опубликованные материалы переписи позволяют рассмотреть два взаимосвязанных аспекта: какие источники дополняют основные и по отношению к каким источникам «основные» выступают в роли дополнительных.

По строкам таблицы 6 представлена структура шести источников средств к существованию, являющихся дополнительными по отношению к источнику, указанному в левом столбце таблицы. Для того, чтобы можно было оценить относительную частоту, с которой данный источник средств к существованию указан как основной в населении с двумя источниками, во втором столбце

приведена также его доля среди всех основных источников (см. также Табл. 5).

Структура дополнительных источников к иждивению крайне проста до и после трудоспособного возраста: пособия - в первом и пенсии – во втором периодах жизни. В трудоспособном возрасте иждивенцы в 39% случаев имеют также стипендию, которые распространены главным образом в городском населении, поэтому отмеченный выше значительный удельный вес иждивения в структуре основных источников населения с двумя источниками, и, соответственно, не очень высокий вес трудовой деятельности в этом возрасте связаны именно со студентами и учащимися. Те из них, кто получают стипендию имеют два источника средств к существованию, основным из которых является иждивение. Еще в 23% случаев иждивенцы трудоспособного возраста получают пособие, а в 22% случаев - занимаются ЛПХ.

Среди дополнительных источников к трудовой деятельности в пенсионном возрасте доминируют пенсии, в трудоспособном 2/3 населения занимаются ЛПХ, еще 15,8% получают пенсию, 7% - пособие и только в каждом 20-м случае вторым источником выступает иждивение.

Как и иждивение, доля пенсий как основного источника не опускается ниже 1% ни в одной из трех возрастных групп. У детей до 16 лет их дополняют иждивение и пособия, в рабочих возрастах – труд и ЛПХ, они же, но в обратном порядке, – в пенсионных. Кроме того, у взрослых заметен вклад еще четырех источников в трудоспособном возрасте, среди которых стоит отметить стипендии (5%), и трех – в пенсионном, в т.ч. 10% пенсий по инвалидности.

Структуры дополнительных источников к пенсии и к пенсии по инвалидности различны. В последней доля доходов от труда гораздо ниже. В трудоспособном возрасте это в значительной мере компенсируется более высокой долей ЛПХ – другого источника средств к существованию, связанного с трудом. Но в возрасте старше трудоспособного удельный вес ЛПХ значительно меньше у тех, кто указал основным источником пенсию по инвалидности. Нельзя не отметить также то, что в 30% случаев дополнительным источником выступает пенсия.

ЛПХ как основной источник встречается только в трудоспособном возрасте. Главные дополнения к нему: иждивение и пособия, с одной стороны, и трудовая деятельность и пособие по безработице – с другой, причем пособие по безработице встречается в этом качестве в каждом четвертом случае, а трудовая деятельность – в каждом пятом. Среди значимых основных источников средств к существованию только для ЛПХ встречаются крайне редко упоминаемые в ответах респондентов «сбережения» и «рента». Иждивение – единственное дополнением к пособию в детском возрасте, но в трудоспособном несколько, чаще всего встречается ЛПХ и несколько реже – труд. В совокупности доля этих трех источников составляет 89%.

Пособия как основной источник средств к существованию имеют 3,2% детей в группе населения с двумя источниками, и в качестве дополнительного выступает практически только иждивение. Поскольку размер ежемесячного пособия на детей мал и выплачивается малоимущим, такое «иждивение» весьма ничтожно, и группу населения с таким сочетанием источников очевидно находится в крайне бедственном положении. У взрослых доля населения, для которого пособие является основным источником, крайне невелика.

Триада основных источников средств к существованию в роли дополнительных

Доминирование триады основных источников средств к существованию, в т.ч. в населении с двумя доходами, убедительно и выглядит естественно, поэтому особый интерес представляют «аномальные» в этом смысле случаи, когда эти источники выступают даже в своем возрастном сегменте в роли вспомогательных.

Таблица 5

Структура основных источников средств к существованию в населении с одним и с двумя источниками, %

Основные источники	Едиственный источник				Два источника			
	Все возраста	младше трудоспособного	в трудоспособном	старше трудоспособного	Все возраста	младше трудоспособного	в трудоспособном	старше трудоспособного
	<i>Городское и сельское население</i>							
Труд	49	0	74,1	2,7	36,5	0	55,9	29,8
Пенсия	19,2	0,3	2,1	92,2	22,3	1,2	4,8	64,9
Иждивение	24,4	94,9	15,2	0,1	32,9	94,2	26,6	1,3
Пособия	1,1	3,8	0,9	0	1,4	3,2	1,6	0
ЛПХ	1,4	0	2,1	0,1	2	0	3,7	0,7
П. по инв.	2,5	0,2	2,4	4,8	2,5	0,7	3,4	2,4
Остальные	2,3	0,8	3,3	0,1	2,3	0,7	3,9	0,8
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

Основные источники	Едиственный источник				Два источника			
	Все возраста	младше трудоспособного	в трудоспособном	старше трудоспособного	Все возраста	младше трудоспособного	в трудоспособном	старше трудоспособного
	<i>Городское население</i>							
Труд	51	0	76,6	3,1	40	0	53,6	40,5
Пенсия	18,8	0,2	2,1	91,9	22,4	1,1	5,6	54,5
Иждивение	24,7	96,8	15	0,1	31,4	94,3	31,7	1,7
Пособия	0,8	2,1	0,8	0	1,2	2,9	1,5	0
ЛПХ	0,3	0	0,4	0	0,4	0	0,7	0,3
П. по инв.	2,2	0,2	2	4,8	2,1	0,7	2,5	2,1
Остальные	2,1	0,7	3,1	0,1	2,5	1	4,3	0,8
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

Основные источники	Едиственный источник				Два источника			
	Все возраста	младше трудоспособного	в трудоспособном	старше трудоспособного	Все возраста	младше трудоспособного	в трудоспособном	старше трудоспособного
<i>Сельское население</i>								
Труд	41,8	0	64,3	1,5	32,2	0	58,5	10,1
Пенсия	20,6	0,6	2	93,3	22,2	1,3	3,9	83,9
Иждивение	23,3	87,5	15,9	0,1	34,7	94,2	20,9	0,6
Пособия	2,4	10,4	1,3	0	1,7	3,4	1,6	0
ЛПХ	5,6	0	8,6	0,2	4	0	7,1	1,5
П. по инв.	3,6	0,5	3,9	4,8	3,1	0,6	4,4	2,9
Остальные	2,8	1	4,1	0,1	2,1	0,4	3,5	1
Итого	100	100	100	100	100	100	100	100

Рассчитано и составлено авторами по данным [1]

Таблица 6

Структура парных комбинаций основного и дополнительного источника в населении с двумя источниками средств к существованию, все население, оба пола, %.

Источники средств к существованию	Доля среди основных источников	Труд	Иждивение	Пенсия	Пенсия по инвалид.	ЛПХ	Пособие	Стипендия	Пос. безр.	ДВГО	Сбережения	Остальные
<i>Все население с двумя источниками средств к существованию</i>												
Труд	36,5	X	3,1	36,0	2,3	49,5	5,3					
Иждивение	32,9		X	2,8		9,4	65,2	15,7	2,2			
Пенсия	22,3	22,0	3,5	X	9,2	56,7	5,8					
П. по инв.	2,5	10,3	13,6	9,5	X	50,5	7,8			4,4		
ЛПХ	2,0	18,5	27,9	11,9	3,6	X	10,3		22,2		2,8	
Пособие	1,4	12,2	61,1			19,0	X	3,7				
<i>в возрасте до 16 лет</i>												
Иждивение	94,2		X				94,9					
Пенсия	1,2		56,6	X			40,0					
Пособие	3,2		96,7				X					

Источники средств к существованию	Доля среди основных источников	Труд	Иждивение	Пенсия	Пенсия по инвалид.	ЛПХ	Пособие	Стипендия	Пос. безр.	ДВГО	Сбережения	Остальные
<i>в трудоспособном возрасте</i>												
Труд	55,9	X	4,2	15,8	2,8	65,4	7,0					
Иждивение	26,6	4,4	X		2,5	22,4	23,0	38,5	5,7			
Пенсия	4,8	38,4	4,9	X	3,8	41,2	5,1	4,9				
П. по инв.	3,4	13,5	12,9		X	56,6	6,1		3,0	4,7		
ЛПХ	3,7	20,7	31,1	2,2	3,4	X	11,5		24,9		3,2	2,2
Пособие	1,6	22,6	31,6			34,8	X	6,6				
<i>в возрасте старше трудоспособного</i>												
Труд	29,8	X		97,5								
Иждивение	1,3		X	88,1	9,0	2,2						
Пенсия	64,9	20,3	2,7	X	10,0	59,3	5,4					
П. по инв.	2,4	4,8	5,6	30,5	X	45,8	7,5			3,9		

Рассчитано и составлено авторами по данным [1]. Примечание. Чтобы не загромождать таблицу, приведены только значения $\geq 2\%$ и опущены строки с источниками средств к существованию, доля которых в структуре основных источников не превышала 1%.

Для терминологического удобства введем условное разграничение между основным и «основным» источниками. Первый имеет обычное значение (среди возможных вариантов респондент отметил данный источник как основной). Второй относится к триаде основных источников. В первом (обычном) смысле источник может выступать и в роли основного, и в роли – дополнительного, во втором – только в роли «основного», даже, если был указан респондентом как дополнительный. Например, иждивение выступает как «основной» источник, даже, если дополняет какой-либо другой источник, названный основным.

Анализируя таблицу 6 по столбцам можно получить ответ на вопрос по отношению к каким источникам «основные» из них могут выступать в роли дополнительных. Общая закономерность довольно очевидна: в своем возрастном сегменте «основные» (в детских - иждивение, в рабочих возрастах - труд, и в старших – пенсии) дополняют остальные источники. В наименьшей степени она выражена для трудовой деятельности, и в наибольшей – для иждивения пенсий. В старших возрастах пенсии – фактически единственный дополнительный источник трудовой деятельности (97,5%) и иждивения (88%), и даже, что неожиданно, играют важную роль, когда в качестве основного источника выступает пенсия по инвалидности⁵. В трудоспособном возрасте пенсии – второй по значимости дополнительный источник к трудовой деятельности⁶.

Подобно тому, как пенсии дополняют трудовую деятельность в своем возрастном сегменте, иждивение дополняет пособия в детских возрастах (96,7%), но, случаев, когда пособие выступает основным источником, всего 3,2%. В трудоспособном возрасте иждивение – главный дополнительный источник средств к существованию к ЛПХ и весьма важный – к пособиям, но, опять же, доля населения, указавшего эти «дополнительные» по своей сути источники как основные, совсем невелика. Можно также отметить,

⁵Т.е. речь идет о лицах, получающих две пенсии, причем пенсия по инвалидности названа основным источником.

⁶Очевидно, это – досрочные пенсии.

что как дополнительный источник иждивение редко встречается с двумя другими «основными».

Таблица 7

Распределение населения по числу источников средств к существованию, по переписи 2010 г. и 2002 г., оба пола, %

Население с числом источников:	2010 г.				2002 г.			
	Все го	до 16 лет	в трудо- способно м	старш е трудо- способно го	Все го	до 16 лет	в трудо- способно м	старш е трудо- способно го
	Все население							
1	74,6	69,6	79,6	64,6	71,9	47,4	79,1	72,1
2	23,8	29,7	19,0	32,7	26,6	50,0	19,7	26,4
3 +	1,6	0,7	1,4	2,7	1,5	2,6	1,2	1,5
Всего	100,	100,0	100,0	100,0	100,	100,	100,0	100,0
	Городское население							
1	80,6	80,1	85,1	68,3	79,1	57,7	85,0	78,5
2	18,3	19,6	13,9	29,5	19,9	40,8	14,1	20,2
3 +	1,2	0,3	1,0	2,1	1,0	1,5	0,8	1,3
Всего	100,	100,0	100,0	100,0	100,	100,	100,0	100,0
	Сельское население							
1	58,5	69,6	79,6	64,6	71,9	47,4	79,1	72,1
2	38,7	52,2	33,5	41,3	44,8	69,6	36,7	41,2
3 +	2,8	1,5	2,7	4,4	2,9	5,2	2,4	2,1
Всего	100,	123,3	115,7	110,2	119,	122,	118,2	115,4

Расчитано и составлено авторами по данным [1, 2].

Примечание. Чтобы не загромождать таблицу, приведены только значения $\geq 2\%$ и опущены строки с источниками средств к существованию, доля которых в структуре основных источников не превышала 1%.

Если пенсии и иждивение – главные дополнительные источники в своих возрастных группах, то «труд» ни для одного другого источника средств к существованию не является таковым даже в трудоспособном в возрасте. Как дополнение наиболее весом его вклад к пенсиям – 38%, что сопоставимо с вкладом ЛПХ (41%),

кроме того эта величина в два с лишним раза меньше, чем рассмотренные выше значения для иждивения и пенсий. Довольно велика частота сочетаний труда с ЛПХ и пособиями (свыше 20%), но и для пособий ведущая роль среди дополнительных источников средств к существованию принадлежит ЛПХ. Поскольку ЛПХ и есть главный и универсальный (т.е. сочетающийся со всеми остальными) дополнительный источник средств к существованию трудоспособного населения, отмеченная для иждивения и пенсий закономерность сводится лишь к тому, что как дополнительный источник труд в своем возрастном сегменте более значим, чем в других возрастных группах.

То, что труд в своем возрастном сегменте самый «слабый» дополнительный источник из «основных», неудивительно. Логично, что у населения занятого трудовой деятельностью этот источник средств к существованию редко становится второстепенным по отношению к какому-либо другому источнику. Естественно и то, что он не сочетается с иждивением (ни как дополнительный, ни как основной). Между тем иждивение в трудоспособном возрасте – второй основной источник (26,6%) и, учитывая отмеченную не сочетаемость его и трудовой деятельности, это также приводит к тому, что последняя не является ведущим дополняющим источником.

В целом, можно отметить два вполне естественных и ожидаемых факта в отношении связок трех «основных» источников в населении, имеющим два источника средств к существованию. Во-первых, труд как дополнение к иждивению – второму основному источнику в трудоспособном возрасте, доля которого составляет 26,6%, – встречается редко, и вообще такая комбинация в других возрастах отсутствует. Во-вторых, широкую распространенность комбинаций пенсий с трудовой деятельностью, причем, что естественно, значительно чаще пенсии выступают как дополнительный источник к трудовой деятельности.

Сравнение данных переписи 2002 и 2010 г.

При сравнении источников средств к существованию переписей 2010 и 2002 г. для населения всех возрастов, может показаться, что почти ничего не изменилось. Действительно,

среднее число источников, которое составило в 2010 г. 127 на 100 жителей⁷, лишь на 3 меньше, чем в 2002 г., а в структуре источников увеличилась доля на 4 п.п. трудовой деятельности и на 2 пункта – пенсий, почти на 4 пункта сократилась доля пособий и на 2,5 п.п. – иждивения. Однако, стабильность эта обманчива. Кардинально поменялось соотношение доли детей, имеющих один и несколько источников: 70% детей с единственным источником средств к существованию в 2010 г. против 47% в 2002 г. (Табл. 7).

В пенсионных возрастах произошло значительное увеличение распространенности трудовой деятельности и сокращение распространенности ЛПХ. В период между переписями только в этом возрастном сегменте выросло число источников средств к существованию, и на 7 процентных пунктов сократилась доля населения с единственным источником. Под действием разнонаправленных тенденций в младших и старших возрастах за межпереписной период трансформировался возрастной профиль среднего числа источников средств к существованию: если в 2002 г. наибольшее число источников имел детский контингент, то теперь – пенсионный.

Изменение состава и структуры населения с единственным и несколькими источниками средств к существованию.

Группы с одним и несколькими источниками средств к существованию очень различны по структуре источников, по возрастной структуре населения и тенденциям ее изменения между переписями, но происходящие с ними изменения взаимосвязаны, что открывает возможность проанализировать динамические связи между ними и то, как эти изменения отразились на структуре населения по числу источников средств к существованию в каждой возрастной группе.

Для населения с единственным источником главные изменения связаны с триадой основных источников (Табл. 8). В детских возрастах в полтора раза (с 43 до 66 на 100) увеличилась распространенность иждивения, распространенность других источников – осталась на прежнем уровне. В рабочем возрасте

⁷ Точнее, на одного ответившего на вопрос, т.к. расчеты выполнены без не указавших источник.

почти в 1,1 раза стала чаще встречаться трудовая деятельность и реже – иждивение и «иной» источник. В старших возрастах изменения связаны исключительно с пенсиями, но в отличие от двух других основных источников их распространенность не увеличилась, а снизилась.

Изменение состава и структуры населения с несколькими источниками средств к существованию

Причины описанных тенденций становятся понятны из анализа тенденций в группе населения с несколькими источниками средств к существованию. Здесь резкое снижение распространенности иждивения и пособий, как в городских, так и в сельских детей, и вызванное им грандиозное снижение среднего числа источников средств к существованию детей до 16 лет – самое мощное из изменений среди (Табл. 9). Симметричное сокращение и пособий, и иждивения может означать, что между двумя переписями значительная часть детского населения стала жить с одним источником средств к существованию – иждивением, пополнив группу населения с единственным источником, в которой, как только что было показано, произошло увеличение распространенности этого источника средств к существованию примерно на ту же величину. Из этого также следует, что снижение среднего числа источников у детей до 16 лет объясняется снижением распространенности пособий.

В пенсионных возрастах произошло увеличение распространенности трудовой деятельности в 2,4 раза в селе и в 1,8 раза – в городе. Однако в городе оно сопровождалось значительным увеличением распространенности пенсий (и даже пенсий по инвалидности). В результате в пенсионных возрастах в 1,5 раза выросло среднее число источников в городском и в 1,3 раза - во всем населении, что, в свою очередь, способствовало изменению возрастного профиля этого показателя в межпереписной период. Логично предположить, что рост распространенности трудовой деятельности отражает расширение возможностей для пенсионеров, особенно городских, найти подходящую работу, и что снижения распространенности пенсий, как единственного источника, взаимосвязано с увеличением их распространенности, как одного из нескольких источников. Иными словами, для этих возрастов

наблюдается ситуация обратная той, что сложилась у детей: из группы с единственным источником пенсии, фигурально выражаясь, «мигрировали» в группу с двумя и более. Вместе с тем, распространенность ЛПХ среди лиц пенсионного возраста уменьшилась и более всего – на селе, что, опять же, может быть следствием улучшения ситуации на рынке труда для сельских пенсионеров.

В трудоспособном возрасте таких заметных, как в других возрастах, изменений в распространенности источников средств к существованию не наблюдалось, не наблюдалось и столь же очевидных, как в детском и пенсионном возрастах, взаимосвязей в динамике распространенности источников средств к существованию в группах населения с единственным и несколькими источниками. Здесь преобладающий процесс – это «конкуренция» между источниками внутри каждой группы. В этом возрастном сегменте самым заметным изменением стало снижение распространенности трудовой деятельности и ЛПХ, а также увеличение на 31 процент пенсий и на 15 – пособий в сельском населении. В городах население с несколькими источниками в этом возрасте встречаются редко (31 на 100 человек трудоспособного возраста как в 2002, так и в 2010 г.), поэтому в абсолютном выражении изменения совсем невелики, но в относительном – сопоставимы с наблюдаемыми в селе. Так, прирост пенсий и пособий составил, соответственно, 36 и 26 процентов, а ЛПХ снизились – на 24. Однако, в отличие от села, где распространенность трудовой деятельности в этой группе населения уменьшилась на 11%⁸, в городах она приросла на 9%.

Из микро изменений обращает на себя внимание шестикратный рост пособий в старших возрастах, распространенность которых по переписи 2002 г. составляла и в городе, и в селе всего 0,3 на 100 человек этого возраста.

⁸Снижение распространенности трудовой деятельности в сельском населении с двумя источниками и ее рост в группе с единственным - можно трактовать как взаимосвязанные процессы. Можно предположить, что эта связь опосредована ЛПХ, распространенность которого сократилась. т.е. часть сельского населения этого возраста, занятая ЛПХ и трудовой деятельностью, сократилась за счет отказа от ЛПХ.

Таблица 8

Распространенность источников средств к существованию в группе населения с единственным источниками по переписи 2010 г. и 2002 г., оба пола, на 100 человек соответствующего возраста.

Источники средств к существованию	2010 г.				2002 г.			
	Все-го	до 16 лет	16-54/59	55/60+ лет	Все-го	до 16 лет	16-54/59	55 / 60+ лет
Все население								
Труд	36,6	0,0	58,	1,7	33,4	0,1	53,8	1,9
ЛПХ	1,0	0,0	1,7	0,0	1,3	0,0	2,0	0,1
Стипендия	0,3	0,0	0,6	0,0	0,4	0,1	0,6	0,0
Пенсия	14,3	0,2	1,7	59,6	14,8	0,2	1,9	66,1
П. по инв.	1,9	0,2	1,9	3,1	2,0	0,2	2,1	3,1
Пособие	0,9	2,6	0,7	0,0	0,9	3,3	0,5	0,0
Пос. безр.	0,6	0,0	0,9	0,0	0,5	0,0	0,8	0,0
ДВГО	0,6	0,5	0,8	0,0	0,6	0,6	0,8	0,1
Сбережени	0,2	0,0	0,3	0,0	0,1	0,0	0,2	0,0
«Рента»	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Иждивение	18,2	66,1	12,	0,1	16,3	42,6	13,9	0,1
Иной ИСС	0,1	0,0	0,1	0,0	1,1	0,1	1,7	0,1
Среднее	74,6	69,6	79,	64,6	71,2	47,1	78,2	71,5
Городское население								
Труд	41,1	0,0	65,	2,1	38,6	0,1	60,3	2,4
ЛПХ	0,2	0,0	0,3	0,0	0,3	0,0	0,4	0,0
Стипендия	0,4	0,0	0,6	0,0	0,4	0,1	0,7	0,0
Пенсия	15,2	0,1	1,8	62,8	15,4	0,2	2,0	71,3
П. по инв.	1,8	0,2	1,7	3,3	2,0	0,1	2,0	3,5
Пособие	0,7	1,7	0,6	0,0	0,7	2,3	0,4	0,0
Пос. безр.	0,5	0,0	0,8	0,0	0,4	0,0	0,7	0,0
ДВГО	0,6	0,5	0,8	0,0	0,7	0,7	0,9	0,1
Сбережени	0,2	0,0	0,3	0,0	0,1	0,0	0,2	0,0
«Рента»	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Иждивение	19,9	77,5	12,	0,1	18,3	53,6	14,6	0,2
Иной ИСС	0,1	0,0	0,1	0,0	1,1	0,1	1,6	0,1
Среднее	80,6	80,1	85,	68,3	78,1	57,1	83,8	77,7

Источники средств к существованию	2010 г.				2002 г.			
	Все-го	до 16 лет	16-54/59	55/60+ лет	Все-го	до 16 лет	16-54/59	55 / 60+ лет
Сельское население								
Труд	24,4	0,0	41,	0,8	19,1	0,0	33,8	0,6
ЛПХ	3,3	0,0	5,5	0,1	4,0	0,0	7,0	0,2
Стипендия	0,2	0,0	0,3	0,0	0,2	0,1	0,3	0,0
Пенсия	12,0	0,3	1,3	50,7	12,9	0,2	1,3	53,7
П. по инв.	2,1	0,2	2,5	2,6	1,8	0,2	2,4	1,9
Пособие	1,4	4,8	0,8	0,0	1,5	5,5	0,6	0,0
Пос. безр.	0,8	0,0	1,3	0,0	0,7	0,0	1,2	0,0
ДВГО	0,5	0,4	0,6	0,0	0,5	0,5	0,6	0,1
Сбережени	0,1	0,0	0,2	0,0	0,1	0,0	0,1	0,0
«Рента»	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Иждивение	13,6	40,5	10,	0,1	10,6	18,7	11,8	0,1
Иной ИСС	0,0	0,0	0,1	0,0	1,1	0,0	1,8	0,0
Среднее	58,5	46,3	63,	54,4	52,2	25,2	60,8	56,6

Расчитано и составлено авторами по данным [1, 2].

Таблица 9

Распространенность источников средств к существованию в группе населения с несколькими источниками по переписи 2010 г. и 2002 г., оба пола, на 100 человек соответствующего возраста.

Источники средств к существованию	2010 г.				2002 г.			
	Все го	до 16 лет	16-54/59	55/60+ лет	Все-го	до 16 лет	16-54/59	55 / 60+ лет
	Все население							
Труд	11,4	0,0	12,6	16,3	9,6	0,0	12,6	9,0
ЛПХ	9,8	0,4	10,4	14,8	11,4	1,5	12,2	17,9
Стипендия	1,6	0,2	2,6	0,0	2,0	0,7	3,0	0,0
Пенсия	9,8	1,2	3,1	34,3	7,3	1,9	2,3	27,0
П. по инв.	1,8	0,8	1,4	3,8	1,3	0,9	1,3	1,6
Пособие	6,9	28,3	3,1	1,7	10,7	49,9	2,5	0,3
Пос. безр.	0,5	0,0	0,8	0,0	0,3	0,0	0,5	0,0
ДВГО	0,7	0,5	0,7	0,7	0,8	0,9	0,8	0,6
Сбережения	0,3	0,0	0,4	0,3	0,1	0,0	0,2	0,2
«Рента»	0,2	0,0	0,3	0,4	0,1	0,1	0,1	0,2
Иждивение	9,4	29,9	7,0	1,3	13,8	51,9	7,0	0,5
Иной ИСС	0,0	0,0	0,0	0,0	0,5	0,2	0,7	0,1
Всего	52,4	61,4	42,4	73,6	57,9	107,9	43,1	57,4
	Городское население							
Труд	9,9	0,0	9,2	18,8	7,6	0,0	8,5	11,2
ЛПХ	4,4	0,1	4,3	7,4	5,5	0,5	5,7	8,9
Стипендия	1,9	0,2	2,9	0,0	2,3	0,8	3,4	0,0
Пенсия	9,0	0,9	3,2	30,9	5,9	1,6	2,3	20,8
П. по инв.	1,7	0,7	1,0	4,2	1,1	0,8	0,9	1,6
Пособие	4,8	18,1	2,6	1,7	8,1	39,4	2,1	0,3
Пос. безр.	0,2	0,0	0,4	0,0	0,2	0,0	0,3	0,0
ДВГО	0,6	0,5	0,7	0,6	0,7	0,9	0,8	0,5
Сбережения	0,3	0,0	0,4	0,4	0,2	0,0	0,2	0,2
«Рента»	0,1	0,0	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Иждивение	7,1	19,7	6,0	1,4	11,0	41,7	6,0	0,5
Иной ИСС	0,0	0,0	0,0	0,0	0,4	0,2	0,6	0,2
Всего	40,1	40,2	31,0	65,6	42,9	86,1	30,8	44,3
	Сельское население							

Источники средств к существованию	2010 г.				2002 г.			
	Все го	до 16 лет	16-54/59	55/60+ лет	Все-го	до 16 лет	16-54/59	55 / 60+ лет
Труд	15,3	0,0	22,4	9,4	15,0	0,0	25,1	3,9
ЛПХ	24,4	1,1	27,8	35,0	27,5	3,5	31,9	39,3
Стипендия	1,0	0,2	1,7	0,0	1,1	0,5	1,7	0,0
Пенсия	11,8	2,0	3,0	43,7	11,3	2,7	2,3	41,8
П. по инв.	2,3	1,0	2,6	2,8	2,0	1,2	2,5	1,5
Пособие	12,6	51,2	4,5	1,8	17,8	72,4	3,9	0,3
Пос. безр.	1,1	0,0	1,8	0,0	0,6	0,0	1,0	0,0
ДВГО	0,8	0,4	0,9	0,9	0,8	0,7	0,9	0,7
Сбережения	0,3	0,0	0,4	0,2	0,1	0,0	0,1	0,2
«Рента»	0,5	0,0	0,5	1,1	0,3	0,1	0,3	0,5
Иждивение	15,8	52,9	9,6	0,8	21,5	73,7	9,9	0,5
Иной ИСС	0,0	0,0	0,0	0,0	0,6	0,1	1,0	0,1
Всего	86,0	108,	75,1	95,7	98,4	154,9	80,6	88,8

Рассчитано и составлено авторами по данным [1, 2].

Примечание: «Рента» = сдача в аренду имущества, патента и авторские права.

Число источников средств к существованию в домохозяйствах, состоящих из одного человека

Число источников доходов. Рассмотрим, существуют ли значительные отличия по количеству источников средств к существованию у жителей домохозяйств, состоящих из одного человека (далее в некоторых случаях «домохозяйства одиночек»), от данных по населению в целом (см. Табл. 10). В общем и целом, в домохозяйствах одиночек несколько реже встречается единственный источник дохода, однако надо отметить, что среди них наблюдается большая доля, не указавших источники средств к существованию (наиболее существенные различия будут наблюдаться в трудоспособных возрастах) вообще. Таким образом, если провести корректировку, существенных отличий между количеством источников средств к существованию у домохозяйств, состоящих из одного человека, практически нет.

Таблица 10

**Распределение населения всех домохозяйств и домохозяйств,
состоящих из 1 человека, по количеству источников дохода
(на 1000 человек)**

	Исходные данные		Корректировка на не указавших источник к существованию	
	все население	одиночки	все население	одиночки
один источник средств к существованию	725	714	746	752
два источника средств к существованию	231	219	238	231
три источника средств к существованию	15	15	15	16
четыре и более источника средств к существованию	1	1	1	1
не указавшие источник средств к существованию	28	51		

Рассчитано и составлено авторами по данным [1].

Однако различия, причем разнонаправленные, можно наблюдать, если рассмотреть домохозяйства по месту проживания. В городах одиночки имеют более диверсифицированный доход: 1 источник дохода имеет 733, с корректировкой на не указавших 781 из 1000, против 777 и 806 в обычных домохозяйствах. В то же время в селах наблюдается противоположная ситуация (см. Рис. 4.). Доля населения домохозяйств, состоящих из 1 человека, проживающих в основном на единственный источник дохода (в независимости от пола) больше по сравнению с прочим населением. Причем, данное распределение характерно для всех возрастов (кроме 15-19 лет).

Для домохозяйств, состоящих из одного человека, как видно из таблицы 10, более характерно не указывать количество источников средств к существованию. Причем, подобная тенденция в большей степени характерна для мужчин (69 на 1000 против 41 у женщин, при том что по всем домохозяйствам наблюдается распределений 27 к 28 промилле) и для городской местности (11 против 62). Хотя для городов в большей степени характерно отсутствие указания количества источников (36 к 5 для всех домохозяйств). Неслучайно, среди регионов, в которых количество источников было неуказанно, лидирует город федерального значения Санкт-Петербург. У городских мужчин, проживающих одиноко, число не указавших источник составляет 85 на 1000 (для всех аналогичных домохозяйств, и это тоже самый высокий показатель, - 37). Что касается возрастного распределения лиц, не указавших источник средств к существованию, то, как правило, это мужчины в трудоспособном возрасте - 30-54 лет, а также женщины старше 70 лет (как в городе, так и на селе).

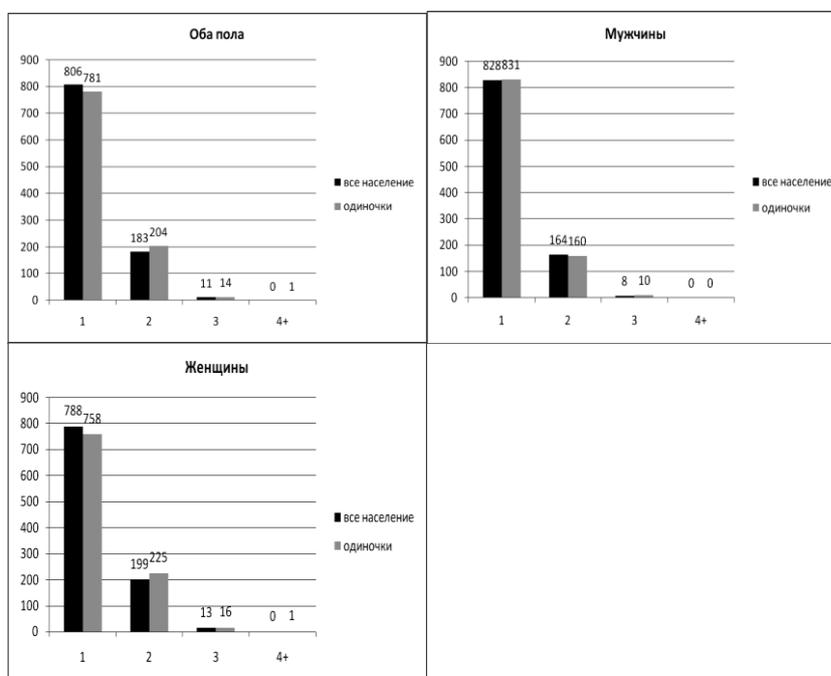

Рис. 4. Распределение населения по источникам доходов в городе (с корректировкой на не указавших), все население и одиночки (составлено авторами по материалам [1])

Основной источник средств к существованию в большей степени определяется демографическими характеристиками домохозяйств, состоящих из одного человека. Большинство населения данных домохозяйств (разница с прочими домохозяйствами почти в 2,5 раза) указывает своим основным источником дохода пенсию, что интуитивно понятно, так как среди одиноких домохозяйств преобладают пожилые (см. Табл. 11). Ещё большее расхождение ожидаемо наблюдается среди женщин, проживающих в сельской местности (разница достигает 2,7). Хотя демографический фактор является основным в объяснении подобного распределения доходов, даже в старших трудоспособных

возрастах доля живущих на пенсию, как основной источник, среди одиноко проживающих выше. Ещё одним отличием является очень небольшая доля иждивенцев среди одиночек (расхождение ещё более существенное, чем по пенсионерам – более чем в 3,5 раза) из-за небольшого числа данных домохозяйств в молодом возрасте. Та же самая закономерность наблюдается и при рассмотрении всех источников дохода в целом.

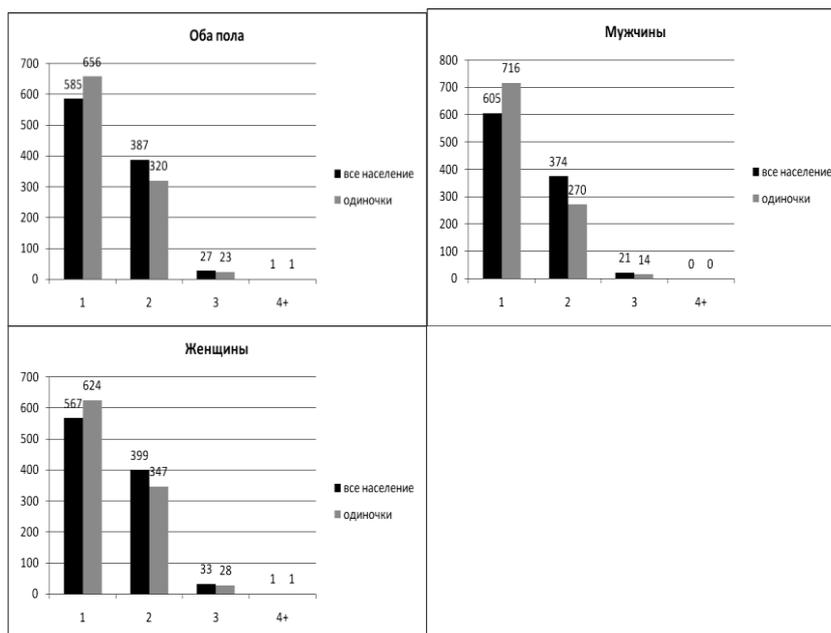

Рис. 5. Распределение населения по источникам доходов на селе (с корректировкой на не указавших) (составлено авторами по материалам [1])

Таблица 11

Распределение населения по основному источнику дохода

	все население	одиночки
Трудовая деятельность	460	358
Личное подсобное хозяйство	15	9
Стипендия	4	5
Пенсия (кроме инвалидности)	201	502
Пенсия по инвалидности	26	39
Пособие (кроме безработицы)	12	2
Пособие по безработице	7	6
ДВГО	9	1
Сбережения, дивиденды, проценты	2	4
Сдача в аренду имущества, патенты, авторские права	0	1
Иждивение	263	72
Иной источник	1	1

Составлено авторами по материалам [1]

Сопоставим распространенность источников средств к существованию в различных возрастах. Возрастные профили населения, живущего на заработную плату и на пенсию, приведены на рисунке 6 и в таблице 11 соответственно. В результате заработные платы в большей степени распространены как источник средств к существованию в домохозяйствах, состоящих из одного члена, в возрасте от 25 до 44 лет (подобная закономерность характерна как для основного источника дохода, так и для источника в целом⁹).

⁹ От 25 до 54 лет для всех источников средств к существованию.

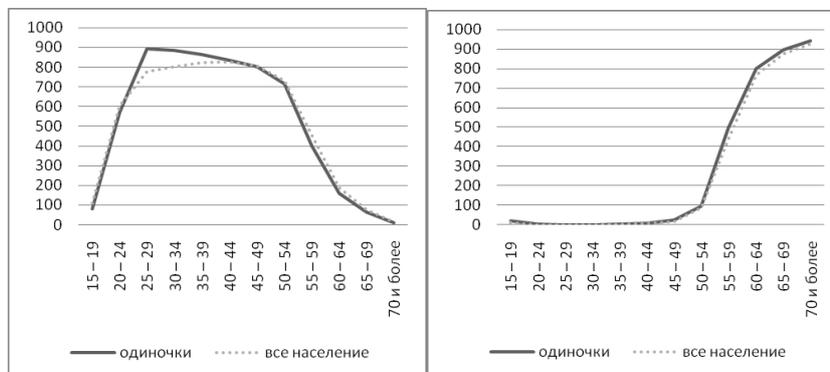

Рис. 6. Трудовая деятельность (слева) и пенсии (справа) как основной источник дохода (составлено авторами по материалам [1])

Кроме того, для домохозяйств одиночек во всех возрастах характерна большая доля лиц, получающих пенсии (а также получателей пенсий, как основного источника). Таким образом, преобладание пенсий среди источников дохода населения домохозяйств, состоящих из одного человека, объясняется не только, как было показано выше, демографическим фактором, хотя влияние последнего гораздо более существенно.

Население, не указавшее основной ИСС. Вместо заключения

Вопрос об источниках средств к существованию – далеко не самый простой вопрос переписного листа. Список источников велик, некоторые из них, особенно «трудовая деятельность» и «пособия», содержат, по сути, свой список, между другими трудно провести четкую грань. Сложность также в том, что он – полуоткрытый¹⁰. К тому же «средства к существованию» – эвфемизм дохода, а вопросы о доходе вызывают повышенную подозрительность у населения. Неудивительно, что процент не ответивших на этот вопрос довольно велик – 2,8%. Удивительно то, что в тех, случаях, когда ответ не только указан, но и дан развернуто, т.е. перечислено, напр., два источника средств к

¹⁰ Имеется вопрос «иные источники», который требует расшифровки.

существованию, процент не выбравших основной из них в населении с несколькими источниками в 2 с лишним раза больше.

Процент не ответивших на вопросы об источниках средств к существованию характеризует качество переписи, но между не указавшими источник средств к существованию и не указавшими только основной из них существует важная разница. В числе первых неминуемо имеются домохозяйства, в которых опрос мог не проводиться, и переписные листы могли быть заполнены без участия опрашиваемых¹¹. Поэтому долю таких людей в населении в какой-то мере можно интерпретировать как показатель полноты переписи. Во второй группе так быть не должно. Отсутствие ответа на этот вопрос может свидетельствовать либо о затруднении, возникающем при выборе из двух и более источников основного, как самого респондента, так и переписчика, либо о небрежности (торопливости) последнего при проведении опроса. Относительно большая доля неответивших на этот вопрос среди тех, кто указал более одного источника средств к существованию¹², может свидетельствовать о невысоком качестве проведения переписи, что ведет к снижению надежности выводов из анализа основных источников населения с несколькими источниками средств к существованию.

Во всем населении численность не выбравших основной источник средств к существованию значительно меньше, чем численность не ответивших на вопрос об источниках средств к существованию, соответственно, меньше их доля: 1,6% против 2,8% для обоих полов. Но сравнение по трем возрастным группам показывает, что значительный разрыв характерен только для трудоспособного возраста (1,3 % против 3%), тогда как в старших возрастах наблюдается равенство. Кроме того, рассмотренные соотношения характерны для города, в селе же соотношение обратное. Здесь число «невыбравших» в 2-4 раза больше, чем число

¹¹Поскольку этот вопрос касается доходов, возможно также, что он мог вызвать подозрение у некоторой части опрашиваемых. Поэтому в какой-то мере он может отражать степень недоверия к переписи. Судя по возрастному профилю, чаще всего он вызывал недоверие у людей трудоспособного, а не пожилого возраста.

¹²Согласно инструкции о порядке проведения переписи вопрос об основном источнике задается только тем, кто отметил более 1 источника.

«неответивших». Таким образом, если интерпретировать показатели в предложенном выше духе, то в городе чаще встречается проблема охвата или доступности населения для переписи; в селе – проблема качества заполнения переписного листа.

Литература

1. Итоги Всероссийской переписи населения – 2010
http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
2. Итоги Всероссийской переписи населения – 2002
www.perepis2002.ru
3. Население России 2002. Десятый ежегодный демографический доклад / Отв. редактор Вишневский А.Г. – М. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. Центр демографии и экологии человека, 2004.

Винник М.В.¹

**СЕЗОННОСТЬ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ
(НА ПРИМЕРЕ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ ПОКРОВСКОГО
ПРИХОДА Г. БАРНАУЛ, 1877 – 1886 ГГ.)**

Вопросами сезонности демографических процессов исследователи интересовались, начиная уже с середины XIX века, и продолжают изучать их в настоящее время. Основное внимание дореволюционных исследователей было уделено преимущественно смертности. Рассматривая сезонность смертности, они пытались выявить их законы с целью привлечения внимания к высокой смертности в определенные периоды. Исследования в основном проводились на локальных территориях с использованием небольшого временного периода.

Современные исследователи изучают вопросы не только смертности, но и других демографических процессов, более детально подходя к проблемам. Так, например смертность, рассматривается в сфере трансформации ее структуры, от преимущественно экзогенной в дореволюционное время к преимущественно эндогенной в настоящее время. А также исследователи имеют возможность охватить большее число территорий и больший временной период. Рассматривая метрические книги историки и демографы выявляют особенности развития регионов России, в том числе и Сибири, в XIX веке и ранее, восстанавливают происходящие в допереписной период демографические процессы. Метрики выступают своеобразным источником информации о населении, с помощью которого также можно изучить сезонные изменения смертности, рождаемости, брачности.

Краткий обзор историографии по сезонности демографических процессов

Среди исследователей в дореволюционный период можно выделить работы Ф.В. Гиляровского, который занимался изучением сезонности младенческой смертности в Новгородской губернии. На

¹Винник Мария Викторовна – м.н.с. Института демографии НИУ ВШЭ, аспирантка кафедры демографии НИУ ВШЭ

сезонность младенческой смертности в Ставропольской губернии обратил внимание лекарь Снигирев. С.М. Ершов, рассмотрев закономерности сезонных различий младенческой смертности у русских и татар, отмечал, что смертность детей до 1 года у русских в два раза выше, чем у татар[265] При изучении метрических книг Петербурга, сезонные колебания в смертности отмечал Л.Ю. Крафт[266].

Также к исследователям дореволюционного периода можно отнести статистико-социологическое исследование А.И. Шингарева[267], который рассмотрел и объяснил сезонные изменения, не только смертности, но также рождаемости и брачности в селениях Воронежского уезда.

Следует отметить, что вышеупомянутые авторы, в своих исследованиях опирались на данные метрических книг и собственные наблюдения.

Врач-статистик В.И. Гребенщиков[14], который занимался вопросами смертности в Европейской России, сравнивал врачебные записи с метрическими книгами по причинам смерти, отмечал, что метрики далеки от точности, но они дают более или менее приблизительное представление о распространении болезней. В своей работе он также описал сезонность детской смертности в приходах Пермской губернии.

В конце XX – начале XXI вв. внимание российских исследователей к церковным источникам усилилось. Это стало возможным благодаря достижениям зарубежных демографов, которые стали применять новые методики при работе с метрическими книгами. А также внедрять информационные технологии в историческую демографию и все чаще использовать математический, статистический и демографический анализ в исследованиях.

В ряде российских университетов сформировались научные центры, где ведутся исследования массовых источников по социальной и демографической истории. Сезонный аспект рассматривался в работах исследователей Санкт-Петербургского государственного университета М.А. Марковой [9] и С.С. Смирновой [13].

В Тамбовском государственном университете также ведутся исследования материалов церковно-приходского учета населения. В.В. Канищев, В.Л. Дьячков, Р.Б. Кончаков сделали выводы о сезонности рождаемости в приходах Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. [6].

Сезонные изменения демографических процессов по данным севастопольских метрических книг были изучены О.В. Хабаровой [15]. Исследование сезонности брачности, рождаемости и младенческой смертности российского крестьянства на примере населения Выхинской вотчины Шереметьева было проведено А. Авдеевым, А. Блюмом, И. Троицкой [1].

Историки Алтайского государственного университета также проводят исследования по данным метрических книг. Ими была создана База данных «Население Барнаула», которая содержит в себе информацию обо всех метрических книгах, хранящихся в государственном архиве Алтайского края, начиная с 1767 по 30-е гг. XX в.

В Барнауле со второй половины XVIII в. существовало три церкви, которые вели регистрацию религиозных и демографических событий, а также учет православного населения - это Петропавловская, Одигитриевская и Захарьевская. Четвертой стала Покровская церковь, которая была освящена в августе 1863 г.. Она помогла «разгрузить» главную Петропавловскую соборную церковь, вследствие чего произошло перераспределение прихожан между двумя этими храмами [2].

Для анализа сезонных изменений демографических процессов г. Барнаул были привлечены метрические книги именно Покровского прихода. Выбор Покровского прихода в исследовании был обусловлен несколькими причинами. Во-первых, для этого прихода была характерна социальная дифференциация приходского населения, что представляет исследовательский интерес с точки зрения сравнения демографических процессов в различных сословиях. Во-вторых, данные Покровского прихода не содержат больших временных пропусков, что позволяет автору получить достоверные результаты.

Методология расчета сезонности

Сезонные колебания могут быть рассмотрены относительно различных демографических событий. Кроме того, к примеру, сезонность смертности может быть рассчитана в разрезе пола, определенных возрастных групп и причин смерти.

К одним из простых способов выявления сезонности можно отнести распределение числа событий в течение года в долях. Однако такой способ не покажет превышение помесечных показателей над среднегодовыми. Последнее можно рассчитать при вычислении сезонного коэффициента, который равен отношению числа событий в определенном месяце к среднегодовому числу смертей:

$$K_s = \frac{N_m}{\bar{N}_y},$$

где K_s - сезонный коэффициент,

N_m – число событий в месяце,

\bar{N}_y – среднее число событий в году.

В более точном способе расчета месячное число событий соотносится с событиями, произошедшими не в календарном году, а в году до наступления этого события.

Другой способ расчета сезонного коэффициента учитывает число дней в месяце, а значит, наиболее корректно вычисляет среднемесячные значения. В этом случае коэффициент сезонности вычисляется как отношение помесечных коэффициентов к среднегодовому коэффициенту:

$$K_s = \frac{K_m}{K_y}$$

Помесячный коэффициент смертности K_m , в свою очередь, является отношением числа событий в определенном месяце к числу дней этого месяца:

$$K_m = \frac{N_m}{d_m}$$

где N_m – число событий в месяце,

d_m - число дней в месяце.

Аналогично вычисляется среднегодовой коэффициент смертности K_y , который равен отношению числа событий в данном году к числу дней года:

$$K_y = \frac{N_y}{d_y}$$

где N_y – число событий в году,
 d_y - число дней в году.

Сезонные изменения рождаемости в Покровском приходе

По данным метрических книг Покровского прихода рождения распределяются по сезонам года практически равномерно, на весенний период приходился 27%, на зимний и летний периоды по 25%, на осенний период - 23%. Однако сезонность по месяцам все же наблюдается. Так, максимум рождений приходился на январь и май (по 10%), минимум - на декабрь и ноябрь (по 7%) (Рис.1).

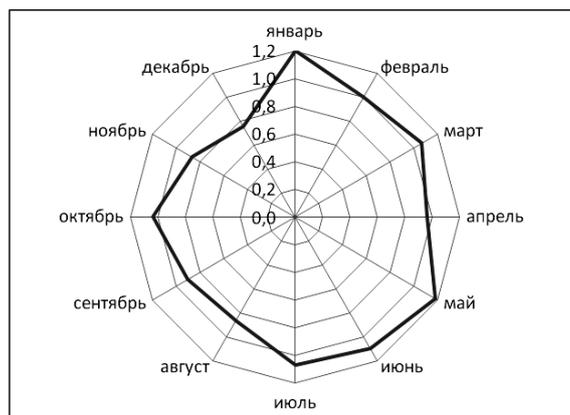

Рис.1. Коэффициент сезонности рождений по месяцам, среднее за 1877 – 1886 гг.

Источник: рассчитано автором по БД «Население Барнаула»

Также рождения были распределены по месяцам их зачатий (Табл.1). Из таблицы видно, что минимум зачатий приходился на такие месяцы как март (6,3%), февраль (7,2%), ноябрь (7,2%),

декабрь (7,6%). Максимум зачатий приходился на апрель (10,0%), август (9,9%), сентябрь (9,2%). Соответственно, со сдвигом на 9 месяцев, минимум рождений приходился на декабрь, ноябрь, август и сентябрь, а максимум – на январь, май, и июнь.

В селениях Воронежского уезда, рассматриваемых Шингаревым, максимум зачатий приходился на конец осени и зиму, причиной являлись отхожие промыслы мужчин, характерные для весеннего и летнего периода[16].

Минимальное число зачатий в некоторых месяцах Миронов Б.Н. объясняет влиянием Великого поста (Табл. 2). Он ссылается на П. Грязнова, который считал, что снижение зачатий в марте и декабре зависят от постов. Вместе со смещением Великого поста, смещались и зачатия, а соответственно и рождения. Если пост начинался рано, то не только в феврале, но и в марте наблюдалось мало зачатий, что соответственно означало и число рождений должно быть небольшим в ноябре, и в декабре. И максимум рождений должно приходиться на январь, так как число постных дней в марте было больше, чем в феврале [10].

Таблица 1

**Распределение по месяцам зачатий и рождений в Покровском приходе,
1877-1886 гг., все рождения**

Месяцы рождений												
	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
Месяцы зачатий												
	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь	январь	февраль	март
Коэффициент сезонности	1,20	1,00	1,06	0,96	1,18	1,10	1,07	0,87	0,91	1,03	0,86	0,76
Доля, %	10,0	8,3	8,9	8,0	9,9	9,2	8,9	7,2	7,6	8,6	7,2	6,3

Источник: Рассчитано автором по БД «Население Барнаула»

Таблица 2

Влияние сроков Великого поста на помесячные колебания числа зачатий и рождений среди православного населения Европейской России в 1877-1886 гг.

Год	Дата Пасхи	Сроки Великого поста	Из февраля	Из марта	Из апреля	Месяц минимума рождений
1877	27.03	06.02-26.03	23	26	0	Ноябрь
1878	16.04	27.02-16.04	2	31	16	Декабрь
1879	01.04	11.02-31.03	18	31	0	Декабрь
1880	20.04	21.02-09.04	9	31	9	Декабрь
1881	12.04	22.02-11.04	7	31	11	Декабрь
1882	28.03	07.02-27.03	22	27	0	Ноябрь
1883	17.04	28.02-17.04	1	31	17	Декабрь
1884	08.04	20.02-08.04	10	31	8	Декабрь
1885	24.03	02.02-23.03	27	23	0	Ноябрь
1886	13.04	23.02-12.04	6	31	12	Декабрь

Источник: [10]

Как и в Европейской России, в Покровском приходе минимум рождений приходился на ноябрь и декабрь, однако рождения в эти месяцы все же наблюдались, что говорит о несоблюдении частью населения религиозных постов. Однако, по мнению Миронова Б.Н. в 1860-х гг. доля населения, которая не соблюдала воздержание, доходила до 76%, и только 24% населения придерживались поста [11].

Практически в каждой метрической книге можно встретить запись о «незаконнорожденном» младенце. Незаконнорожденным считался ребенок, родившийся вне брака. Среди общего числа рождений за 1877-1886 гг. доля незаконнорожденных детей в Покровском приходе составила – 11,3%. Если рассмотреть внебрачную рождаемость (Рис. 2), то рождения распределены неравномерно, наблюдается увеличение в январе, марте и октябре.

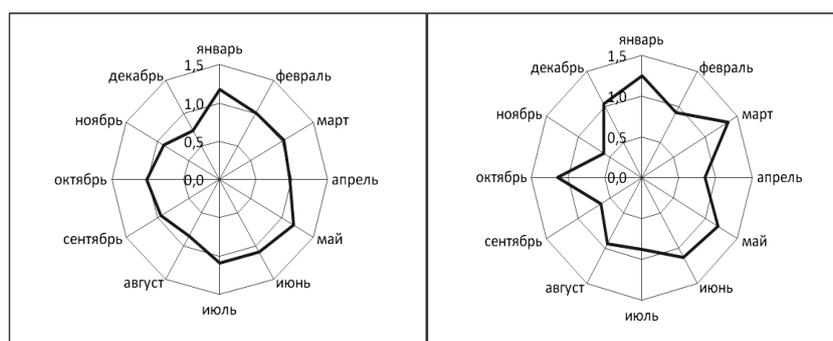

Рис. 2. Коэффициент сезонности брачных (слева) и внебрачных (справа) рождений по месяцам в Покровском приходе (1877-1886 гг.).

Источник: рассчитано автором по БД «Население Барнаула»

В отличие от законнорожденных детей, коэффициент сезонности у которых в декабре составил 0,73 (или 6% от всех рождений в браке), у незаконнорожденных этот показатель выше и составляет – 1,04 (или 9% от всех рождений вне брака). Данный факт позволяет судить о том, что на внебрачную рождаемость религиозный фактор не оказывал влияние.

В целом, можно отметить, что сезонность рождаемости в последней трети XIX века была подтверждена влиянию религиозного

фактора, это связано, прежде всего, с тем, что существовали религиозные ограничения, и население придерживалось православных канонов, соблюдая религиозные посты, которые длились круглый год, поэтому мы могли наблюдать минимальное количество зачатий в феврале, марте, ноябре и декабре.

Сезонные изменения смертей

В каждой стране распределение смертей по месяцам сохраняется в более или менее неизменном виде. На распределение смертей влияют климатические, социальные, эпидемиологические характеристики территорий в определенный момент времени.

По данным метрических книг Покровского прихода за 1877-1886 гг. были построены месячные распределения смертей (Рис. 3).

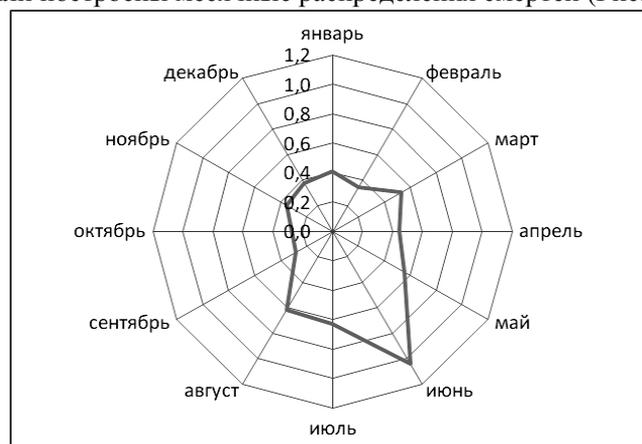

Рис. 3. Коэффициент сезонности смертности в Покровском приходе по месяцам по данным метрических книг, 1877 – 1886 гг.

Источник: рассчитано автором по БД «Население Барнаула»

Пик смертности приходился на летние месяцы, а минимум смертей - на осенний и зимний период.

Если рассматривать смертность по возрастным группам и месяцам, то большая часть детей в возрасте до 1 года также умирала в летние месяцы, особенно в июне (Рис. 4).

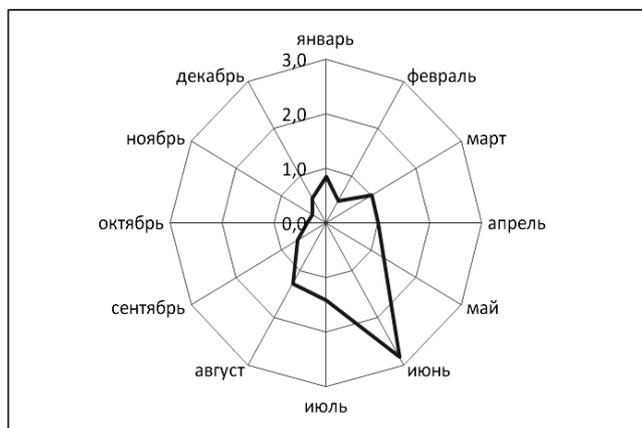

Рис. 4. Коэффициент сезонности младенческой смертности, 1877 – 1886 гг.

Источник: рассчитано автором по БД «Население Барнаула»

Для детей в возрасте от 1 до 4 лет также характерной является смертность в июне (Рис. 5).

В последней трети XIX века младенческая смертность еще сильно зависела от времени года. Исследователи, занимающиеся изучением сезонности младенческой смертности, отмечали, что пик смертей приходился на летний период, что также видно и в нашем исследовании, где на летний период приходится чуть менее половины (46%) всех смертей в возрасте до 1 года. Среди летних месяцев особо выделяется июнь, на него приходилось 18% смертей.

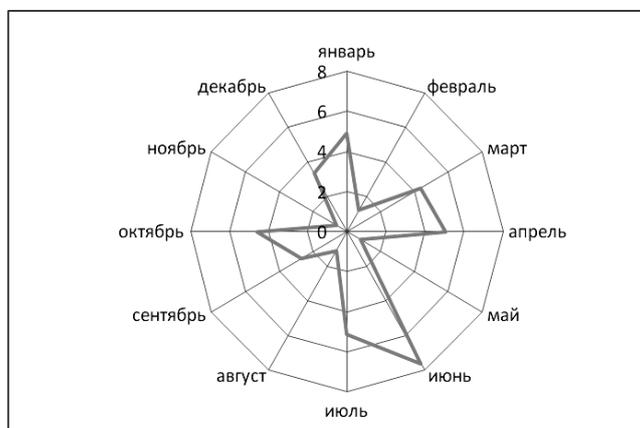

Рис. 5. Коэффициент сезонности смертности детей в возрасте 1-4 года, 1877 – 1886 гг.

Источник: рассчитано автором по БД «Население Барнаула»

На весенний период приходилось 28% всех смертей. Среди весенних месяцев наибольшим по количеству смертей являлся май - 11% случаев. Младенческая смертность в зимний и осенний период составляла 15% и 11% соответственно. В осеннем периоде выделялся сентябрь (5%) с более высокой среднемесячной температурой, а в зимний – январь (7%), месяц с наименьшей среднегодовой температурой.

Высокая младенческая смертность в летний период объясняется инфекционными и желудочно-кишечными заболеваниями, пик которых связан, прежде всего, с сухой и жаркой погодой, в том числе с особенностями вскармливания новорожденных детей [1].

Рассматривая сезонность смертности, Гребенщиков, как и многие другие исследователи, наибольшую смертность выделял в летние месяцы и притом, именно детей в возрасте до 1 года; он отмечал, что это совершенно не характерно для западных государств. В статье Соколова, Гребенщикова приводится ряд исследователей, которые описывали младенцев русского населения. Младенцы зачастую оставались дома под присмотром детей и стариков, завернутые в грязные пеленки, которые долго не менялись.

Сезонность младенческой смертности обусловлена структурой причин смерти, так в последней трети XIX века большую роль еще играют средовые факторы, а именно природно-климатические условия, и связанный с этим рост желудочно-кишечных инфекций в летнее время [265].

Сезонное распределение браков

Выбор брачного партнера, времени и места заключения брака строго определялось всеобщими правилами. К таковым, в первую очередь относились религиозные запреты. В православном населении России XVIII – XIX вв. к запретам относились очень строго. По правилам православной церкви запрещали проведение брачных обрядов в общей сложности 9 месяцев в году. Запрещалось венчаться во время постов, которые длились 19 недель в год, а также накануне постов и в дни великих праздников, в том числе в течение пасхальной недели и Святков, которые длились 2 недели после Рождества.

За запретами венчаний во время постов, пасхальной недели и Святков следили особенно строго. С.М. Ершов писал: «Религиозные требования вовсе исключают возможность браков в марте и декабре, эти месяцы почти всецело заняты постами: за 20 лет Гиляровский нашел в исследованной им местности (Боровичи) только один брак в марте, но для нашей местности в течение 27 лет ни разу не было случая в марте и декабре» [265]. На протяжении 1877-1886 гг. в Покровском приходе также не было зафиксировано ни одного брака в декабре, однако в марте один случай все же был зарегистрирован.

Также следует отметить, что помимо религиозных запретов на сезонность браков могли оказывать влияние сельскохозяйственные работы, брак мог препятствовать полевым работам, поэтому мы можем видеть что брак, заключенный в летние месяцы не носил такого массового характера. Хотя очень много зависело от специфики региона, а именно климатического пояса и различия возделываемых сельскохозяйственных культур [1]. Но данный вывод неоднозначен и требует дополнительного изучения.

Большинство браков по метрическим книгам Покровского прихода приходилось на зимние месяцы, что составляло 38%.

Основная часть браков приходилась на январь: за рассматриваемый период было заключено 27% браков, на февраль приходилось 11% браков. На осенний период приходилось 27% браков, пик наблюдался в октябре и в ноябре – 10%, среди весенних браков большинство было заключено в мае – 13%. Летних браков было меньше всего, большинство из них приходилось на июль и составляло 11%. Браки полностью отсутствовали в декабре (Рис. 6), а на март приходился всего один случай, но эти особенности, как было отмечено выше, определялись религиозными запретами.

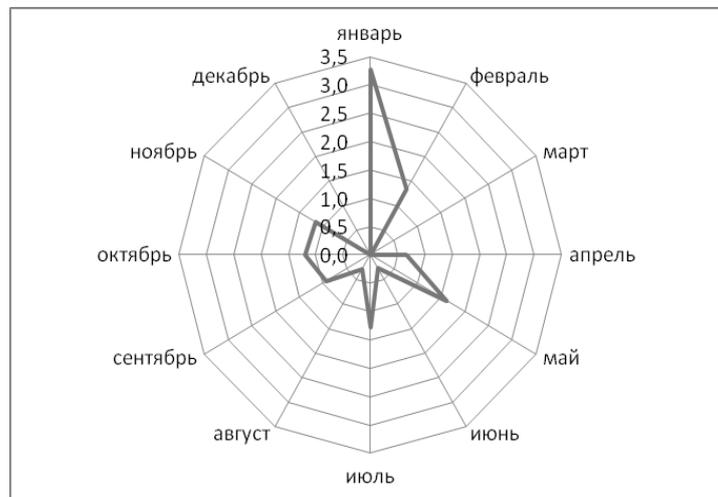

Рис.6. Коэффициент сезонности браков, 1877-1886 гг.

Источник: рассчитано автором по БД «Население Барнаула»

«Православная церковь не венчала браки во время четырех многодневных постов: Великого (он длился 48 дней перед Пасхой и почти всегда включал в себя март), Петрова (20 дней в мае-июне), Успенского (1–14 августа) и Рождественского (15 ноября — 24 декабря). Действовал религиозный запрет и на браки между Рождеством и Крещением (25 декабря–6 января), а также во все дни масленицы — недели перед Великим постом и в пасхальную неделю. Запрещались браки в кануны и в самые дни церковных и государственных праздников, а также накануне среды, пятницы и воскресенья в течение всего года. В силу этого в марте и декабре

брачная активность православного населения практически прекращалась, в августе была крайне низкой. Браки, заключенные в марте и декабре, относятся к не православному населению» [3].

Выводы

В целом, работы, выполненные на российских данных в этой области немногочисленны, но с каждым годом собираются и обрабатываются новые данные, что в дальнейшем позволит выявить региональные различия и особенности демографических процессов в прошлом, которые могут проявляться и в настоящее время.

По результатам нашего исследования, сезонные различия в брачности и рождаемости в последней трети XIX в. объясняются тем, что существовали религиозные запреты, которые оказывали влияние на эти демографические процессы. На внебрачную рождаемость в Покровском приходе религиозный фактор существенного влияния не оказывал.

Младенческая и детская смертность, которая была высокой в этот период времени, особенно обострялась в летний период преимущественно за счет усиления инфекционных заболеваний.

Необходимо отметить, что выводы, полученные в результате нашего исследования, не всегда совпадают с рядом выводов наших предшественников, возможно как раз на этот факт оказала влияние региональная особенность. А для того, чтобы прийти к однозначным результатам в будущем, необходимо расширить географические и хронологические рамки исследований.

Литература

1. Авдеев А., Блюм А., Троицкая И. Сезонный фактор в демографии российского крестьянства в первой половине 19 века: брачность, рождаемость, младенческая смертность // «Российский демографический журнал», 2002, №1, с. 35-45.
2. Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е., Чибисов М.Е. К изучению профессионального состава населения Барнаула во второй половине XIX – начале XX вв. // Наука – Алтайскому краю. Сб. науч. статей по результатам научных исследований, выполненных за счет средств краевого бюджета. Вып.2. Барнаул, 2008. С. 120.

3. Гончаров Ю.М. Городская семья во второй половине XIX – начала XX в. Барнаул, 2002. С. 383.
4. Демографическое развитие Москвы на рубеже XIX и XX веков: Монография / под ред. Н.М. Калмыковой. – М:ТЕИС, 2011. – 146 с.
5. Денисенко М.Б., Калмыкова Н.М. Демография в примерах и задачах. Учеб. пособие, М.: «ИНФРА-М». 2006, с. 107.
6. Дьячков В. Л., Канищев В. В. Декабрьские рождения. К вопросу о роли религиозного фактора в демографическом поведении традиционного крестьянства. Тамбовская губерния, XIX — начало XX в. // Круг идей: Электронные ресурсы исторической информатики. Труды VIII конференции Ассоциации «История и компьютер». М.— Барнаул, 2003. С. 317–339 .
7. Кваша Е.А. Младенческая смертность в России в XX веке. // Демоскоп Weekly. –2003 - № 125-126.
URL:<http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0125/analit02.php>
8. Крафт Л.Ю. Собрание разных знаний о законах рождения и смертности в роде человеческом // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. СПб.,1787. Ч.П. С.376.
9. Маркова М.А. Некоторые наблюдения за полнотой фиксации младенческой смертности в метрических книгах Олонецкой губернии. Компьютер и историческая демография. Сб. науч. трудов. / под ред. В. Н. Владимирова. –Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2000. – С. 165-173.
10. Миронов Б.Н. Можно ли увидеть всю Россию из Малых Пупков?// Круг Идей: Алгоритмы и технологии исторической информатики. Ассоциация «История и компьютер», 2005.
11. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т.1, СПб, 2000. 547 с.
12. Новосельский С.А. Смертность и продолжительность смерти в России. Петроград, 1916. 208 с.
13. Смирнова С.С. Смертность в Олонецкой губернии в XIX – начале XX в.: к вопросу о фиксации причин смерти (по

материалам метрических книг). // Материалы VIII конференции ассоциации «История и компьютер». – М.: Ассоциация «История и компьютер», 2002. – С.196 – 199.

14. Соколов Д.А., Гребенчиков В.И. «Смертность в России и борьба с нею» (ч. 1-3) //Альманах «Восток» N 1 (13), 2004.

15. Хабарова О.В. Анализ основных аспектов смертности населения г. Севастополя в XIX в. при помощи базы данных (по материалам метрических книг)// Материалы докладов XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» / Отв. ред. И.А. Алешковский, П.Н. Костылев, 2007.

16. Шингарев А.И. Вымирающая деревня: Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. Статистико-социологическое исследование в дореволюционной России. М.: ЛКИ, 2010. – 232 с.

Максудов С.¹

ГЕОГРАФИЯ ПОТЕРЬ ОТ ГОЛОДА 1932-1934 ГОДОВ НА УКРАИНЕ

Несмотря на продолжающуюся дискуссию о том, является ли Голодомор геноцидом, в изучении потерь эпохи коллективизации довольно многие вопросы близки к разрешению. В частности, большинство исследователей оценивает повышенную убыль населения Украины в интервале 3.5-4 миллиона, что составляет примерно половину потерь СССР в годы коллективизации. Остается, однако, неясным, как эта убыль распределена по территории республики? В свое время я использовал для ответа на этот вопрос данные о численности сельских женщин в переписи 1959 года [8]. Оказалось, что поколения 20-24 лет, то есть родившиеся после 1934 года в большинстве регионов СССР меньше, чем поколения 25-29 летних². Обратная картина наблюдается лишь в Казахстане, на Нижней Волге, Северном Кавказе и в 16 областях Украины. Известно, что именно на этих территориях особенно богатую жатву собрал голод, и не приходится удивляться, что поколения, перенесшие голод в детском возрасте, оказались сравнительно малочисленными. Не наблюдается отмеченного эффекта у северных и восточных соседей Украины жителей Гомельской, Курской, Воронежской, Белгородской областей.

Результаты расчета показывают, что наибольшие потери понесли южные, восточные и центральные области: Киевская, Днепропетровская, Харьковская, Кировоградская, Черкасская, Луганская. Наиболее благополучными оказались северные: Черниговская и Сумская и западные: Каменец Подольская (Хмельницкая), Винницкая, Житомирская области, а также Донбасс.

¹ Максудов Сергей – историк, демограф, социолог. Специалист по изучению потерь населения СССР. Преподавал и вел исследовательскую работу в Гарвардском и Бостонском университетах (США), в Украинском институте Эдмонта (Канада).

² Данные были опубликованы только в группировке по пятилетним интервалам. Автор использовал для расчетов поколения сельских женщин, поскольку они менее склонны к миграции и несли сравнительно меньшие потери от сталинских репрессий и второй мировой войны.

О заметных потерях населения свидетельствует резкое сокращение численности сельского населения в 1932-37 годах (Табл. 1).

Таблица 1

**Численность сельского населения
по областям Украины по переписям 1926, 1932, 1937 гг.**

области	тысяч человек			изменение в год %	
	1926	1932	1937	1926-1932	1932-1937
Винницкая	3830	4388	3457	2.4	-5.3
Киевская	4748	5164	3787	1.5	-6.7
Черниговская	2444	2692	2194	1.7	-4.6
Харьковская	4747	4825	3469	0.3	-7.0
Донецкая	2032	1875	1393	-1.3	-6.4
Днепропетров- ская	2916	2845	2153	-0.4	-6.1
Одесская	2455	2363	1899	-0.6	-4.9
Молдавская АССР	413	523	473	4.4	-2.4
Украина	23663	24674	18826	0.7	-5.9

Примечание: Данные приводятся по административному делению середины 30-х годов для восьми больших областей. В Киевскую область входила тогда Черкасская область, в Харьковскую - Полтавская, и часть Сумской области. В Днепропетровскую - Запорожская и половина Кировоградской, в Винницкую - Житомирская и Хмельницкая, в Донецкую Сталинская и Ворошиловградская.

Источник: [2,6].

Из таблицы 1 видно, что в 1926-32 гг. сельское население Украины росло на западе и севере и медленно сокращалось на юге, причем наиболее быстро падала численность селян в Донбассе. В 1933-36 годах тенденция роста повсеместно сменилась убылью на 5-7% в год. Лишь в Одесской области и МССР темп снижения был несколько меньшим.

Таблица 2

Численность поколений сельских женщин 1927-1938 годов рождения по переписи 1939 года по областям и краям Украины, Белоруссии и РСФСР (тыс. чел.)

Области	Тыс. человек	В том числе поколения годов рождения											
		1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938
Полтавская	947.1	21.9	22.8	17.9	20.4	14.9	9.0	7.1	13.9	18.8	23.5	27.5	26.6
Кировоградская	502.1	12.6	12.8	9.4	10.8	7.5	4.2	3.9	8.5	9.1	11.4	14.6	14.8
Харьковская	637.7	17.0	18.1	13.8	15.1	11.3	6.7	5.1	10.4	12.5	18.3	19.5	21.2
Киевская	1232.3	28.9	30.3	23.3	26.9	20.5	12.1	10.5	20.5	26.0	32.2	37.1	39.2
Днепропетровская.	557.0	15.2	16.4	12.3	14.7	10.4	6.2	4.8	10.1	10.0	14.2	19.5	18.3
Сумы	728.9	17.5	18.7	14.9	17.1	13.5	9.1	7.0	9.4	15.4	19.2	20.0	21.6
Ворошиловградская	328.8	8.7	9.3	7.5	8.4	6.2	4.1	3.2	5.5	7.4	8.4	9.5	10.8
Запорожская	533.8	15.8	16.0	12.5	14.7	11.2	7.8	5.7	9.9	9.2	14.0	18.8	19.0
Одесская	490.5	12.8	12.9	9.7	12.8	10.4	6.8	5.0	9.0	8.9	11.0	14.7	16.2
Николаевская	388.9	10.5	10.5	7.9	10.4	8.0	5.6	4.1	7.4	6.7	9.3	13.2	13.9
Сталинская	340.7	10.0	10.7	8.5	10.0	7.5	5.5	3.7	6.1	6.5	8.2	10.9	10.9
Винницкая	1110.0	25.1	26.9	21.6	26.9	22.5	15.9	11.2	18.5	18.9	25.5	28.9	30.4
Черниговская	777.7	18.4	19.3	15.8	18.1	15.2	11.6	8.7	9.8	14.7	17.5	19.7	21.2

Житомирская	695.7	17.6	18.4	15.6	19.5	16.4	12.0	8.9	12.2	16.0	19.9	21.1	22.5
Молдавская ССР	252.7	5.9	6.1	4.5	6.5	5.7	4.0	3.3	6.2	6.3	6.2	7.1	8.1
Каменец-Подольская	813.5	18.7	20.5	16.6	21.0	17.9	14.5	11.2	12.6	13.6	17.7	20.4	21.2
Курская	1541.8	42.6	45.5	38.5	44.9	40.4	30.2	22.9	24.3	32.6	39.6	37.4	51.2
Московская	1400.2	33.4	33.2	28.0	31.1	28.4	26.4	21.7	19.9	23.9	28.3	38.3	42.0
Воронежская	1556.0	42.9	46.7	39.0	45.7	41.0	33.3	25.4	27.0	32.6	37.9	32.6	50.9
Гомельская	339.3	8.8	9.3	7.7	9.9	9.5	7.8	6.6	6.9	8.1	9.0	8.9	10.5
Витебская	483.5	12.9	13.0	10.0	13.5	13.1	11.2	8.6	7.8	10.1	11.2	13.1	13.5
Горьковская	1423.4	35.2	38.2	32.9	36.2	34.6	34.9	31.2	34.6	33.3	33.9	38.7	46.3
Куйбышевская	1066.0	30.3	32.8	28.4	29.7	27.8	21.4	17.6	17.3	23.5	28.8	29.0	39.9
Саратовская	608.9	17.4	18.1	15.7	16.3	13.2	8.9	7.2	10.0	13.9	17.2	16.9	24.1
Ростовская	865.1	24.1	25.0	20.4	23.4	16.5	12.2	8.9	14.5	20.6	22.1	25.4	28.4
Краснодарская	1273.4	34.3	34.4	28.0	29.5	20.7	15.3	11.9	20.5	29.2	34.9	42.9	47.5
Ставропольская	1423.3	23.2	23.5	19.1	21.2	16.5	12.5	9.5	14.5	20.6	21.7	26.0	29.5

Источник:[2]

В годы перестройки из архивов были извлечены сведения о смертности населения по областям. По этим данным наивысшая убыль жителей была в Киевской и Харьковской областях (8.6-8.8%). В областях на западе (Винницкая) и на юге (Днепропетровская, Одесская области и Молдавская ССР) смертность составила 5-5.7%. В Черниговской и Донецкой областях убыль была 3.8 и 3.4%³. Главное различие результатов двух методов в соотношении потерь западных и южных областей: в первом случае южные потеряли намного больше западных, во втором - потери запада немного превосходят потери юга.

Публикация в Демоскопе переписи 1939 года в одногодичной группировке по областям Украины [2] позволяет уточнить наши представления о географии потерь от голода 30-х годов.

Об относительных размерах потерь от голода будем судить по численности младших поколений в переписи 1939 года. Дети, являются хорошим общим индикатором и, кроме того, составляют заметную долю общих потерь в голодные годы, как правило, следовавшие в России за неурожаями. О связи детской смертности с плохими урожаями превосходно написал замечательный советский писатель Андрей Платонов:

"Ушли почти одни взрослые, - дети сами заранее умерли, либо разбежались нищенствовать. Грудных же постепенно затомили сами матери-кормилицы, не давая досыта сосать. Была одна старуха - Игнатьевна, которая лечила от голода малолетних: она давала им грибной настойки пополам со сладкой травой, и дети мирно затихали с сухой пеной на губах. Мать целовала ребенка в состарившийся морщинистый лобик и шептала: 'Отмучился родимый. Слава тебе Господи!'"

В таблице 2 прослеживается общая картина демографических изменений за рассматриваемый период. Повозрастная численность родившихся в 1928 во всех регионах

³Данные были опубликованы только в группировке по пятилетним интервалам. Автор использовал для расчетов поколения сельских женщин, поскольку они менее склонны к миграции и несли сравнительно меньшие потери от сталинских репрессий и второй мировой войны.

заметно выше, чем в 1927 году. Этот рост оказался последним аккордом начавшегося после введения НЭПа восстановительного процесса движения населения. В течение шести лет в СССР шло не просто увеличение численности, а прирост возрастающими темпами. Очевидно, такой рост мог продолжаться еще несколько лет, однако уже в 1929 году численность родившихся поколений повсеместно упала. Причиной был плохой урожай 1928 года. В 1930 году снижение было преодолено, но тенденция роста восстановилась лишь в нескольких областях Украины (Запад и Донбасс) и у ее белорусских и русских соседей. В большинстве регионов не была достигнута даже численность 1927 года. Затем последовало стремительное падение численности поколений в 1931, 1932 и 33 годах, что явилось непосредственным результатом коллективизации. Начиная с 1934 и вплоть до 1938 года, численность быстро растет. Провал в 1933 году в большинстве областей Украины достигает двойной глубины по сравнению с соседними 1931 и 1934 годами. Лишь в западных областях (Житомирская, Винницкая, Каменец-Подольская) и в северной (Черниговская) сокращение было не таким сильным особенно относительно 1934 года. Российские и белорусские области, включенные в таблицу 2 для контроля, делятся на две группы. Одна - области Северного Кавказа и Нижней Волги демонстрирует те же закономерности изменений численности поколений, что и большинство украинских регионов. Другая - белорусские области, русские области, граничащие с Украиной и северное Поволжье отличаются неглубоким спадом в 1933, а порой, нижняя точка в них даже сдвигается на 1934 год.

Наиболее удивительным результатом, зафиксированным в таблице 2, является отсутствие какой-либо демографической реакции на сильный неурожай 1936 года. Согласно советской статистике в этом году был самый низкий валовой сбор зерновых с 1922 по 1941 годы (55.8 млн. тонн). В действительности, по мнению большинства современных ученых, урожай 1932 года был хуже, чем в 1936 (50-55 млн. т.). Урожай 1928 год (73.3 млн. т) был на треть выше, чем в 1932 и 1936. В то же время государственные заготовки зерна быстро росли: 10.8 млн.т из урожая 1928, 18.5 млн.т. в 1933 и 22.9 млн. т. в 1936. Так что зерна в селе оставалось в 1936/37

заметно меньше, чем в 1933. Урожай картофеля был в эти три года примерно одинаков. Число коров у единоличников и колхозников, бывших главным спасением от голода многих семей с малолетними детьми, в 1928 году было 29.3 млн., в 1933 - 18.5 млн. а в 1936 - 14.9 млн.⁴ [5,4,7]. Таким образом, основных продуктов питания в деревне в 1936 году оставалось намного меньше, чем 1928 и даже меньше, чем в страшном 1933. Однако, провала численности поколений в отличие от 1929 и 1933 в демографических сведениях 1937 года не видно (Табл. 2). Можно предположить, что падение числа новорожденных было компенсировано ростом рождаемости из-за запрета на аборты, введенного в середине 1936 года. Но в этом случае численность в 1938 году должна была бы быть заметно выше, чем в 1937, поскольку урожай в этом году был замечательный, а запрет абортов оказывал еще большее воздействие, чем в предшествующем году. Но этого, однако, не случилось. Одинаковая численность поколений 1937 и в 1938 годов показывает, что потерь от голода дети, родившиеся в 1937 не понесли. Из этого следует, что причиной страшного голода 1932-33 годов был не столько плохой урожай, сколько условия жизни сельского жителя. Этот год стал кульминацией социальной и экономической борьбы между государством и крестьянством за распределение урожая. Сельский житель потерпел сокрушительное поражение, понес огромные потери и капитулировал. Крестьянин практически перестал претендовать на запасы зерна, предоставляя возможность распоряжаться ими государству. Он максимально урезал свои потребности, стал кормить свою семью с приусадебного участка, ухаживая за коровой, выращивая теленка или поросят, козу и птиц. Продукцию этого микро хозяйства селянин частично реализовывал на рынке, платил, причитающиеся налоги, а оставшееся было главным источником поддержания существования его семьи. Поэтому неурожай 1936, когда, как и в 1932 сельский житель практически не получил зерна для пропитания, не привел к серьезным демографическим изменениям.

⁴ Валовой сбор 1933 года я рассчитал в работе выполненной в 1963 году в размере 55 млн. т.к. похожей цифре приходят сегодня многие исследователи.

Резкое снижение численности поколений, родившихся в 1932-34 годах, вызывалось рядом причин: ростом числа аборт, разрывом семейных связей и падением брачности, сокращением сексуальной активности и вероятности зачатий в условиях голода и главное, повышенной смертностью от голода и болезней новорожденных, а порой и рожениц. Не приходится сомневаться, что все эти факторы существенно определялись тяжелыми условиями жизни крестьянина, отсутствием продовольствия, то есть голодом. Поскольку мы не пытаемся оценить абсолютные размеры потерь, рассмотрение влияния отдельных показателей на окончательный результат не является здесь нашей задачей. Достаточно предположить, что снижение численности поколений больше там, где голод был сильнее. Для сравнения отдельных областей используем изменение численность поколений сельских женщин в 1933 и 1932-1934 годах и в соседние годы и временные периоды. Нормированные различным образом коэффициенты сопоставления приведены в таблице 3. По совокупности всех результатов области Украины разбиты на 3 группы, а контрольные российские и белорусские регионы разделены на сильно пострадавшие от голода и сравнительно благополучные). Показатели 2-4 сравнивают численность сельских женщин 1933 года рождения с данными в предшествующие и последующие годы. Коэффициент 5 - процент данных 1933 года от общей численности сельских женщин в области. Коэффициенты 6-7 -показывают соотношения между средней численностью поколений 1932-1934 годов, и средними численностями за годы 1927-1930 и 1935-1938. В столбце 8 дается процент пожилых людей 60-89 лет от общей численности населения.

Из таблицы видно, что первые 7 областей в верхней части таблицы почти по всем группам коэффициентов имеют в большинстве случаев минимальные показатели. Из документов и свидетельств очевидцев известно, что на этой территории борьба за хлеб происходила особенно жестоким образом. Следующие 4 украинские области мало отличаются от первой группы по нескольким признакам, но коэффициенты 2, 5, 7 в этих областях больше, чем в первой группе. Остальные пять украинских областей почти по всем показателям, выше, чем в первой и второй группах.

Таблица 3

Расчетные коэффициенты относительного размера потерь от голода 1932-34 годов по некоторым областям и краям Украины, Белоруссии и РСФСР по переписи 1939 года

области	1	2	3	4	5	6	7	8
Полтавская	0,75	0,38	0,27	0,35	0,75	0,41	0,48	5,56
Кировоградская	0,73	0,43	0,26	0,36	0,78	0,44	0,49	5,39
Харьковская	0,74	0,41	0,24	0,34	0,80	0,41	0,46	5,28
Киевская	0,73	0,40	0,27	0,39	0,85	0,43	0,53	5,76
Днепропетровская	0,7	0,48	0,26	0,33	0,86	0,45	0,48	5,24
Сумы	0,89	0,45	0,32	0,41	0,96	0,45	0,50	6,25
Ворошиловградская	0,73	0,43	0,30	0,38	0,97	0,57	0,50	6,63
Запорожская	0,77	0,62	0,30	0,39	1,07	0,51	0,53	4,64
Одесская	0,88	0,56	0,31	0,39	1,02	0,55	0,58	5,22
Николаевская	0,81	0,61	0,29	0,39	1,05	0,53	0,58	4,69
Сталинская	0,86	0,57	0,34	0,37	1,09	0,56	0,52	5,76
Винницкая	0,94	0,59	0,37	0,42	1,01	0,59	0,60	6,32
Черниговская	1,02	0,59	0,41	0,48	1,12	0,55	0,56	7,13
Житомирская	0,89	0,56	0,40	0,46	1,28	0,56	0,62	5,16
Молдавская ССР		0,52	0,41	0,51	1,31	0,65	0,78	5,94

К. Подольская	1,08	0,82	0,53	0,53	1,38	0,70	0,66	7,10
Курская	1,05	0,70	0,45	0,51	1,49	0,64	0,60	6,27
Московская	1	0,91	0,52	0,70	1,55	0,68	0,72	7,10
Воронежская	1,11	0,78	0,50	0,56	1,63	0,74	0,66	6,99
Гомельская	1,01	0,81	0,63	0,67	1,95	0,78	0,80	7,43
Витебская	1,02	0,85	0,64	0,64	1,78	0,77	0,74	8,24
Горьковская	0,97	0,94	0,67	0,86	2,19	0,88	0,94	7,72
Куйбышевская	0,96	0,75	0,44	0,59	1,65	0,62	0,62	7,18
Саратовская	0,84	0,52	0,30	0,44	1,18	0,48	0,52	6,43
Ростовская	0,83	0,43	0,31	0,38	1,03	0,49	0,51	6,66
Краснодарская	0,8	0,41	0,25	0,40	0,93	0,41	0,50	5,01
Ставропольская	0,8	0,46	0,32	0,45	1,16	0,50	0,56	5,43

Примечание: 1. Коэффициент соотношения поколений сельских женщин в переписи 1959 года, о котором говорилось выше; 2. Соотношение уровня максимальных потерь численности в 1933 и 1935 завершившим коллективизации; 3. Соотношение численности 1933 и 1938 года, даты максимальной плодовитости, Эти дети были зачаты в условиях запрещения аборт (единственного реального способа контрацепции в то время); 4. Соотношение поколений 1933 и 1930 (дети, рожденные в этом году были зачаты до начала коллективизации); 5. Процент поколения 1933 от численности сельских женщин в 1939; 6. Соотношение средней численности поколений родившихся в годы коллективизации (1932-1933) и средней численности поколений после коллективизации (1935-1938); 7. Отношение средней численности поколений (1932-1934) к средней численности поколений, родившихся перед коллективизацией (1927-1930); 8. Процент численности стариков 60-89 лет в 1939 году к общей численности населения.

Источник: [3] и рассчитано по Табл. 2

Регионы РСФСР, сильно пострадавшие от голода (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская и Саратовская области) по всему набору показателей близки к первой группе, а соседние с Украиной русские и белорусские области по всем показателям заметно выше всех украинских регионов.

Таким образом, демографические сведения переписи 1939 года позволяют представить картину интенсивности воздействия голода 1932-34 годов на различные регионы страны, в частности на Украину. Больше всего пострадала Центральная и юго-восточная части Украины, Северный Кавказ и Саратовская область. Более благополучными оказались северные и западные украинские области. Полученные результаты хорошо согласуются с имеющимися личными и документальными свидетельствами и не противоречат нашей оценке по данным переписи 1959 года.

Литература

1. Всесоюзная перепись населения 1937 года: Общие итоги, М, 2007, с. 48-57.
2. Демоскоп Weekly. Приложение. Всесоюзная перепись населения 1939 г. Возрастной состав населения областей, автономных республик, автономных областей и округов союзных республик кроме РСФСР http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_age2_39.php
3. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года, РСФСР, М 1963.
4. Народное хозяйство СССР за 70 лет, М. 1987. С. 253.
5. Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР, Т.1, Нью-Йорк 1952, с. 213.
6. Рассчитана по Народне господарство УССР, Київ, 1935, с. 8; Голод в СССР, 1929-1934, т. 1, 1929 - июль 1932, Документы. М, 2011, с. 368-36.
7. Сельское хозяйство СССР. М. 1960. С. 263-267.
8. Maksudov. The Geography of the Soviet Famine of 1933, Journal of Ukraine Studies. Vol. 8, N 2, P. 52-58.

Дмитриев Р.В.¹

ФАКТОРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ ИНДИИ

Городское население может увеличиваться в общем случае за счет роста значений трех компонентов: а) естественного прироста; б) миграционного прироста; в) количества городов и площади, занимаемой городами. Соотношение этих компонентов изменялось на протяжении всей истории независимой Индии незначительно: в разные периоды, начиная с первой переписи 1951 г. и по настоящее время, прирост населения городов на 50-65% определялся превышением рождаемости над смертностью [9]; вклад миграционного прироста и увеличения количества городов в прирост городского населения был примерно одинаков (с некоторым преобладанием первого компонента) и колебался в пределах 17-29%.

Таблица 1

Вклад различных компонентов в прирост населения городов

	Естественный прирост, %	Миграционный прирост, %	Административные изменения, %
1991-2001 гг.	59,4	21,0	19,6
1981-1991 гг.	61,3	21,7	17,0

Составлено и скорректировано автором по материалам [12, 13]

Необходимо отметить, что наибольший вклад в увеличение численности населения Индии, еще не завершившей демографический переход, вносит естественный прирост (Табл. 1). Подобная ситуация характерна как для сельской местности страны, так и для ее городов. Однако, как и следовало ожидать, в городах основных двигателях экономической и культурной жизни страны социальные процессы имеют большую интенсивность, чем в селах. При сопоставлении данных Рис. 1 и 2 видно, что если в «городской»

¹Дмитриев Руслан Васильевич - к.г.н., м.н.с. Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Индии с середины 80-х гг. XX в. уже началась вторая стадия демографического перехода, то «сельская» Индия отстает от «городской» по крайней мере на десятилетие. Действительно, более быстрое снижение общего коэффициента рождаемости по сравнению с общим коэффициентом смертности является устойчиво характерным для сел страны лишь с 1995 г. Таким образом, по мере перехода к последующим стадиям демографического перехода значения коэффициента естественного прироста населения будут все более уменьшаться вследствие снижения значений коэффициента смертности и еще более быстрого снижения значений коэффициента рождаемости.

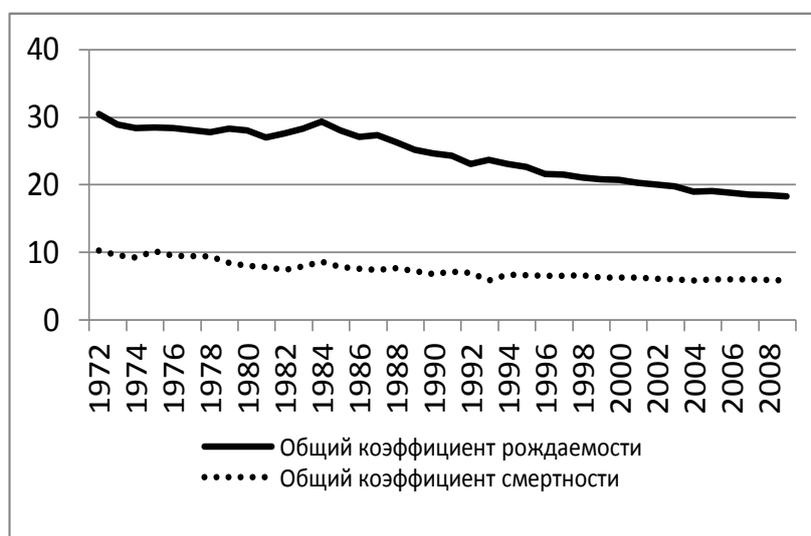

Рис. 1. Изменение значений общих коэффициентов рождаемости и смертности в городах Индии в 1972-2009 гг. (составлено автором по материалам [19, 38])

Доля естественного прироста в структуре общего прироста населения городов будет все более уступать доле механического движения, которое при завершении демографического перехода и установлении современного типа воспроизводства населения и

станет, в конечном счете, определять характер роста городов Индии.

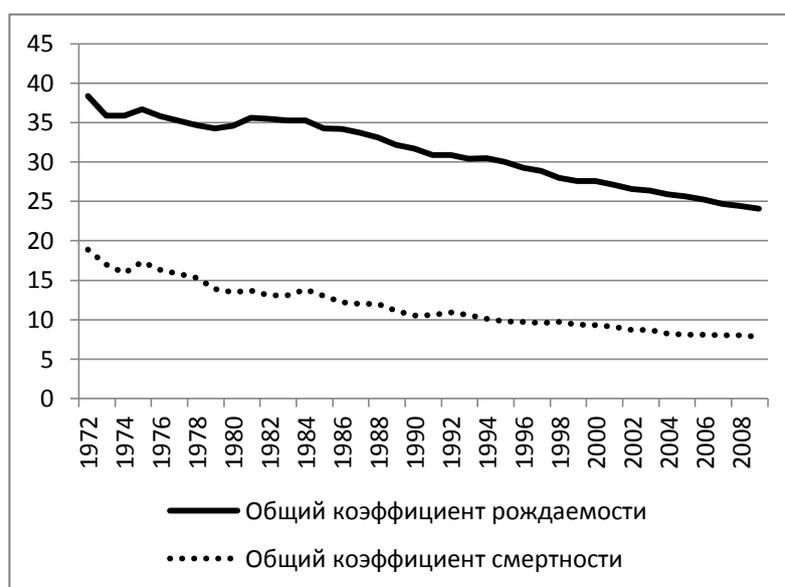

Рис. 2. Изменение значений общих коэффициентов рождаемости и смертности в селах Индии в 1972-2009 гг. (составлено автором по материалам [19, 38])

Вторая фаза демографического перехода в городах определила закономерное замедление здесь темпов естественного прироста. Практически правильная форма пирамиды в 2001 г. свидетельствует о прогрессивной возрастной структуре населения, которая, тем не менее, имеет явную тенденцию к стационарности (см. Рис. 3).

Однако такая картина является характерна прежде всего для более развитого в экономическом отношении Юга Индии (штаты Керала, Тамилнад, Андхра-Прадеш и Карнатака). По прогнозам, половозрастная пирамида городов этого региона к 2025 г. будет иметь форму колокола [26], что свидетельствует о еще большем снижении темпов прироста населения: Юг в конце первой четверти XXI в. перейдет к следующей фазе демографического перехода,

характеризующейся повышением общего коэффициента смертности. В городах Севера (штаты Бихар, Джаркханд, Орисса, Чхаттисгарх, Мадхья-Прадеш, Раджастхан, Уттар-Прадеш, Уттаракханд) [26], где организация семьи носит патрилокальный характер (женщина проживает в семье своего мужа, часто изолированно от родителей, её социальный статус принижен), максимизация рождаемости в семьях все еще будет являться экономически целесообразной.

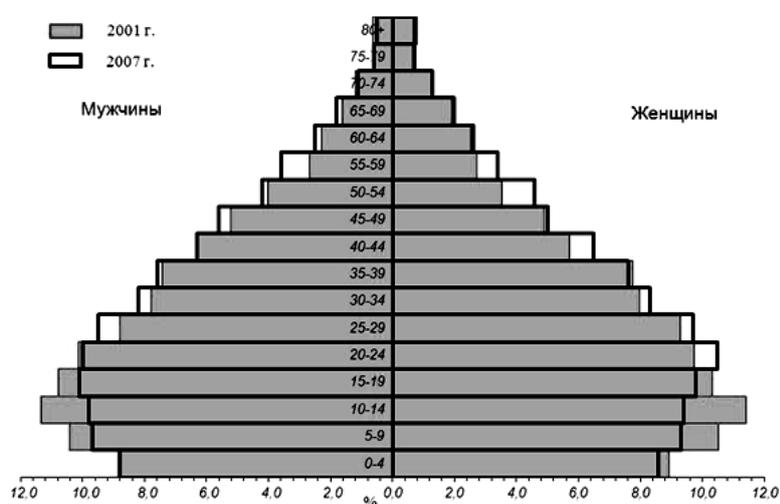

Рис. 3. Половозрастная пирамида городов Индии в 2001 и 2007 гг. (составлено автором по материалам [13, 26])

Именно эти штаты в настоящее время характеризуются наименьшими значениями уровня урбанизированности. Более высокую рождаемость в городах Севера по сравнению с индийским Югом можно объяснить также более высокой долей мусульман в религиозной структуре населения городов (21,5% на Севере против 16,6% на Юге): адепты ислама – второй по численности верующих конфессии Индии – в целом являются «более городскими» жителями, чем индуисты, и имеют гораздо большие значения коэффициентов рождаемости (Табл. 2).

Таким образом, за период с 1991 по 2001 гг. доля в населении страны лишь адептов одной религии – ислама – существенно возросла. Мусульмане, в целом, имеют более высокие значения уровня урбанизированности не только в целом по стране, но и в отдельных штатах; лишь штаты Западная Бенгалия, Керала, Ассам, Джамму и Кашмир и Харьяна не подчиняются установленной закономерности [11]. Керала, Ассам и Харьяна являются сельскохозяйственными штатами с традиционно высокой долей жителей сельской местности; в Джамму и Кашмире мусульмане составляют большинство населения штата (как в городах, так и в сельской местности), в связи с чем они более или менее равномерно расселены по поселениям разного типа; мигранты-мусульмане из Бангладеш оседают в основном в сельской местности традиционно индуистской Западной Бенгалии [2].

Таблица 2

Количественные характеристики адептов крупнейших по численности религий Индии, 2001 г.

	Индуисты	Мусульмане	Христиане	Сикхи
Доля в населении страны, % (1991)	82,30	11,75	2,44	1,92
Доля в населении страны, %	81,53	12,61	2,32	1,94
Уровень урбанизации, %	26,1	35,7	34,0	26,6
Доля лиц в возрасте до 5 лет, ‰	11,1	16,1	11,2	11,2
Суммарный коэффициент рождаемости	2,8	3,6	2,4	2,3
Возрастной коэффициент смертности в городах (до 5 лет), ‰	70	70	57	63

Составлено автором по материалам [11, 39]

Относительно низкие значения коэффициентов рождаемости и смертности у христиан и сикхов свидетельствуют о гораздо более глубоком развитии процессов демографического перехода с возможным установлением в воспроизводстве их населения современного типа. Однако это, являясь своеобразным положительным моментом в экономическом развитии населенных христианами и сикхами регионов страны, одновременно способствует снижению их доли в общей численности населения – прежде всего за счет интенсивного роста численности мусульман, общины которых находятся преимущественно на более ранних этапах демографического перехода. Последние увеличивают свою долю не только в городах «своего» штата Джамму и Кашмир, но и в населенных преимущественно христианами городах штатов Манипур, Нагаленд, Мизорам, а также в большинстве городов индуистских штатов Севера страны. Для Юга данная картина менее характерна, однако и здесь мусульмане (особенно в городах штатов Карнатака и Керала) медленно, но верно увеличивают свою долю в численности как городского, так и сельского населения административно-территориальных образований.

В связи с этим переход от прогрессивной к стационарной возрастной структуре населения (как в городах, так и в сельской местности) наступит на Севере не раньше второй половины XXI в. Уже сейчас в крупных городах Юга Индии доля естественного прироста в структуре общего прироста населения является крайне невысокой. В Бангалоре (штат Карнатака) она не достигает и 20%; почти на 50% рост населения здесь осуществляется за счет миграций [31]. Таким образом, высокая доля естественного прироста в общем приросте населения городов Индии будет все в большей степени поддерживаться именно за счет высокой рождаемости в штатах Севера. Тем не менее, начиная с 2005 г., суммарный коэффициент рождаемости в «городской» Индии находится ниже уровня простого воспроизводства населения – 2,1 ребенка на одну женщину. Однако людность городов все равно продолжает увеличиваться, причем именно за счет, в большинстве своем, естественного прироста. Подобное противоречие, тем не менее, легко объяснимо: в данном случае имеет место запаздывание снижения людности вследствие достаточно высокой доли в

возрастной структуре населения людей молодых возрастов. При этом, учитывая данные Рис. 3, мы можем ожидать увеличение численности городского населения страны как минимум еще на протяжении четверти века. Однако и потом, когда повысится роль миграционной составляющей в увеличении городского населения, последнее будет расти, однако уже не за счет естественного прироста.

Рождаемость в общем случае зависит не только от возрастной, но и от половой структуры населения. Для Индии показатель количества женщин, приходящихся на 1000 мужчин в городах, является одним из самых низких в мире – 926 [13]. В свою очередь на каждую 1000 женщин в городах Севера в 2001 г. приходилось около 35 рождений за год, а в городах Юга – 21 [13]. Таким образом, женщины Севера рожают в среднем в 1,5-2 раза больше, чем на Юге. Это незамедлительно сказывается и на продолжительности их жизни: женщины на Юге живут на 9-10 лет дольше. Частые роды, плохое здоровье, невысокое качество медицинского обслуживания, низкий социальный статус, нежелание иметь дочерей, которые в индийских семьях считаются обузой, – все это приведет к еще большему снижению численности женского населения относительно мужского в городах (и в сельской местности) на Севере страны. Меньшее количество женщин прежде всего в дающих максимальный прирост беднейших слоях населения – следовательно, меньшее количество рождающихся детей и еще большее, чем сейчас, обострение социальных противоречий в индийском обществе: такую цену придется заплатить городам Севера за возможность наступления третьей фазы демографического перехода во второй половине XXI в.

Вторым компонентом, определяющим рост населения городов, является сальдо миграции. Осуществление акта миграции в общем случае определяется внутренними и внешними по отношению к мигранту причинами, которые представляют собой 2 группы факторов (соответственно субъективные и объективные), побуждающих человека к миграции [4, 8]. В этой связи нельзя не согласиться с классиком отечественной географии населения Б.С. Хоревым, утверждавшим, что комплекс причин, побуждающих человека к миграции, обуславливается и территориальными

различиями в уровне жизни населения, и потребностями личности [10]. В большинстве случаев местом реализации потребностей человека становится город. Такая ситуация характерна, в основном, для развивающихся стран, где различия между городом и сельской местностью как в экономическом, так и социальном плане проявляются наиболее ярко (и Индия здесь не является исключением). Именно в городе вследствие крайне высокого здесь уровня концентрации промышленности и торговли человек может рассчитывать на достаточно высокую заработную плату, получение качественного образования, возможность пользоваться культурными развлечениями и т.п.

Даже несмотря на тот факт, что в конце XX в., в города Индии из каждых трех мигрантов приезжал лишь один [13], интенсивность подобных потоков исключительно велика. 3,5 млн мигрантов, приезжающих ежегодно в города (в основном с численностью населения более 100 тыс чел) [13], зачастую пополняют отнюдь не население этих городов, а население огромных по своей площади кварталов трущоб, юридически располагающихся за городской чертой.

Тем не менее, интенсивность миграционных потоков в города отнюдь не ослабевает. В данном случае она определяется совокупным действием «фактора привлекательности» (определяется силой притяжения города, т.е. уровнем его привлекательности для потенциальных мигрантов) и «фактора выталкивания» (определяется силой выталкивания потенциальных мигрантов из сельской местности, т.е. уровнем удовлетворения потребностей людей, ее населяющих) [24]. При этом малоквалифицированные мигранты имеют очень мало шансов на получение хорошо оплачиваемой работы, квалифицированной медицинской помощи и прочих благ цивилизации, которые потенциально могут предоставить им города. Многие из мигрантов, не достигнув поставленных целей, покидают новое место жительства вследствие действия «фактора отталкивания», направленного в противоположную от городов сторону.

Однако не все мигранты, перемещение которых направлено в сторону городов, фактически увеличивают численность городского населения. Лишь 60% мигрантов, которые при проведении переписи

населения 2001 г. назвали себя жителями городов (55% в 1991 г.), приехали из сельской местности [13, 20]. 2/3 из них, или 40%, приезжают из сел «своего» штата (в 1991 г. – 53,5%) и лишь 1/3, или 20% – из сел, административно относящихся к другим штатам страны (в 1991 г. – 1,5%). Обращает на себя внимание существенное повышение доли межштатовых мигрантов в системе «село-город» за последнее десятилетие XX в. по сравнению с временным интервалом 1981-1991 гг., однако географически подвижность населения Индии является довольно низкой. Этому способствуют, в первую очередь, социальные причины, главной из которых является кастовое расслоение индийского общества. Согласно господствующим среди индуистов представлениям, жизнь любого из них должна проходить среди представителей его касты; осуществление межкастовых браков крайне затруднительно, каждая каста занимается тем видом деятельности, который предписан ей существующими традициями. Еще одной причиной этого является крайне низкая степень одного из основных определителей миграционного процесса вообще – приживаемости мигрантов, относящихся к текучему слою новоселов. В Индии каждый третий мигрант, проживший на новом месте менее 5 лет, уезжает (на старое или более выгодное для него с экономической и социальной точек зрения место жительства) [3].

Для того чтобы оценить подвижность населения и его предпочтения в выборе предстоящего места жительства, необходимо проанализировать те причины, которые побуждают (или побуждали) ту или иную группу населения Индии к совершению акта миграции. Если в общей совокупности мигрантов, выбравших город в качестве своего места жительства в 1991-2001 гг., численно несколько преобладают женщины (51% против 49% мужчин), то при анализе географического распределения мигрантов по месту выбывания данное соотношение изменяется [5]. При этом наблюдается следующая закономерность: чем ближе населенный пункт, выбранный в качестве предстоящего места жительства, к району выбытия потенциального мигранта, тем большую долю в структуре мигрантов имеют женщины. То есть мужчины Индии при прочих равных условиях готовы ехать в города и из других штатов, в то время как женщины предпочитают осуществлять переезд в

основном в границах своего штата. В зависимости от пола мигранта изменяется и характер причин, побудивших к смене места жительства: если для мужчин в качестве основного стимула выступает поиск работы, способной обеспечить его семью средствами к существованию, то для женщин на первый план выдвигаются социальные причины – заключение брака и переезд с семьей [4]. При этом данная закономерность в Индии не зависит от людности города, в который приезжают мигранты; хотя некоторая корреляция между причинами переезда у мужчин и людностью города существует: чем больше людность города, тем для большего количества мужчин поиск работы выдвигается на первый план. Таким образом, именно в городах с людностью более 100 тыс. чел общеиндийские закономерности проявляются в наиболее яркой степени.

Таблица 3
Характер миграций в агломерации Индии людностью более 5 млн человек за период 1991-2001 гг.

Агломерация	Мигранты «село-город» («город-город»), млн чел	Доля мигрантов в общем потоке мигрантов в города страны, %	Мигранты, %	
			Из «своего» штата	Из других штатов
Б. Мумбаи	1,68 (0,73)	6,8	35,6	63,1
Б. Колката	0,50 (0,22)	2,2	57,2	36,1
Б. Дели	1,36 (0,64)	5,8	3,7	94,1
Б. Ченнаи	0,21 (0,19)	1,2	76,9	21,8
Большой Хайдарабад	0,29 (0,18)	1,4	81,8	17,7
Б. Бангалор	0,37 (0,35)	2,1	52,8	46,4

Составлено автором по [13, 32]

Макроцефальность городов Индии отражается и в распределении мигрантов, приезжающих в города в зависимости от людности последних. Так, 6 крупнейших в 2001 г. по численности населения агломераций Индии, в которых проживало 21,1% всего городского населения страны [12], принимали в среднем 19,5% всех мигрантов, направляющихся в города (Табл. 3). Обращает на себя

внимание низкая доля мигрантов, приезжающих в Колкату, и высокая – приезжающих в Бангалор. Колката, известная как «старый» центр притяжения мигрантов, фактически исчерпала свои ресурсы, связанные с возможностью приема очередных миграционных потоков, интенсивность миграций из соседней Бангладеш резко упала. Бангалор, являясь центром индийской «кремниевой долины», притягивает ищущих работу мигрантов в гораздо большей степени, чем лидер по численности населения Юга в 2001 г. – Ченнаи. Крупнейшая по численности населения агломерация Индии – Большой Мумбаи – принимает мигрантов в основном из других штатов, в то время как все остальные агломерации (за исключением занимающего особое положение Большого Дели) – в основном из «своего штата». Объяснение подобной закономерности для небольшого по площади по сравнению с другими административно-территориальными единицами Дели не представляет трудностей, поскольку почти все население национальной столичной территории является городским. Выявление причин, определяющих соотношение между приезжающими мигрантами, для Большого Мумбаи требует более детального анализа:

Таблица 4

Распределение иммигрантов в зависимости от пола и времени вселения в агломерации Мумбаи и Дели в 2001 г., %

Время вселения	Большой Мумбаи		Большой Дели	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Менее 1 года	50,7	49,3	60,0	40,0
От 1 до 4 лет	55,8	44,2	57,5	42,5
От 5 до 9 лет	60,7	39,3	55,7	44,3

Рассчитано и составлено автором по материалам: [13, 28]

Таким образом, для Большого Мумбаи характерна следующая закономерность (Табл. 4): чем более близкую во временном отношении к переписи 2001 г. категорию мигрантов мы будем анализировать, тем меньшую долю в этой категории будут составлять мужчины (для Дели наблюдается абсолютно обратная картина). Поскольку для мужчин, как было показано, основной причиной миграции в города является поиск работы, следовательно,

вполне правомерен следующий вывод: Мумбаи теряет привлекательность в экономическом отношении для потенциальных мигрантов и сдает свои до недавнего времени лидирующие позиции в стране (по крайней мере по отношению к своему ближайшему конкуренту – Дели). Поскольку для обеих агломераций в структуре иммиграционных потоков характерно преобладание мигрантов из других административных единиц, а не из тех, в которых они располагаются, то весьма реалистичным выглядит следующий прогноз развития: темпы экономического развития Мумбаи будут замедляться по отношению к своему «конкуренту»; для Мумбаи период особенно интенсивного роста (во всех отношениях) подходит к своему завершению, именно для Дели проблема регулирования миграционных потоков в будущем будет являться особенно острой.

Характер миграций в агломерации Юга Индии существенно отличается от такового в Мумбаи, Дели и Колкату: в условиях постепенной смены второй стадии демографического перехода третьей и дальнейшего формирования опорного каркаса расселения на Юге соотношение между мигрантами из сел и городов все более снижается, приближаясь к показателю, равному 1. «Фактор выталкивания» из сельской местности Севера и «фактор привлекательности» Мумбаи, Дели и Колкаты все еще оказываются сильнее «фактора отталкивания» этими агломерациями прибывающих мигрантов. При этом функциональное развитие этих агломераций в какой-то мере препятствует снижению миграционных потоков, направленных в их сторону. Ведь чем более отличны по условиям жизни город и сельская местность, тем выше количество ищущих в городах «лучшей доли» бедняков из сельской местности. В связи с этим попытка искусственного снижения миграций типа «село-город» явно не будет иметь успеха, а, скорее, приведет лишь к возрастанию уровня социальной нестабильности. В связи с этим нельзя не согласиться с мнением аналитиков ООН, заявляющих, что лишь нивелирование различий в уровнях жизни в городе и сельской местности может способствовать снижению ожидаемого развивающейся страны в скором времени лавинообразного потока мигрантов в города [7].

Тем не менее, при огромных абсолютных значениях, за двадцатилетний период, прошедший между переписями населения 1981 и 2001 гг., наблюдалось неуклонное снижение относительных значений вклада миграционного (на 0,7%) и особенно естественного прироста (почти на 2%) в общий прирост численности населения городов Индии. При этом все больше новых городов стали в конце XX – начале XXI вв. центрами притяжения мигрантов, которые, в свою очередь, обеспечивают повышение их естественного прироста. За период, прошедший между переписями 1981 и 2001 гг., в Индии возникли почти 2 тысячи новых городов [23], концентрирующих в себе, однако, лишь 5% городского населения. Наибольший вклад в этот прирост внесли штаты, центры которых являются крупнейшими по численности городами страны – Западная Бенгалия, Махараштра, Тамилнад, Карнатака, Андхра-Прадеш [23]. Таким образом, меры Правительства, направленные на «разгрузку» центров этих штатов можно считать успешными. Косвенным подтверждением этого является и резкое увеличение числа городов страны за первое десятилетие XXI в.: административный прирост составил более 2800 единиц, что почти в 1,5 раза больше, чем за два предыдущих десятилетия [13]. Однако движение упомянутых штатов по пути изменения количества городов на своей территории за последнее десятилетие XX в. было разнонаправленным. При этом Андхра-Прадеш, Карнатака, Тамилнад и Западная Бенгалия являются лидерами по разнице между количеством упраздненных и созданных городов. В этот список также входят штаты Керала и Гуджарат. Примечательно, что в группу тех административно-территориальных единиц Индии, которые потеряли за последнее десятилетие XXI в. наибольшее количество городов (в сравнении с количеством приобретенных) вошли все штаты более развитого как в социально-экономическом, так и в демографическом отношении Юга Индии (Табл. 5). Вероятно, причиной этого является включение более мелких населенных пунктов в зоны влияния более крупных.

Таблица 5

Изменения в количестве городов некоторых штатов Индии в 1991-2001 гг.

Штат	Разница в количестве созданных и упраздненных городов, 1991-2001	Уровень урбанизации, 2001
Карнатака	-54	33,98
Андхра-Прадеш	-54	27,08
Гуджарат	-42	37,35
Керала	-39	25,97
Тамилнад	-34	43,86
Западная Бенгалия	-10	28,03

Составлено автором по данным: [13]

Таким образом, можно предположить, что в условиях начавшегося раньше демографического перехода, на Юге страны происходит усложнение структуры расселения, сопровождающееся процессами агломерирования. Абсолютно обратная картина наблюдается в Дели и штате Махараштра, которые являются лидерами по разнице созданных и упраздненных городов. Являясь двумя крупнейшими по численности населения городами страны, столицы данных административно-территориальных единиц с течением времени (вследствие огромного естественного и особенно механического прироста) исчерпывают свои возможности по вмещению и обеспечению минимальными средствами существования все новых масс населения. Положительное сальдо процесса административных преобразований городских поселений приводит к острой необходимости решения проблемы сосредоточения основных масс населения в Мумбаи и Дели посредством их деконцентрации с использованием потенциала новых городов штата Махараштра и Национальной Столичной территории Дели. Таким образом, можно сделать вывод, что развитие естественных процессов агломерирования с одной стороны и в некоторой мере искусственное рассредоточение потенциала крупнейших городов посредством создания «дополнительных» более мелких населенных пунктов с другой, в Индии имеют следствием схожий эффект.

В то же время при изучении не точечных объектов городов, а агломераций населенных пунктов в Индии мы сталкиваемся с той проблемой, которую еще четверть века назад отметили в своей совместной работе Л.И. Бонифатьева и В.-Р.Л. Крищюнас. Действительно, точная делимитация агломераций в этой стране «... невозможна ввиду отсутствия в индийской статистике данных о маятниковых миграциях населения и функциональной структуре городов...» [1]. Если бы не данная дилемма, то наилучший результат, как представляется, мог дать анализ развития агломераций с позиции морфолого-функционального определения последних, выдвинутого в работах советских и российских градovedов Г.М. Лаппо, Е.Н. Перцика, Ю.Л. Пивоварова и др.

Однако при анализе агломераций Индии возникает трудность, связанная с низкой миграционной подвижностью населения страны, а также с отсутствием в данных переписей информации о характере маятниковых миграций. Это вынуждает нас использовать близкий по своему значению к понятию «агломерация» термин «метрополитенский ареал», которые при высокой людности оказываются практически идентичными. Так, в Индии при минимальной численности населения последнего в 20 тыс. чел ядро или хотя бы один из составляющих городов должны иметь статус «установленного города» [27]. При этом метрополитенский ареал в Индии может состоять и из одного города (city или town), однако необходимо наличие связанного с ним в функциональном и/или культурном отношении одной или нескольких пригородных зон.

Необходимо отметить, при этом, что для крупнейших городов страны, разумеется, численность ядра метрополитенского ареала существенно превышает установленное значение в 20 тыс. жителей. При этом, несмотря на достаточно высокие значения темпов прироста населения главных городов, зачастую прилегающая к ядру зона растет даже быстрее. И касается это, в первую очередь, крупнейших метрополитенских ареалов страны: ядром их являются города людностью более 2 млн чел, число которых по данным переписи 2011 г. равно 13 [13].

Таблица 6

**Среднегодовые темпы прироста населения крупнейших
метрополитенских ареалов Индии в 1991-2001 гг.**

Агломерация	Среднегодовые темпы прироста населения (1991-2001), % ²	
	Ядро	Прилегающая зона
Сурат	4,97	12,65
Джайпур	4,32	0,28
Пуна	4,08	5,24
Канпур	3,13	1,37
Лакхнау	3,05	2,79
Дели	3,02	12,08
Нагпур	2,89	3,11
Бангалор	2,71	5,32
Ахмадабад	2,04	3,06
Мумбаи	1,84	2,67
Хайдарабад	1,75	5,08
Ченнаи	1,23	3,08
Колката	0,39	2,11

Расчитано и составлено автором по [14-18, 21-22, 25, 27, 29, 30, 33, 35-37, 40]

Указанные в Табл. 6 крупнейшие по численности населения метрополитенские ареалы концентрируют в себе около трети всего городского населения страны и являются, в основном, центрами административно-территориальных единиц Индии первого ранга (включая Столичную территорию Дели). Однако для некоторых штатов характерно более широкое, чем для остальных, развитие верхних этажей популяционной структуры расселения: в Махараштре помимо административного центра существуют еще два ареала с численностью населения более 2 млн чел (в непосредственной близости от Мумбаи – Пуна, а также в восточной части штата – Нагпур). Схожая ситуация наблюдается также в штатах Гуджарат (ареалы Ахмадабада и Сурата) и Уттар-Прадеш (представляющие собой, по сути, единую конурбацию ареалы Лакхнау и Канпура).

²Опубликованные к настоящему моменту данные переписи 2011 г. учитывают административные изменения в границах агломераций; таким образом, они не могут быть сопоставлены с соответствующими данными 2001 г.

Таким образом, от столицы страны протягиваются два своеобразных луча повышенного количества крупнейших метрополитенских ареалов: первый – в сторону Мумбаи и Пуны на Бангалор (обусловленный высоким уровнем экономического развития) и второй – на Канпур и Лакхнау (вследствие крайне высокой численности населения в соответствующей административно-территориальной единицы). Указанная закономерность, основанная на анализе статистических данных, подтверждается и картографическими материалами. Следствием подобного распределения будет являться формирование для некоторых из них единых (обобществленных) пространств на основе транспортных магистралей страны. Таким образом, правомерно говорить о протекании на территории современной Индии субурбанистических процессов.

Вместе с тем, возможное развитие последних будет приводить к необходимости реорганизации недвижимости в ядрах агломераций в условиях ее функциональной переориентации. В особенности данная ситуация будет характерна для крупнейших метрополитенских ареалов страны с численностью населения более 5 млн человек, которые могут стать (а некоторые уже и являются) своеобразными «ядрами конденсации», которые, концентрируя в себе огромные людские ресурсы, способствуют развитию здесь наукоемких отраслей хозяйства, а также сферы услуг. Раньше всего «закат эры» трудоемких отраслей экономики, не требующих наличия специалистов высокой квалификации, начался на Юге Индии с его более поздней стадией демографического перехода. Во временном отношении лидером здесь являлся Ченнаи, который, однако, в настоящее время все более уступает свои главенствующие позиции Хайдарабаду и в особенности Бангалору. Последний представляет собой крупнейший центр soft-индустрии страны и в настоящее время является вторым по значению темпов прироста ВВП метрополитенским ареалом Индии – 11,5% за время, прошедшее с момента проведения переписи населения 2001 г.

Однако подобные достижения не могли быть обеспечены только лишь большим количеством населения, проживающего в границах указанных ареалов. Значительная часть

квалифицированных специалистов либо получила образование в университетах Бангалора, Хайдарабада и Ченнаи, либо приехала сюда из соседних дистриктов и штатов. Так, анализируя состав миграционных потоков, направленных в сторону Бангалора и Хайдарабада, получаем, что у мигрантов, проживающих в пределах формирующихся на их основе ареалов, основной целью приезда являлись семейные обстоятельства (чаще всего – переезд жены к проживающему здесь мужу) и устройство на работу. Однако для мигрантов, являющихся городскими жителями, на первый план выдвигаются получение образования и коммерческая деятельность [21].

Тем не менее, миграционные потоки в крупнейшие ареалы Индии различаются по своему вкладу в общий прирост их населения.

Как видно из Табл. 7, наибольшее значение для роста населения агломераций Юга страны имеет именно миграционный прирост. Бангалор, Ченнаи и Хайдарабад являют собой пример относительно новых центров, для которых соотношение факторов «привлекательности» и «отталкивания» выглядит наиболее оптимальным на данном этапе развития производительных сил при привлечении мигрантов из других районов страны.

Таблица 7

Соотношение естественного и миграционного прироста в общем приросте численности городского населения крупнейших метрополитенских ареалов Индии

<i>Ядро метрополитенского ареала</i>	<i>Соотношение естественного и миграционного прироста</i>
Мумбаи	1,6:1
Дели	1:1,3
Колката	Миграции – 50,8%
Ченнаи	1:1,6
Бангалор	1:2,5
Хайдарабад	1:2,9

Составлено автором по [15, 16, 18, 31, 34, 37]

Подобная ситуация характерна и для столицы страны – Дели, которая, как было показано выше, обладает наибольшей

привлекательностью для мигрантов по сравнению с Мумбаи и Колкатой. Последняя все еще растет за счет миграционного прироста, однако данная ситуация является, скорее, исключением. Интенсивность миграционных потоков из Бангладеш в Индию, разумеется, уже не так высока, как при разделе Британской Индии и в дальнейшем Пакистана, однако Западная Бенгалия со столицей в Колкате до сих пор испытывает демографическое давление со стороны граничащей с ней Бангладеш. При отсутствии подобного явления соотношение между естественным и миграционным приростом в Колкате и Мумбаи должны были бы быть весьма схожи. Мумбаи же теряет привлекательность для потенциальных мигрантов по сравнению со своим «конкурентом» – Дели. При этом прилегающая к ядру метрополитенского ареала Дели зона растет явно быстрее столицы страны. По прогнозам демографов, Фаридабод и Газиабод, входящие, по сути, в Делийский ареал, за период с 2006 по 2020 гг. по значениям показателя среднегодовых темпов прироста населения будут занимать соответственно восьмое и второе места в мировом рейтинге.

Тем не менее, рост прилегающих к ядру Дели зон отнюдь не является равномерным. Это относится, в целом, и к выделяемой на территории Индии нагломерационной структуре, развитие которой происходит по линии Амритсар – Дели – Агра [6]. Основную роль в данном процессе играет юго-восточный вектор с направлением на главные города штата Уттар-Прадеш Агру, а также в дальнейшем Канпур и Лакхнау.

Мумбаи по сравнению с Дели имеет несколько ограниченные в территориальном аспекте перспективы роста, что объясняется, в первую очередь, его географическим положением на побережье. Это подтверждается и сравнимыми величинами значений среднегодовых темпов прироста населения ядра и прилегающей зоны Мумбаи. В связи с этим основными направлениями роста метрополитенского ареала Мумбаи являются северное и юго-юго-восточное в сторону формирующейся по линии Бангалор – Коямпуттур Мадурай южного мегарегиона страны [6].

Столь масштабное развитие нагломерационной структуры на основе Мумбаи по сравнению с таковой для Дели (при менее выгодных территориальных предпосылках для первого из них)

объясняется, в первую очередь, ролью этих городов в становлении хозяйства страны. Мумбаи прочно закрепил за собой статус «ворот в Индию» еще со времен английской Ост-Индской Компании, в то время как эпоха расцвета современного Дели началась лишь с переносом сюда столицы из Колкаты (в то время Калькутты) в 1911-1912 гг. В связи с этим, учитывая «временной выигрыш» Мумбаи, развитие агломерации Дели носит «догоняющий» характер.

Таким образом, фактически мы наблюдаем следующую закономерность: чем раньше начался процесс урбанизации в пределах какой-либо территории (в данном случае при рассмотрении метрополитенских ареалов мы имеем в виду время их включения в активную хозяйственную деятельность в рамках всей страны), тем большее значение в структуре прироста ее населения будет играть естественная составляющая. Учитывая рекомендации, выдвинутые при анализе скорости роста отдельных частей крупнейших агломераций страны, необходимо отметить, что для более «старых» центров – Мумбаи, Колкаты и в некоторой степени Дели – в ближайшем будущем проблема регулирования миграционных потоков, направленных в эти агломерации, не будет иметь решающего значения. Однако если для Мумбаи и Колкаты весьма закономерным в недалеком будущем будет снижение численности населения ядра, то для Дели такая ситуация будет иметь место несколько позднее. Тем не менее, на данном этапе развития индийского общества рост населения городов и метрополитенских ареалов будет продолжаться. Осуществляться он будет несколько разнонаправлено, однако в дальнейшем именно прилегающая к ядру зона станет сосредоточением основных масс населения. В связи с этим особенно остро стоит проблема реализации государственных программ по обеспечению пригородных зон крупнейших ареалов страны необходимыми условиями для проживания там малоимущих слоев населения, которые будут избирать данные территории местом своего проживания по мере развития процесса урбанизации в Индии «вширь» и «вглубь».

Литература

1. Бонифатьева Л. И., Кришюнас В.-Р. Л. Дели // Крупнейшие города капиталист. и развив. стран / Под ред. В. В. Вольского, Л. И. Бонифатьевой, В. М. Харитоновой. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 172.
2. Горохов С.А. География религиозно-общинных конфликтов в Индии: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – М., 1999. – 16 с.
3. Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Парадоксы урбанизации современной Индии // География в школе. 2009. № 2. С. 17-23; № 3, С. 24-28.
4. Дмитриев Р.В. Влияние миграций на изменение численности населения территориальных образований современной Индии // сб. научных трудов географического факультета. – М.: МПГУ, 2007. - 84 с.
5. Дмитриев Р.В. Механическое движение как важнейший фактор изменения численности населения территориальных образований Индии // Организация территории: статика, динамика, управление: материалы V Всероссийской научно-практической конференции / БГПУ им. М.Акмиллы, Башстат, УНЦ РАН. – Уфа, БГПУ, 2008. – 140 с.
6. Дмитриев Р.В. Роль наднагломерационных структур в формировании опорного каркаса расселения Индии: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – М., 2011. – 19 с.
7. Мартин Д., Делигиоргис Д., Фуэрсих К. и др. Народонаселение мира в 2007 г. Использование потенциала урбанизации. Доклад Фонда ООН в области народонаселения. – Нью-Йорк, 2007.
8. Перцик Е.Н. Геоурбанистика. – М.: Академия, 2009. – 432 с.
9. Самбурова Е.Н., Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Урбанизация в Китае и Индии: сравнительный анализ // География мирового развития. Вып. 2. / Под ред. Л.М. Синцера. – М.: КМК, 2010. – С. 240-253.
10. Хорев Б.С. Исследование функциональной структуры городских поселений СССР (в связи с задачами их экономико-географической типологии) // Вопросы географии. Сб. 66. – М.: Мысль, 1965. – С. 53.

11. Banthia J.K. The First Report on Religion Data. Census of India 2001. – New Delhi, 2004.
12. Bhagat R.B. Urban Growth by City and Town Size in India. – Mumbai: International Institute for Population Size, 2005.
13. Census of India 2011. – URL: <http://www.censusindia.gov.in/> (дата обращения: 18.06.2012).
14. City Development Plan Ahmedabad 2006-2012. – Ahmedabad: Municipal Corporation and Urban Development Authority, 2006. – P. 9.
15. City Development Plan Delhi. Chapter 2. – New Delhi: Department of Urban Development, 2006. – P. 3.
16. City Development Plan for Hyderabad. Chapter 2. – Greater Hyderabad Municipal Corporation, 2006. – P. 13.
17. City Development Plan for Jaipur. Chapter 2. – JNNURM, 2006. – P. 3.
18. City Development Plan for Kolkata Metropolitan Area. Chapter 1. – Kolkata: Metropolitan Development Authority, 2006. – P. 8.
19. Databook for use of Deputy Chairman, Planning Commission. 2011, November 1. P. 112. URL: http://planningcommission.nic.in/data/datatable/0211/Databook_comp.pdf (дата обращения: 18.11.2011).
20. Dewal O.S., Mahmood A., Sharma D.K. Integrating migration into Social Science Curriculum. New Dehi, 2002. – P. 90.
21. Iyer N.K., Kulkarni S., Raghavaswamy V. Economy, Population and Urban Sprawl. A Comparative Study of Urban Agglomerations of Bangalore and Hyderabad. Using Remote Sensing and GIS Techniques. – Nairobi, 2007. – P. 21-22.
22. Kanpur City Development Plan. Final Report. Chapter 3. – JNNURM, 2006. – P. 13-16.
23. Kundu A. Migration and Urbanization in India in the Context of Poverty Alleviation. – New Delhi, 2004.
24. Lee E.S. A Theory of Migration. Demography, Vol. 3, No. 1, 1966. – P. 47-57.
25. Lucknow City Development Plan. Chapter 2. – JNNURM, 2006. P. 6.
26. Mari Bhat P.N. Indian Demographic Scenario, 2025. – Delhi: Population Research Centre, Institute of Economic Growth, 2001.

27. Mookherjee D., Hoerauf E. Cities Transition: Monitoring Growth Trends in Delhi Urban Agglomeration 1991-2001 // Cities in Transitio. 2004. № 21. – P. 195-203.
28. Mukherji S. Low quality migration in India: the Phenomena of Distressed Migration and Acute Urban Decay. 24th IUSSP Conference. – Salvador, 2001.
29. Nagpur City Development Plan. Volume 1. – JNNURM, 2006. – P. 24.
30. Nalawade S.B. Geography of Pune Urban Area. – Pune: Dept. of Geography, Fergusson College, 1997. – P. 2.
31. Narayana M.R. Globalization and Urban Growth: Evidence for Bangalore (India). CIRJE, University of Tokyo and Institute for Social and Economic Change, 2008.
32. Neekhra V., Onishi T., Kidokoro T. Poor migrants in Urban Areas – Impacts and Issues in Developing Nations. The University of Tokyo, 2006.
33. Neelima R. The case of Mumbai, India. – New Delhi: School of Planning and Architecture, 2003. – P. 3.
34. Parasuraman S. Uncovering the Myth of Urban Development in Mumbai. – Mumbai: Tata Institute of Social Science, 2007. – P. 5.
35. Rai N., Singh A.K. Strategic Issues in Infrastructure Development: a case Study of Lucknow City. – Lucknow: Regional Centre for Urban and Environmental Studies, 2007. – P. 25-27.
36. Sanjay U. Transforming Mumbai into a World-Class City. – Mumbai, 2006. – P. 5.
37. Second Master Plan for Chennai Metropolitan Area, 2026. Volume I. – Government of Tamil Nadu, 2008. P. 10.
38. Shinoda T. Morphology of India's Urbanization // The Developing Economies. 1996. Vol. 34, Iss. 4. – P. 520-549.
39. Social, Economic and Educational Status of the Muslim Community of India. Prime Minister's High Level Committee. Government of India, 2006.
40. Surat City Development Plan (2006-2012). – Surat: Municipal Corporation and Urban Development Agency, 2006. – P. 7.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Архангельский Владимир Николаевич – к.э.н., заведующий сектором Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Васин Сергей Алексеевич – с.н.с. Института демографии НИУ ВШЭ

Винник Мария Викторовна – м.н.с. Института демографии НИУ ВШЭ, аспирантка кафедры демографии НИУ ВШЭ

Герасимова Вероника Юрьевна – аспирантка кафедры демографии НИУ ВШЭ

Данилова Ирина Андреевна – к.э.н., заведующая сектором Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Денисенко Михаил Борисович – к.э.н., доцент, заведующий кафедрой демографии Института демографии НИУ ВШЭ

Дмитриев Руслан Васильевич – к.г.н., м.н.с. Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Елизаров Валерий Владимирович – к.э.н., руководитель Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Иванов Сергей Феликсович – Департамент экономических и социальных вопросов Секретариата Организации Объединенных Наций.

Козлов Владимир Александрович – к.э.н, доцент кафедры демографии НИУ ВШЭ

Максудов Сергей (Бабеньшев Александр) – историк, демограф, социолог. Преподавал и вел исследовательскую работу в Гарвардском и Бостонском университетах (США), в Украинском институте Эдмонта (Канада).

Мкртчян Никита Владимирович - к.г.н., ведущий научный сотрудник Центра демографических исследований Института демографии НИУ ВШЭ

Синица Арсений Леонидович – к.э.н., научный сотрудник Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

CONTENTS

- Yelizarov V.V.**
THE PRONATALIST POLICY IN CONTEMPORARY RUSSIA:
EXPECTATIONS, RESULTS AND PROSPECTS
- Ivanov S.F**
EVOLUTION OF MARRIAGE PATTERN IN EUROPE
- Arkhangelskiy V.N.**
REPRODUCTIVE BEHAVIOUR OF YOUNG PEOPLE IN THE TULA
REGION
- Denisenko M.B.**
THE TERRITORIAL HETEROGENEITY IN THE DEMOGRAPHIC
DEVELOPMENT OF THE KOSTROMA REGION IN 2002-2010
- Danilova I.A.**
SOCIO-DEMOGRAPHIC DIFFERENTIATION OF THE RUSSIAN
REGIONS
- Kozlov V.A., Gerasimova V.YU.**
THE ATTITUDES OF THE ELDERLY TO THE YOUNG PEOPLE IN
AGEING SOCIETY
- Sinitza A.L.**
CHILDCARE AS A LABOUR
- Mkrtchyan N.V.**
THE PROBLEMS OF REGISTRATION OF THE POPULATION OF
INDIVIDUAL AGE GROUPS IN THE 2010 POPULATION CENSUS:
CAUSES OF THE DEVIATIONS OF THE OBTAINED DATA FROM
THE EXPECTED DATA
- Vasin S.A., Kozlov V. A.**
THE MAIN AND ADDITIONAL MEANS OF SUBSISTENCE
ACCORDING TO THE 2010 POPULATION CENSUS
- Vinnik M.V.**
THE SEASONALITY OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN BARNAUL
ACCORDING TO THE POKROVSKY PARISH REGISTERS: 1877-1886
- Maksudov S.**
GEOGRAPHY OF HUMAN LOSSES FROM 1932-1934 HUNGER IN
UKRAINE
- Dmitriev R.V.**
COMPONENTS OF URBAN POPULATION GROWTH IN INDIA